

Mojca Kumerdej

JETRNIK

Sample translation

Design Studio U3bek d.o.o.

MOJCA KUMERDEJ - JETRNIK

Sample translation

Uredila / Edited by

Tanja Petrič, Katja Stergar

Založila in izdala Javna agencija za knjigo Republike Slovenije, Tržaška 2, 1000 Ljubljana

Zanjo Slavko Pregl, direktor

Issued and published by Slovenian Book Agency, Tržaška 2, 1000 Ljubljana

Slavko Pregl, Director

Grafično oblikovanje in prelom / Technical editing and layout

Studio U3nek d.o.o.

Tisk / Print

Tiskarna Medium d.o.o.

Naklada / Print run

300 izvodov / 300 copies

Darilna publikacija / Gift edition

© Nosiči avtorskih pravic so avtorji/prevajalci sami, če ni navedeno drugače.

© The authors/translators are the copyright holders of the text unless stated otherwise.

Ljubljana, 2012

CIP - Kataložni zapis o publikaciji

Narodna in univerzitetna knjižnica, Ljubljana

821.163.6-32

KUMERDEJ, Mojca

Jetnik : sample translation / Mojca Kumerdej. - Ljubljana :

Javna agencija za knjigo Republike Slovenije = Slovenian Book

Agency, 2012

ISBN 978-961-93270-0-5

260606208

TABLE OF CONTENTS

<i>Mojca Kumerdej: About the author and his work</i>	1
<i>Temna snov (excerpt in Slovenian)</i>	2
Translations	
Bulgarian (Translated by Ljudmil Dimitrov)	8
English (Translated by Timothy Pogačar)	14
French (Translated by Florence Gacoin-Marks and Grégoire Labbé)	20
German (Translated by Karin Almasy and Ann Catrin Apstein-Müller)	32
Lithuanian (Translated by Kristina Tamulevičiūtė)	44
Macedonian (Translated by Darko Spasov)	50
Polish (Translated by Regina Wojtoń)	56
Russian (Translated by Marianna Beršadskaja, Aleksandra Krasovec, Nadežda Starikova and Tatiana Zharova)	62
Serbian (Translated by Nemanja Sićević)	90
Slovak (Translated by Kristína Potočnáková)	96
Spanish (Trasnlated by María Estefanía Quiroga)	102
<i>List of translators</i>	109
<i>Co-financing publications of Slovenian authors in foreign languages</i>	113

Mojca Kumerdej

Mojca Kumredej was born in 1964 in Slovenia. She graduated in philosophy and sociology of culture in Ljubljana. She is a writer, philosopher, freelance dance and performance critic and cultural chronicler for the daily newspaper *Delo*. In the novel *Krst nad Triglavom* (Baptism above Triglav, 2001) she dealt with the Slovenian literary tradition and tested her authorial voice, the two collections of short prose, *Fragma* (2003) and *Temna snov* (Dark Matter, 2011), show an utterly original world, that derives from contemporary society and its problems. Her stories have been translated into German, English, French, Serbian, Russian, Czech, Spanish and Hungarian, Polish, Macedonian and were included in various Slovene and foreign anthologies, among them the Slovene short story anthology *O čem govorimo* (What We Talk About, 2004), and the short story anthology *Zu zweit nirgendwo – Neue Erzählungen aus Slowenien* (Suhrkamp Verlag, 2006).

She has given many readings at home and abroad, including at the presentation of Slovene literature at the Frankfurt Bookfair in 2004 and on the literary tour in Moscow and Saint Petersburg. In 2005, she was a guest at the 11th International Book Fair in Prague, and she participated at the 19th International Book Fair in Guadalajara, Mexico. In 2006, she received the Tandem grant from Stiftung Brandenburger Tor (together with the German writer Kevin Vennemann) and spent two months in Berlin, where she gave readings at the Literarisches Colloquium Berlin and Stiftung Brandenburger Tor. Her story *Pod gladino* (Under the Surface) was awarded the Vilenica Crystal Award.

Mojca Kumerdej: mojca.kumerdej@guest.arnes.si

TEMNA SNOV (DARK MATTER)

The collection *Temna snov* (Dark Matter) needed some time to mature. It is written in a precise, controlled language, with no hint of having been torn from silence. Astronomy defines dark matter as invisible and detectable only through its effects. Accordingly, in her new book Mojca Kumerdej avoids direct, shocking intrusions into daily life, but employs authentic, polyphonic voices, marked by events. With psychological refinement, she reveals the thin line between personal freedom and various attempts at coexistence in a society that does not endure deviations or creativity and attempts to reduce the human to the level of a tax number, robot, or mere biological matter. The body is the centre of attention once more, attempting to surpass Thanatos with Eros, while repeatedly facing its own limitations and transience. Mojca Kumerdej has, in addition to analytical sharpness and a rich, brilliant language, introduced another feature into Slovenian prose that still appears to be all too rare: intelligent humour.

Jetrnik

Temna snov. Študentska založba, Ljubljana 2011, str. 7-18.

Če bi vnaprej vedel, ne bi nikoli podpisal tistega formularja. Ampak kot strokovnjak za življenje – saj kaj drugega pa je biologija, če ne veda o življenju – sem se kaj malo ukvarjal z možnostmi posmrtnega obstoja, sploh pa si nisem drznil na to temo – razen v kaki veseli družbici, za hec, se razume – česarkoli napovedovati. To, kar me je zanimalo, je bil živ organizem, kaj se z njim zgodil po prenehanju vitalnih funkcij, ko se zaradi pršic prične proces telesnega utekočinjenja ali, preprosto povedano, gnitja, pa je jasno tudi vsakemu tepcu. Za to ni treba biti ne znanstvenik ne strokovnjak. In ker se utekočiniti nisem želel, sem – zavedajoč se potencialno neprecenljive vrednosti živega tkiva – podpisal, da po svoji smrti vse tisto, kar vrednega in uporabnega od mene ostane, darujem, z vsem ostalim pa naj v dobrih dveh urah opravijo krematorijski zublji. Po smrti, se razume; ampak tole zdaj ni življenje, smrt pa tudi ne. O tem, kaj natanko je to moje stanje in kaj pomeni, bi se dalo spisati brilljantno znanstveno delo, na katero bi se nagrade lepile same od sebe. Ampak tako kot je bilo pisano o čem takem prej preuranjeno, tako je zdaj prepozno, saj je moje stanje tako delikatno in radicalno spremenjeno, da še niti prav dobro ne vem, kaj se mi je pripetilo, in imam glede vsega za zdaj izdelane zgolj hipoteze. Takole je bilo. S svojim znanstvenim, in to vizionarskim, pa da ne ovinkarim, naravnost genialnim prispevkom o zdravljenju raka z reprogramiranjem matičnih celic sem bil na poti na mednarodni znanstveni simpozij. Zaradi bližajočga se trenutka, ko bi izsledke svojih raziskav, ki sem jim posvetil kariero in življenje, končno razkril strokovni javnosti, sem bil nadvse vznemirjen. Poleg mene, avtorja in izumitelja, sta moje znanstveno odkritje poznala samo še moja laboratorijska tehnika, ki sta do moje javne razgrnitve svojo molčenost tudi prisegla: prvi, hipohonder, se je zaklel, naj v trenutku, ko o tem karkoli muksnje, zdrave celice v njegovem telesu zdivljajo in se začno kot nore deliti, drugi, pripadnik baptistične cerkve, pa je desnico položil na v črno kravje usnje vezeno Novo zavezo.

V znanstveni srenji je hitrost izjemno pomembna, kajti glede na to, da imamo dostop do istih informacij in da nevronske mreže delujejo podobno, se lahko kaj hitro zgodi, da raziskavo pripelješ do konca, obdelave podatkov na laboratorijskih podganah in kuncih ter morebiti na človeških celičnih tkivih so potrjene, vse, kar manjka, je le še razgrnitev skrbno varovanih raziskav, a glej, že se od nekod pojavi nekdo s podobnimi, če ne celo natanko istimi izsledki. In puffff – skrbno napihujoci se balon se v hipu razpoči in z njim v pozabo izpuhtijo leta, če ne desetletja izčrpavajočih eksperimentov in analiz, prečutih noči, posledica česar je opešan imunski sistem, načeto zdravstveno stanje, da niti ne omenjam družinskih in partnerskih nesporazumov, ki kot kolateralna škoda nastanejo ob popolni predanosti znanosti. In evo – že se tvoja utrujena znanstvena glava ponizno sklanja, da nanjo poveznejo avreolo za epohalno civilizacijsko odkritje, ko te iznenada surovo odrine komolec, katerega roka se požrešno iztegne in ti pred očmi iztrga venec, ki si ga tvoj tekmeč povezne na lobanjo. Tako za vselej ostaneš drugi ali, rečeno drugače, poraženec, nula, nihče, cigar ime se v najboljšem primeru pojavi v kakem drobnem tisku. Priznam, bil sem silovito ambiciozen in sem kariero vedno postavljal

pred družino, partnerstvo in vse ostalo. A meni osebno se karierizem ne zdi prav nič sporen; ne nazadnje je ravno takšna dialektika med mojo popolno predanostjo delu in tako imenovanim zanemarjanjem družine slednji finančno omogočala nadvse udobno življenje. Poleg tega je nesporno, da bi se brez ambicioznih vizionarjev, kakršen sem jaz, še danes namesto z avti in letali premikali z odrivi z veje na vejo, da niti ne omenjam užitka, ki ti ga ponudijo znanstvena odkritja in ki je, roko na srce, v primerjavi s seksualnostjo najmanj tako močan in predvsem dolgotrajnejši.

Ko sem med vožnjo vadil svoj nastop pred virtualnim cvetožerom mednarodne strokovne javnosti, nisem niti opazil, da rahlo rosenje prehaja v naliv, refleks, da bi na sicer precej prazni cesti zmanjšal hitrost, pa je tudi odpovedal. Tako me je v trenutku zaneslo v desno in nato v levo, me odbijalo sem ter tja, potem pa se spomnim le še ostrega ovinka in cvilečega zavoja, ko se je na mojem življenjskem ekranu slika prekinila in se je projekcija samodejno prestavila na drug program. Na tem novem kanalu se je pojavila nekakšna vijačnica DNK, se okoli mene tesno ovila in me odvijačila po nekakšnem tunelu, skozi katerega sem v stisku genske kačice potoval med orjaškimi molekulami proteinov in nukleotidov, ki so umikali debelim rdeče-rumenim oktaedrskim virusom, se gnetel naprej mimo celic, ki so cmokajoče pozrešno metabolizirale, se delile in nekatere med njimi crkavale, vse dokler na koncu te metafizične cevi nisem ugledal gmote, v kateri se je dober ducat orjaških celic drgnilo druga ob drugo. Seveda, morula! me je prešinilo. Po tej logiki, sem stisnjen v lastnem genskem udagu naprej razvijal misel, se trenutno prebijam skozi blastocisto, iz katere prestopim v morulo, za slednjo pa gre pričakovati samo še ogromno svetleče telesce z rdečkasto sredico. Postalo mi je jasno vse in povsem: vračam se tja, od koder sem prišel – ne v boga ne v kako kozmično svetlogo ali kaj podobnega, ampak prek morule v zigoto – v oplojeno jajče, ki čaka, da me vsesa, in potem se zigota razcepi na ženski in moški del in tako bo moje življenje končano in mene preprosto več ne bo. A tako je videti ta posmrtna metafizika pri biologih, me je prešinilo – namesto angelov, bogov in božajoče abstraktne svetlobe mi, znanstveniki biologi, odpotujemo v nič skozi prvinsko celično tkivo. Pošteno, sem pomislil, nimam pripomb. Naj tisti, ki verjamejo v boga, pristanejo v posmrtni geografiji peklov in nebes ali pa na vmesni postaji začasnega niča čakajo do morebitnega ponovnega vstajenja, naj se drugi reinkarnirajo v ljudi, rastline, živali in minerale, mi, biologi ter vsi ostali, ki niti v najhujših grozotah nismo podlegli skušnjavi, da bi kleče pred kakim bogom beračili za zdravje in življenje ter barantali s kako iz brezdanosti obupa privlečeno transcendenco, mi pa naj se deatomiziramo telesno in duhovno in tako povsem in dokončno izginemo.

A žal ni bilo tako preprosto. Labodji spev mojega miselnega procesa se je v prehajjanju skozi blastocisto začel upočasnjevati, praizvor pa vse bolj oddaljevati. Neka sila – prasila, ali kaj? – me je tik pred vstopom v morulo v blastocisti sunkovito zavrtincila in me, to vem zdaj, zabrisala in nalepila na že diferencirano linijo klicnih celic endoderma, iz katerih se razvijejo notranji organi. Kajti kako neki le, logično sklepam, bi se znašel v tovrstni bivanjski obliki? V tisti nedoločljivi časovni enoti se je namreč moje potovanje končalo in se je vse povsem zatemnilo – če seveda sploh lahko govorim o temi, saj je tema zgolj barvit izraz za nič, in to popoln, absoluten nič, v katerem ni ničesar, če naj že poskušam označiti to fazo mojega, ne bom rekel obstoja, pa tudi ne neobstaja –, nemara se najustreznejši bi bil izraz izven-bivanja, ako se malo filozofično izrazim, ker zdaj imam pač čas za tovrstna miselna razpredanja, iz katerih sem se nekdaj norčeval in jih iz dna srca preziral.

Nobenih operacij nisem videl, nikakršnih kirurgov, ki bi se sklanjali nad moje mrtvo telo in po njem šarili s skalpeli ter komurkoli vstavljal uporabni del moje telesne materije. Naslednje zavedanje, natančneje samozavedanje – vse kaže, da mi kaj dosti več od samozavedanja niti ni ostalo –, se je vklopilo šele dosti kasneje. Vmes je moralno miniti kakih deset dni, ki pa jih zame ni. Kar iznenada, se spomnim, sem se zavedel v bolnišnici, in to bolj ali manj na postelji. *Kje sem?* je bila misel, ki se je prva sprožila ob ponovni aktivaciji moje zavesti. Vse kaže, da sem imel nesrečo, a hkrati tudi srečo, saj sem očitno preživel. Ali pa to niti ni bila kaka sreča, sem se že v naslednjem hipu zgrozil in spontano preverjal stanje svojih okončin. Tu pa se je prvič resno zalomilo. Šele v tistem trenutku sem se zavedel, da je moja percepcija prostora nekako spremenjena, da okolico sicer zaznavam, da pa kot, pod katerim vidim stvari, nekako ni pravi. Če ležim na postelji, sem logično sklepal, potem bi moral, ko odprem oči, najprej zagledati stene in strop. Pa ni bilo tako, moj pogled – morda bi bil ustreznejši pojem raz-gled! – se je krivenčil, podobno kot si predstavljam, da se ukriavlja prostor v vesolju. In še preden sem poskušal premakniti glavo, noge in roke, je tik ob meni zažagalo smrčanje. Niti ne ob meni, smrčanje je prihajalo iz sumljivo tesne bližine, iz česar sem izlučil, da v sobi, konkretno na postelji, še zdaleč nisem sam. In kot sem kmalu ugotovil, bo odslej tudi ostalo tako. Svoje roke in noge sem sicer nekako čutil, a zakaj jih nisem mogel premakniti, se mi je kmalu posvetilo – zato, ker ne rok ne nog, da ne govorim o glavi, sploh nimam. Strašljivo, pa vendar verjetno minljivo, me je obšlo; navsezadnje, kaj vse lahko človek občuti, pa nič od tega ni res, razen seveda samega nevrološkega procesa, ki percepcijo iz bogsigavedi kakega razloga izkrivila in maliči. Da pa bo tudi mene, ki sem, odkar pomnim, prisegal na razum in sem se vselej čudil lenobnosti in labilnosti tistih, ki jih življenje premetava kot morje majhno barkačo, doletelo stanje, ki je še najbolj podobno psihozi – ne, na to pa nisem računal, tega pa res nisem pričakoval. To občutje se mi je le še okreplilo, ko je v sobo vstopila medicinska sestra in se namenila proti meni. Proti, ne pa tudi dobesedno k meni ter zatem nekaj šarila s termometrom in ga zatikala zunaj mojega vidnega polja. *Kdo sem?* *Kaj sem?* sem spet globoko v sebi mlel, toda *Premleval kot kaj?* *Kje v sebi?* *Od kod?* *Kot kdo vse to poslušam, mislim in opazujem?*, sem se začel žreti ne da bi vedel, da bodo ta vprašanja tudi v prihodnje ostala neodgovorjena. Na kaj je ta moja miselna gmota in s tem jaz, moja identiteta, pripeta? Na kakšno materijo, sta me popadla bes in strah, ker nekakšna materija, jebenti, pa že mora biti, saj nisem duh ali kaj? Za mene, znanstvenika, cigar ostaline so se skrčile na nekakšen znanstveni fenomen, je bilo to absolutno preveč.

Sestra je izmerila temperaturo, kar sem sklepal po elektronskem termometru, ki ga je ponesla proti svojemu špičastemu nosu, ko je tik zatem v sobo vkorakala vizita. Končno odrešitev, tu so moji znanstveni kolegi, ki so mi prišli pojasnit moje stanje in mi povedat, kako in kaj bo z mano – no, seveda, kolikor je »znanstveni« sploh ustrezен izraz za klinike, ki se z leti nemalokrat polenijo v ošabne rutinirane praktike in jih znanost v resnici prekleto malo zanima.

Toda vizita me je naslavljala z nekim meni povsem nepoznanim priimkom in imenom, in ko je kirurg skrivnostnemu nosilcu imena začel pojasnjevati, da je operacija uspela in da njegovo telo nova jetra dobro sprejema, sem se zavedel, da sem v kaši. Ali natančneje, da je po nesreči od mene, če naj se izrazim metaforično, ostala bolj ali manj kaša, česar so se strokovnjaki za transplantacije iskreno razveselili, verjetno na hitro in brez zadržkov diagnosticirali smrt mojih možganov, telo še

toliko ohranjali na aparatih, da so ga otrebili nepoškodovanih organov, iztrošeno kašasto materijo pa po mojih navodilih oddali v kremiranje in je zdaj verjetno že tudi dostojo pokopana. Jetra, najmanj jetra, pa so presadili v moškega, v čigar telesu se zdaj kot njegova nova jetra tudi nahajam.

Živim, kaj pa vem, na neki način že, toda – ali je to sploh kako življenje?!, sem se začel spraševati, ko sva nekaj dni zatem z gostiteljem prispela domov. Ne rečem, da že pred tem, torej v času pravega življenja, ko sem bil jaz s svojim celim telesom, nisem poslušal zgodob kirurgov, kako se po transplantaciji organa kdaj pa kdaj pri njih oglasijo pacienti in potem mencajo in mencajo, preden končno ne iztisnejo vprašanja, češ, kaj mislite, ali bi bilo možno, da je v presajenem organu kak darovalčev spomin, ker da imajo občutek, da z njimi živi še nekdo, da se jim je, na primer, spremenil okus, pa da jih nogomet, njih, nekdaj strastne navijače, po operaciji pušča nerazumljivo hladne ali da jih v prstih žuli, da bi sedli za klavir in eno zaigrali, četudi o glasbi nima pojma? Ne, ni možno, jím skladno z doktrino pojasnjuje stroka in v istem stavku dodaja, naj se raje veselijo novega organa in s tem povezanega novega življenja, ki zanje v resnici pomeni ponovno rojstvo, pa da če se bodo držali vseh zdravniških priporočil, potem bodo živelji lepo, in če bodo le imeli srečo, niti ne kratko. Kaj drugega pa naj bi jim rekli? Nikoli niso imeli priložnosti diskutirati s kakim v organ zagozdenim umom, kako tudi, saj kot izkušam, me ne sliši nihče, četudi imam občutek, da moji monologji niso nič manj glasni, kot so bile moje vadbe prezentacij med vožnjo v avtomobilu, kadar sem bil sam.

Zdaj vem, da če sem že podpisal kak dokument o darovanju organov, bi moral postaviti tudi pogoje o njihovem sprejemniku, ker zdaj si lahko to svojo kartico s formularjem vred zataknem v rit! No, bi si lahko, če bi rit imel, pa je nimam! Ker ta, v katerega so me vsadili, moja jetra in s tem mene, je zame, za moj življenjski slog, ki sem ga živel, in moj svetovni nazor – tega pa še imam! – žaljiv in povsem nesprejemljiv. Vsajen sem namreč v popolnega kretena, ki od jutra do večera v natikačih šlapa po stanovanju, bulji v televizor, blebeta neumnosti, in to take, ki jih moj znanstveni um prenaša težko. Ko in slušalko razлага o svojem počutju in metodi transplantacije, bi ga včasih najraje ubrisal, saj o osnovah biologije in medicine nima treh čistih, znanstveni pojmi pa mu letijo iz ust kot kugle iz usbrane oslove rit! V takih trenutkih se človek, pa tudi taki, kot sem jaz – človeška sled ali kaj? –, zavemo, kako zelo smo si ljudje različni in kaki miselnici lenuhi so nekateri. Stanovanje, v katerem z ženo živi, no, v katerem zdaj skupaj živimo, se zdaleč ni skromno, prav tako ne skoparijo pri hrani, ki jo jaz kot njegova jetra skupaj z imunosupresivnimi zdravili preciščujem. Tako bi si lahko vsaj zdaj, ko ga situacija zadeva in ima po operaciji štiriindvajset ur časa na dan, tudi kaj prebral. Ampak ne, bebec se valja po kavču in potem skupaj buljiva programe, za katere sploh nisem vedel, da obstajajo. Tip je, vse kaže, tudi versko blazen ali pa vsaj versko preračunljiv. Verjame namreč, da se ima za vse skupaj zahvaliti bogu, zato vsak dan gledava nekakšne verske programe, kjer manjaki med dretjem mahajo s križi in z mikrofoni. Prepričan je, da je bog uslišal njegove molitve in mu še pravočasno priskrbel nova zdrava jetra. Toda, a se sploh zavedaš, egoist zagovedni, prenekaterikrat pomislim, da je tvoja želja: *Ijubi bog, daj, priskrbi mi nova jetra*, vsebovala neizrečeni morilski del, ki se je glasil: *a ker jeter žal zaenkrat še ne moremo gojiti kot kake kumare, te obenem, bog, ponizošno prosim, naj nekdo umre, zato da jaz živim*. Kajti če res obstaja nekaj takega kot bog, ki vsakodnevno posluša lastno stvarstvo jamračev in jim želje tudi izpolnjuje, potem takem sta me ta tip in njegov bog dejansko ubila! Špekulantka pokvarjena!

Žena ga z nerazumljivo razumevajočim usmiljenjem posluša in servisira, on njeni nego sprejema kot samoumevno, ampak iz njene požrtvovalnosti razbiram, da v svojem martiriju na neki idiotski način tudi uživa. Kot mi je uspelo razbrati iz njegove jamrarije, naj bi bil vzrok njegove jetrne obolenosti hepatitis C, ki da ga je, tako vsaj razлага vesoljnemu stvarstvu, pred desetimi leti staknil z nekakšno transfuzijo krvi, čemur žena, ki je še večja tepka od njega, celo verjame, namesto da bi sedla za računalnik, v google vtipkala krvodajalstvo in hepatitis C ter bi tako kaj hitro ugotovila, da se v civiliziranih krajih našega planeta že od leta 1993 vsa kri krvodajalcev testira. Spolnih odnosov z njim nima, zato pa si ga na kavču pred televizorjem, kadar sva sama, ob nabijanju kakega polnoritega črnca mehko žuliva, ob bližnjih planih vagine pa program preklopiva in spet poiščeva tolstega, kačastega tiča, ki se živahnno krotovič med imetnikovimi prsti.

Človek si ne izbira staršev, ampak zdaj vem, tudi ne telesnih gostiteljev. Preživetvena doba po uspešnih transplantacijah ob izvajjanju priporočenega zdravstvenega režima lahko traja dolgih nekaj let, in če samo pomislim, da sem odslej obsojen na bivanje v telesu tega tepca, v tem zaporu zaprtega tipa brez vsakršne možnosti izhoda, kaj šele pomilostitve, in da bom – vse kaže, do njegove smrti ali pa do njegove naslednje presaditve jeter?! – poslušal idiotske nergave monologe, se mi – meraforično seveda – obrača želodec. Na sprehode hodiva redko, ker on, lenuh, se iz stanovanja skoraj ne premakne, če že, občasno stopiva na balkon, slone na ograji kadiva in opazujeva najstnike, ki na dvorišču v prepotenih majicah nabijajo žogo. Jebenti, sem se domislil nekoč med kajenjem, in to jaz, ki dotlej nisem nikoli kadil: pa saj sem pred leti daroval svoje spolne celice, ki pa so očitno še v globokem zmrzovanju in torej miseleno in tudi sicer neaktivne. Torej ostaja upanje, da se pojavi kaka kandidatka za umeritno oploditev, pa da moje spermije odmrznejo, in če so moje hipoteze pravilne, potem zna biti, da se mesto za mojo zavest odpre tudi v njih in se tako iz jeter v celoti preselim vanje. Razen seveda, se spet zdrznem, če me ne doleti še kako novo bizarno presenečenje in se zavest avtonomno in suvereno aktivira tudi v mojih spermijih in bom tako z dvema viroma svoje zavesti imel nekakšen notranji post mortem dialog, ali kaj? Nimam pojma ... sploh ne vem, kaj naj si mislim ... saj se mi bo še zmešalo ... samo ne v glavi, kaj pa vem, v čem in kako!!

Če ta moja hipoteza ne deluje in se je moja celotna zavest, pa identiteta in kar je še te osebnostne šare, skrčila na moja jetra, potem lahko računam na še eno opcijo, da nekako vzpostavim stik s tem svojim ništrcem telesne materije, se vase na celični ravni znanstveno poglobim in lastne znanstvene izsledke – me prav zanima, katera karierična hijena jih je pokradla in se z njimi zdaj šopiri po simpozijih?! – uporabim v obratni smeri, tako kot to pritlehno vsakodnevno počne narava. Da torej kako zdravo ambiciozno matično celico naščuvam, da lahko ostane na veke vekov mlada, če se je le pripravljena v nedogled deliti, in jo tako reprogramiram, da krava neumna mutira in se spremeni v matično celico raka, ki bo tega tipa zagotovo pokončal. No, obstaja še druga možnost, da izpilim tehniko zavrnitve imunosupresivnih zdravil, zaradi česar bi tipa doletela huda okužba in ga dokončno pospravila v grob. Ampak potem me prešine – kaj pa, če to še ni vse in je moja oblika posmrtnega življenja zgolj ena od oblik človeškega bivanja in resnično obstaja še nekaj tako bebavega, kot je karma? Mar to pomeni, da s takim dejanjem – najprej samomora in posledično umora – vplivam še na svojo karma in si jo tako dokončno sfižim ter se v naslednjem življenju oziroma življenjski obliki utelesim v kakem človeškem tkivu, iz katerega se nato razvije kaka vagina, na primer, katere lastnica

se še v rosnih letih vda nizkoproračunski prostituciji, pa da se potem dnevno skozi mene drajsa na desetine higienško in zdravstveno oporečnih kurcev, ali pa da se na primer inkarniram v ustno sluznico kakega podkupljivega politika ali slinastega odvetnika, ki sem jih za časa svojega nekdanjega življenja absolutno zaničeval. Tako me v stanjih skrajnega obupa navdihuje le še dvoje misli: prva, da sem nesrečo telesno preživel, da pa so možganske poškodbe tako hude, da zdaj na kakem zaprtjem psihiatričnem oddelku kot sobni lipovec po cele dneve ždim, medtem ko nekje v globini nepoškodovane možganovine potekajo vsi tile moji miselni procesi, obstaja pa še scenarij B – morda celo E, nemara G ... vitalizma in kreativnosti mi ne zmanjka nikoli –, po katerem sem trenutno v globoki komi, iz nje pa se nekoč še zbudim in bo potem ponovno bolj ali manj vse v redu.

Nekdaj sem se norčeval iz izjave, da upanje vselej umre zadnje. Ne, sem ob takih izjavah zabil pametnjakoviče – upanje umre predzadnje, na samem koncu, čisto zadnji za upanjem, umre še upajoči. A zdaj vidim, da ta stavek vendarle drži. Meni, ki sem formalno mrtev in neformalno zmes samozavedajočih se jeter, ostaja zgolj in samo še upanje, ker vse ostalo je, kot kaže, crknilo ali pa je povsem nefunkcionalno.

Kaj pa vem, kako je s tem življenjem in s to smrtnjo! Kakorkoli se obrnem in pogledam – mižanja, logično, da nisem več sposoben, spim pa očitno tudi ne –, za zdaj ugotavljam samo eno: Ni konca pa ni konca ...

Чернодробник

*Translated by Ljudmil Dimitrov
Contact of the translator: ljudiv@abv.bg*

Да знаех никога да не подpisвам онзи формуляр. Но като специалист по живота – защото какво друго е биологията, ако не животознание – почти не са ме интересували възможностите за живот след смъртта, а и изобщо не съм си позволявал – освен в някоя весела компания и то за майтап, естествено – да кажа едно друго на тази тема. Онова, което ме интересуваше, е какво се случва с живия организъм, а спрат ли виталните му функции и почне ли с помощта на микроорганизмите процесът на телесно втечняване или, простишко казано, гниенето, то е ясно на всеки тъпак. За това не ти трябва да бъдеш нито учен, нито изследовател. И понеже аз не исках да се втечня, осъзнавайки потенциално неоцененимите достойнства на живата тъкан, подписах, че след смъртта ми това, което остане годно и читаво от мен, го дарявам с всичко останало, та макар и за не по-малко от два часа, преди да се справят с него огнените езици в крематориума. След смъртта ми, разбира се; защото това сега не е живот, но и смърт също не е. По въпроса какво точно представлява моето настоящо състояние и как да се обясни, може да се напише блестящ научен труд, който биха го отрупвали с награда след награда. Но така, както преди беше рано да се пише по един такъв въпрос, сега вече е късно, тъй като състоянието ми е толкова деликатно и радикално променено, та изобщо нямам представа какво ми се случи и предлагам единствено абстрактни хипотези.

А се случи следното. С научен, при това визионерски, без заобикалки, наистина гениален доклад за лекуване на рак чрез репрограмиране на стволови клетки, отивах на международна научна конференция. Поради наближаването на момента, когато най-сетне щях да изложа пред научната общност резултата от своите изследвания, на които посветих кариерата и живота си, бях доста развълнуван. Освен мен, авторът и изобретателят, с научното ми откритие бях запознат двамата техници в моята лаборатория, които, преди да го обяви публично, спазиха обета си за мълчание: първият, хипохондрик, се прокле, ха е Ѹкнал, на мига здравите клетки в тялото му бясно да започнат да се делят, а другият, член на баптистката църква, положи ръка на Новия завет, подвързан с твърда корица от черна кравешка кожа.

В научните среди бързината е от изключителна важност, тъй като доколкото имаме достъп до една и съща информация и нервните мрежи работят еднакво, често се случва – проведеш изследването докрай, обработката на данните в лабораторни условия върху зайци, а понякога и върху човешка клетъчна тъкан са потвърдени и всичко, което остава, е единствено описание на строго пазените изследвания, а не щеш ли, вземе, че се появя изневиделица някой с подобни, макар и не напълно съвпадащи резултати. И бум! – грижливо надуваният балон в един миг се спука и с него литнат в забравата години, ако не и десетилетия източителни експерименти и анализи, безъньни нощи, последица от които остава отслабналата имунна система, разплатеното здравословно състояние, да не говорим за раздорите в семейството и с партньора, произтичащи като съпътстващи проблеми от пълната отданост на науката. И ето – твоята уморена учена глава вече бавно се навежда, за да я увенчаят с ореол за епохално цивилизационно откритие, когато в същия миг неочеквано

грубо те изблъска лакът, а ръката лакомо се протяга пред очите ти и ти изтръгва венеца, който твоят конкурент си поставя на челото. Така завинаги оставаш втори или, казано по друг начин, изгубил, нула, никой, чието име в най-добрия случай може да се появи в никаква кратка статийка. Признавам, бях ужасно амбициозен и винаги поставях кариерата преди семейството, партньорството и всичко останало. Специално аз не намирам в кариеризма нищо лошо; всъщност именно диалектиката между пълната ми отданост на работата и така нареченото пренебрегване на семейството ми осигури най-вече финансово един доста удобен живот. Освен това е неоспоримо, че без амбициозни визионери като мен и до днес вместо с коли и самолети щяхме да се придвижваме с подскоци от клон на клон, да не говоря за блаженството от научните открития, което, уверявам ви, е не по-слабо от сексуалността и при всички положения е по-дълготрайно.

Докато шофирах и репетирах речта си пред виртуалните хиени на международната научна общност, изобщо не забелязах как лекото ръмене преминава в порой, а рефлексът ми да намаля скоростта въпреки почти празната улица, също не проработи. Изведнък рязко се извъртях надясно и после наляво, поднесе ме насам-натам, след което си спомням единствено острия завой и свистенето на гумите, когато на моя житейски еcran картината прекъсна и изльчването автоматично се премести на друга програма. На този нов канал се появи никаква крива на ДНК, която пълтно се омотаваше около мен и ме полагаше в тунел, през който, пристегнат от генетичните змийчета, пътувах между гигантски молекули протеини и нуклеотиди, преплитащи се с дебел червено-жълт осмостенен вирус, провирах се през клетки, които примляскващо метаболизираха, деляха се, а някои от тях умираха и това продължи, докато на края на тези метафизични тръби не съгледах веществото, в което дузина и повече гигантски клетки се триеха една от друга. Естествено, морула! – помислих си. По тази логика в хватката на собствения си генетичен питон продължавах да развивам мисълта, че в момента се промъркам през бластоцистата, после прекрачвам в морулата, след което остава да очаквам само едно огромно светло телце с червеникова среда. Всичко ми се изясни напълно: връщам се там, откъдето съм дошъл – не в Бога и не в никаква космическа светлина или нещо подобно, а през морулата в зиготата – в оплодената яйцеклетка, чакаща да ме погълне, после зиготата ще се разцепи на женска и мъжка половина и така моят живот ще свърши и аз просто ще престана да съществувам. Така изглежда тази посмъртна метафизика при биолозите, помислих си – вместо ангели, богове и галеща абстрактна светлина, ние, учените биолози, отлитаме в нищото през първичната клетъчна тъкан. Коректно е, помислих си, нямам забележки. Нека тези, които вярват в Бога, да се закълнат в посмъртната география на ада и рая, или да останат да чакат на промеждутьчната спирка на временното нищо до възможно ново възкресение, други пък нека се преродят в хора, растения, животни и минерали, а за нас, биолозите и всички останали, които дори и в най-свирепите ужасии не сме се поддадли на изкушението да клекнем пред някакъв си Бог, за да просим живот и здраве, или да се пазарим с никаква, извикана от безкрайно отчаяние трансценденция, за нас е най-добре да се деатомизираме телесно и духовно и по този начин напълно и окончателно да изчезнем.

Но за съжаление не беше толкова просто. Лебедовата песен на моя мисловен процес в промъркането през бластоцистата започна да се забавя, а първоизточникът – все повече да се отдалечава. Някаква сила – първична сила ли, що ли? – миг преди да вляза в морулата поривисто ме завъртя в бластоцистата и, това вече го знам, ме залепи върху вече

очертаната линия на споменатите клетки от ендодермата, от които се развиват вътрешните органи. Защото как някой, логично заключавам, приема формата на живо същество? В онзи неясен времеви отрязък пътуването ми, така да се каже, завърши и навсякъде се стъмни – но ако в случая говоря за тъмнина, то тъмнината е само цветист израз за нищото и то за пълното, абсолютно нищо, в което няма нищо: правя опит да определя тази фаза от моето, не бих казал съществуване, но не и несъществуване – едва ли най-точно би било извън-съществуване, ако се изразя леко философски, тъй като сега имам време за същите дълбокомъдрени дърдорения, от които навремето полудявах и ги презирах до дъното на душата си.

Никакви операции не видях, никакви хирурги, които да се навеждат над моя мъртъв труп и да бърникат из него със скалпели или пък да присаждат на някого годна част от телесната ми материя. Последвалото идване в съзнание, възобновеното самосъзнание – всичко показва, че нещо Бог знае какво от самосъзнание не ми е останало – се включи доста по-късно. Междувременно като че ли бяха минали десетина дни, но за мен те не съществуваха. Което е изненадващо – помня, че дойдох в съзнание в болницата, при това повече или по-малко на легло. Къде съм? – бе първата пръкнала се мисъл след новото включване на съзнанието ми. Всичко показваше, че съм претърпял катастрофа, но всъщност съм имал и късмет, след като очевидно бях оживял. А дали пък не съм имал никакъв късмет, ужасих се в следващия миг и спонтанно взех да проверявам състоянието на крайниците си. И тук за първи път реално се сринах. Едва в този момент ми просветна, че начинът, по който възприемам пространството, се е променил, обстановката ми бе ясна, но ъгълът, от който виждам нещата, никак не бе естествен. Логично заключих, че щом лежа на легло, като отворя очи най-напред би трябвало да видя стените и тавана. Но не беше така, моят поглед – може би по-точната дума би била раз-глед! – се разпиливаше по начин, както си представях, че се разпилива пространството в космоса. И преди да се опитам да си преместя главата, краката и ръцете, непосредствено до мен се разнесе мърморене. Не, не до мен, мърморенето идваше от подозрително непосредствена близост, от което си дадох сметка, че в стаята, по-точно на леглото, аз въобще не съм сам. И както след малко установих, и занапред щеше да бъде така. Ръцете и краката си горе-долу ги усещах, но защо не успях да ги мястя, ми се изясни след малко – защото въобще нямах нито ръце, нито крака, да не говоря за глава. Страхът, макар и моментен, ме напусна; в края на краишата нищо от усещанията на човек не е вярно, освен разбира се самия неврологичен процес, по неясно какви причини изкривяван и обезобразяван от възприемането. Но че аз, който откакто се помня съм вярвал в разума и винаги съм се възмущавал от мързела и нехайството на всички, мятани от живота като лодка в морето, ще изпадна състояние, подобно на психоза – не, това не бях предвидил, наистина не го очаквах. Чувството ми се затвърди, когато в стаята влезе медицинската сестра и се запъти към мен. Към, но не буквально при мен, тъй като размахваше термометър нанякъде и го поставяше извън видимата от мен зона. Кой съм аз? Какво съм? – отново предъвквах в себе си, но Предъвквах като какво? Къде в себе си? Откъде? Като какъв чувам, мисля и наблюдавам всичко това? – започнах да се питам, без да знам, че тези въпроси и в бъдеще ще останат без отговор. Какво представлява мисловната ми материя, а покрай нея и аз, идентичността ми, всичко, което ми се случи? Върху каква материя ме връхлетяха бяс и страх, никаква материя, мамка му, все пак трябва да съществува, аз да не би да съм дух? За мен, учения, чиито останки се спаружиха до един чудат научен феномен, това ми дойде абсолютно в повече.

Сестрата измери температурата, както установих по електронния термометър, който поднесе към острая си нос, а малко след това в стаята влязоха на визитация. Окончателно спасение, те са мои колеги-учени, идват да изяснят състоянието ми и да ми кажат какво ще стане с мен – е, разбира се, доколкото „учени“ изобщо е подходящ израз за клиника, където обикновено се наблюдава високомерна рутинна практика и в действителност науката твърде малко ги интересува.

Само че на визитацията към мен се обръщаха с някакви напълно неизвестни ми име и фамилия и когато хирургът започна да обяснява на тайнствения собственик на имената, че операцията е успешна и неговото тяло добре приема новия черен дроб, си дадох сметка, че съм станал на пихтия. Или по-точно, че след катастрофата, ако прецизно се изразя, е останала чисто и просто една каша, от което специалистите по трансплантиация искрено са се зарадвали, вероятно набързо и без задръжки са ми поставили диагноза смърт на мозъка и са държали тялото ми на системи, отделили са годните органи, а смляната на пихтия материя според мен са дали за кремация и тя навсярно вече е достойно погребана. Черния ми дроб, най-малко черния ми дроб бях присадили на мъжа, в чието тяло аз се намирам сега като негов нов черен дроб.

По някакъв начин живея, знам ли, отново, но – това изобщо живот ли е?!, започнах да се питам, когато след няколко дни със собственика ми се прибрахме у дома. Не казвам, че по-рано, по време на истинския ми живот, докато се намирах в цялото си тяло, не бях слушал разкази на хирурги как след трансплантиация при тях идват пациенти и питат ли питат, докато не им се свършат въпросите, от рода на: как мислите, възможно ли е присаденият орган да пази спомен за донора, защото имали чувството, че с тях живее още някой, че например им се е променил вкусът или били големи запалявачки преди операцията, а сега им било все тая за футбола, или пък така ги засърбявали пръстите, че им идео да седнат на пианото и да засвирят, макар че преди били пълни музикални инвалиди? Не, не е възможно, им обяснява според правилата специалистът и в същото изречение ги съветва да се радват на новия си орган и на осигурения от него нов живот, което на практика означава ново рождение и ако спазват всички лекарски предписания, ще живеят прекрасно, а при късмет и не кратко. Какво друго да им кажат? Никога не са имали възможност да дискутират с ум, въплътен в орган, както, доколкото разбирам, мен не ме чува никой, дори имам чувството, че моите монолози изобщо не звучат – така изглеждаха репетициите ми за представянето, докато шофирах в колата, защото бях сам.

Сега знай, че ако подписваш някакъв документ за дарение на органите си, трябва да поставиш и условия за приемника, защото иначе картона с данните спокойно можеш да си го заврещ в задника! Можех, ако имах задник, но истината е, че нямам! Тъй като този, в когото са насадили моя черен дроб и мен самия, за мен, за вида живот, който живеех и за светогледа ми – него още си го имам! – е обиден и напълно неприемлив. Напъхан съм, така да се каже, в пълен крeten, който от сутрин до вечер се размотава по чехли из апартамента, зяпа в телевизора, дрънка глупости и то такива, каквито моята учена глава трудно понася. Когато разказва по телефона за състоянието си и за методите на трансплантиация, понякога ми идва здравата да му набия канчето, понеже от биология и медицина и бъкел не разбира, а ги ръси като барабонки от серияния задник на магаре! В такива моменти човек, или такъв, какъвто съм аз – човешка диря или какво!? – разбира колко различни сме хората и какви мисловни

ленивци са някои. Апартаментът, в който живееш заедно с жена си, тоест в който сега живеем заедно, съвсем не е скромен, те не се ограничават в храната, която аз като негов черен дроб заедно с подсилващите имунната система лекарства пречиствам. А би могъл поне сега, когато ситуацията позволява и след операцията е свободен по цял ден, нещо да прочете. Обаче къде ти, смотнякът се търкаля по дивана, а после заедно гледаме програми, за които дори не подозирах, че съществуват. Пичът, няма спор, е страшно вярващ или поне верски прагматичен. Мисли например, че за всичко трябва да благодари на Бога, затова всеки ден гледаме някакви религиозни предавания, в които разни маниаки се дерат и размахват кръстове и микрофони. Убеден е, че Бог е чул молитвите му и навреме му е осигурил нов здрав черен дроб. А изобщо минава ли ти през ум, егоист шибан, мисля си по някой път, че твоето желание: *мили Боже, дай ми, намери ми нов черен дроб, съдържа и неизречен подтик към убийство*, който гласи: *понеже черния дроб, за съжаление, не можем да си го отглеждаме като красавици* например, *моля те, Боже, искрено те моля, нека някой да хвърли топа, за да живея аз*. Ако наистина съществува нещо такова като Бог, който всеки ден слуша какви ги плащат мърморковците и изпълнява желанията им, тогава значи, че на практика този тип и неговият Бог са ме убили! Мекерета долни!

Жена ми с неразбираемо разбиращо умиление го слуша и му прислужва, той приема грижата й като напълно естествена, но от нейната пожертвованост ми става ясно, че тя по някакъв идиотски начин също се въодушевява в скръбта си. Доколкото можах да разбера от безкрайните му дрънканици, причина за чернодробното му заболяване вероятно е станал хепатит С, от който, поне така плямпа наляво и надясно, преди десет години се е заразил при някакво преливане на кръв, на което жена му, която е още по-тъла и от него, безпрекословно вярва, вместо да седне пред компютъра, да набере в Гугъл „кръводаряване“ и „хепатит С“ и бързо да разбере, че в цивилизираните краища на нашата планета още от 1993 година кръвта на кръводарителите се тестира. С нея нямаме полови отношения, затова пък, когато сме сами на дивана пред телевизора, гледайки как го набиват на някой дебелогъз негър, с кеф си го дялкаме, а при вагина в близък план сменяме програмата и отново търсим дебелия провесен хуй, който упорито се движи между пръстите на собственика си.

Човек не си избира родителите, но сега знам, че не си избира и донорите. След успешна трансплантиация и при спазване на препоръчения здравен режим животът може да продължи и няколко дълги години, но само като си помисля, че отсега нататък съм осъден да битувам в тялото на този тъпанар, в този затвор на задърствания тип без всяка възможност за изход, дори и при амнистия, и – всичко го показва – чак до смъртта му или до следващото му присаждане на черен дроб?! – да слушам идиотските му монолози, ми се пуха – метафорично, естествено – жълчката. На разходки рядко излизаме, тъй като той, плужекът, почти не мърда от апартамента, най-много за малко да се покажем на балкона, облегнати на оградата да пушим и да гледаме тийнейджърите, които ритат топка на двора с изпотени фланелки. Ебати, викам си един път докато пушеше, и то аз, който до този момент изобщо не бях пушил: та нали преди години завещах и своите полови клетки, които очевидно са още дълбоко замразени и в този смисъл теоретично и практически неактивни. Тоест, остава надеждата, че ако се появи някоя кандидатка за изкуствено оплождане и размразят моята сперма, и ако хипотезата ми е вярна, в тях също ще се отвори място за моето съзнание и така от черния дроб аз ще се пренеса изцяло в нея. Освен ако, разбира се, стряскам се отново, не ме връхлети някаква

особена изненада и съзнанието ми се активира автономно и суворено и в моята сперма и така с двата източника на съзнанието си почна някакъв вътрешен постмодерен диалог, или какво? Представа нямам... въобще не зная какво да си мисля... всичко ще ми се обърка още повече... само не в главата, но зная ли в какво и как!!

Ако тази хипотеза не е вярна и цялото ми съзнание, идентичност и останалите ми личностни бръмбазъци са се събрали в моя черен дроб, остава да разчитам само на още една възможност – да вляза някак в контакт с нищожните частици от телесната си материя, да се задълбоча научно над себе си на клетъчно равнище и да употребя своите научни открития – много ми е интересно коя ли кариеристична хиена ги е задигнала и сега се пъчи с тях по разни симпозиуми?! – в обратна посока, така, както естествено и всеки ден го прави природата. Тоест, как да съхраня една здрава амбициозна стволова клетка, за да остане тя млада во веки веков, след като има свойството да се дели до безкрайност и така да я препограмирам, че тъпата крава да мутира и да се превърне в стволова клетка на рак, който на този тип окончателно би му видял сметката. Но има и друга възможност, да изнамеря техника за отхвърляне на лекарствата, подсилващи имунната система, от което типът яко да се зарази и това окончателно да го отведе в гроба. Но после ми дойде на ум – а ако това не е всичко и моята форма на живот след смъртта е само една от формите на човешко съществуване и наистина има нещо толкова идиотско, каквото е кармата? Нима това означава, че с подобна дейност – първо самоубийство, после убийство – влияя и на своята карма и мога окончателно да си я увредя, та в следващия живот или форма на живот да се материализирам като човешка тъкан, от която по-нататък да се развие някоя вагина например, чиято собственица още на млади години да се отдаде на евтина проституция и освен това всеки ден чрез мен да сешиба с по десетина хигиенично и здравно занемарени хуя, или пък например да се преродя в устната лигавица на някой подкупен политик или плюещ адвокат, каквото направо ненавиждах по време на предишния си живот. Това състояние на крайно отчаяние ми подсказва още две мисли: първата, че катастрофата я преживях телесно, но мозъчните увреждания са толкова големи, че сега по цели дни кисна в някое секретно психиатрично отделение като един стаен кютюк, докато някъде в дълбините на неувредената част от мозъка ми текат всичките ми мисловни процеси, а има и сценарий Б, може би дори В или пък Г... витализъм и креативност не ми липсва никога – макар за момента да съм в дълбока кома, от която някога ще се събудя и тогава всичко отново ще бъде повече или по-малко наред.

Някога фразата, че надеждата умира последна, ме влудяваше. И аз перифразирах тази мъдрост така: надеждата умира предпоследна, а последен, най-последен след надеждата умира надявящият се. И сега виждам, че това изречение все още е вярно. За мен, който формално съм мъртвъ, а неформално съм черен дроб със самосъзнание, ми остава единствено надеждата, защото всичко останало, както изглежда, е гърмнало или е напълно нефункционално.

Откъде да знам какво става с този живот и с тази смърт! Когато и да се обърна и да погледна – блуждая, естествено, вече не съм в състояние и да гледам, но очевидно и не спя – засега установявам само едно: Няма край и няма край ...

Hepatica

*Translated by Timothy Pogačar
Contact of the translator: pogacar@bgsu.edu*

Had I known beforehand, I never would have signed that form. But as a scholar of life – for what else is biology if not the study of life – I paid little attention to the possibilities of a post-mortem condition, indeed I didn't even dare talk about the subject, except jokingly, of course, having fun with friends – just to say something. What I was interested in was the living organism, what happens to it after the vital functions cease, when mites cause the process of bloating to begin or, to put it simply, decay, but that's obvious to any imbecile. You don't have to be a scientist or a scholar to know that. And since I didn't want to bloat, I signed – aware of the potentially inestimable value of living cell tissue – that after my death everything left of me of worth and use be donated, and that the crematorium's tongues of fire take care of everything else in a few hours or so. After death, of course; however, this here is not life, and it's not death either. One could write a brilliant academic essay that would automatically garner prizes on what exactly this condition of mine is and what it means. However, just as writing about something like that was premature, so, too, now it's late, since my condition is so delicate and radically changed that I don't even quite know what happened to me and I have for now only working hypotheses about it all.

Here's how happened. I was on my way to an international scholarly symposium with my scientific, no, visionary, or to put it plainly, ingenius contribution on a cure for cancer by reprogramming stem cells. I was extremely agitated because of the impending moment when I would reveal to the scholarly public the results of my research, to which I had dedicated my career and life. Besides me, the author and originator, only my two laboratory technicians, who, too, had pledged silence before my public unveiling, knew about my scientific discovery: the first, a hypochondriac, had sworn that the moment he peeped anything about it, the healthy cells in his body would go wild and start dividing like mad; and the other, an adherent to the evangelical church, had sworn on the New Testament, bound in black cowhide.

Speed is exceptionally important in the scientific community, and in view of the fact that we have access to the same information and that nervous systems behave similarly, it can quickly happen that you bring a research project to its conclusion, with confirmed analyses of data from laboratory rats and rabbits and maybe on human cell tissue, and all that is missing is the unveiling of the carefully guarded research, and behold, from nowhere appears someone with similar if not precisely the same findings. And poof – the carefully inflated balloon explodes in an instant and with it years if not decades of painstaking experiments and analyses are blown into oblivion, sleepless nights that result in a debilitated immune system, waning health, not to mention family and partner misunderstandings that accrue as collateral damage from complete dedication to science. And voila – your weary scientific head has already humbly bowed for the laying on of laurels for civilization's epochal discovery, when you're suddenly thrust aside by an elbow connected to a hand that greedily reaches out and before your eyes swipes the wreath that your competitor affixes to his skull. Thus you forever remain a runner up, or, so to speak, defeated, a zero, a nobody whose name will at best appear in small type somewhere. I admit that I was inordinately ambitious and always put my career before family, partner, and everything else. But for me personally careerism doesn't seem at all

objectionable; after all it was exactly this dialectic between my full devotion to work and so-called neglect of family that in fact financially enabled a quite comfortable life. In addition, it is indisputable that without ambitious visionaries like me we would be moving about by leaps from branch to branch instead of in autos and planes, not to mention the pleasure that come with scientific discoveries, which are, hand on my heart, at least equally as powerful and more enduring than sex.

While driving and rehearsing my presentation before the virtual hyenas of the international scholarly public, I didn't even notice how a light mist was turning into a downpour, and the reflex that would have lowered by speed on what was a fairly empty road also failed. Thus in a moment I veered to the right and then to the left, I was thrust back and forth, and then I recall only a sharp turn and a squealing din when the screen of my life went dim and the broadcast changed automatically. Some sort of DNA spiral appeared on the new channel, turning tightly about me and spinning me off along some tunnel through which I traveled in the confines of a genetic snake between mammoth molecular proteins and nuclei that moved away from fat, yellowish red, eight-sided viruses. I was pushed ahead past cells that chomped voraciously, metabolized and divided, some of them expiring, until at the end of this metaphysical tube I caught sight of a mass in which a good dozen mammoth cells rubbed one against the other. It dawned on me, of course, blastomeres. By this logic, bound in my own genetic boa, I developed the thought that I was at the moment moving through the blastula, from which I would enter the blastomeres, and next I could expect only huge, shining bodies with reddish centers. It was all entirely clear to me: I was returning to where I'd come from – not to god into some cosmic light or anything like that, but through the blastomeres into the zygote – into the fertilized egg waiting to suck me in, and then the zygote would divide into male and female parts and thus my life would end and I simply would no longer be. It dawned on me that that is apparently what post-mortem metaphysics is for biologists – instead of angels, gods, and abstract divine light, we, biological scientists, depart into nothing through the primal cellular tissue. I thought, that's respectable, no objections. Let those who believe in god land in the post-mortem geography of hells and heavens or at the interval of temporary nothing and wait for a possible future resurrection; let others be reincarnated as people, plants, animals, and minerals; we biologists and all the rest who did not in their worst nightmares give into the temptation of kneeling before some gods and begging for health and life and haggling with an appealing transcendence out of fathomless despair; but we can physically and spiritually break down into atoms and thus once and for all disappear.

But, unhappily, it was not so easy. The swan song of my thought process began to slow on moving through the blastula, the origin receding more and more. Some force – a primal force or something? – violently twisted me just as I entered the blastomeres in the blastula and, I now know, wiped me out and stuck me on a differentiated line of germ cells of the endoderm, from which the internal organs grow. And how indeed is one able to position himself, I logically concluded, in that kind of existential form? My travel thus ended in this indeterminate temporal state, and everything became totally dark – if we can even talk about darkness, since darkness is just a colorful expression for nothing, a complete, absolute nothing in which there was not anything, if I can try to label this phase of mine, I can't say condition, or lack of a condition either, probably the best term would be out of existence, were I to express myself a bit philosophically, because I now have time for that sort of thoughtful nicety that I once ridiculed and despised from the bottom of my heart.

I didn't see any operations, no surgeons bending over my dead body and rummaging through it with scalpels, then putting the useful parts of my corporeal material into someone else. My final cognition, more precisely self cognition – everything points to my no longer having much self cognition at all – dawned only quite later. Altogether some ten days had to pass that for me don't exist. Very suddenly, I recall, I came to in the hospital, more or less on a bed. *Where am I?* was the first spark at the renewed activity of consciousness. Everything pointed to having had a misfortune, and at the same time good fortune, for I had certainly survived. But it wasn't at all fortune; I was terrified the very next moment, spontaneously checking my extremities. Then it really hit me. Only at that moment did I realize that my spatial perception had somehow changed, that while I recognized my surroundings, the angle from which I saw things was not right. If I was lying on a bed, I logically concluded, then when I opened my eyes I should first see the walls and ceiling. But it wasn't so, my vision – probably a better term was avision! – was warped, as I imagine cosmic space is warped. And even before I tried to move my head, legs, and arms, a snoring sound wheezed right next to me. Not right next to me, the snoring was coming from an apparently close proximity, from which I derived that I was far from alone in the room and, more exactly, on the bed. And as I soon concluded, it would be that way from now on. I could somehow feel my legs and arms, but the reason I couldn't move them soon became clear – because I had no arms or legs at all, not to mention a head. It's frightening yet temporary, it came to me; in the end, everything that a person can feel is not real, except, of course, the neurological process itself, which god knows for what reason warps and deforms perception. And then a condition best compared to psychosis overcame me, a person that has, as far back as I can remember, relied on reason and always marveled at the laziness and tenuousness of those whom life tosses about like a small craft on the sea – no, I didn't count on this, I really didn't expect this. This feeling had just seized me when a nurse entered the room and headed towards me. Towards but not literally to me and then waived a thermometer some and inserted it outside of my field of vision. *Who am I? What am I?* I again mumbled deep inside, but *I was mumbling like what? Where inside? From where? Whom do I resemble listening to all this, thinking, and observing?* I began to consume myself without knowing that these questions would remain unanswered into the future. To what is this cogitating mass of mine together with me and my personal identity attached? Anger and fear overwhelmed me: to what material, because there has to be some material, damn it, for I'm not a spirit, am I? This was absolutely too much for me, a scientist, whose remains had been reduced to a kind of scientific phenomenon.

The nurse took my temperature, which I figured out myself from the electronic thermometer that she brought to her sharp nose, followed by a visit striding into the room. Finally a diversion, my scientific colleagues are here to explain my condition and tell me what will happen to me – that is, of course, insofar as "scientific" is at all a term that applies to clinics that with passing years not infrequently fall into sloppy routine practices and really are sinfully little interested in science.

However, the visitor addressed me with a surname and given name totally unfamiliar to me, and when the surgeon began to explain to the mysterious bearer of the name that the operation was successful and that his body was accepting the new liver well, I realized that I was in a mess. Or, more precisely, that after the misfortune, if I can express it metaphorically, what was left of me was a mess, which truly made the transplant scholars happy, having, probably, quickly and without hesitation diagnosed brain death, preserving my body the while on machines in order to remove the undamaged organs, and disposing of

the expired, messy materials, according to my directions, by cremation, they're now probably having been duly buried. The liver, at least the liver, they had transplanted into a male, in whose body I now find myself as his new liver.

I am living, what do I know, in a way, but – is this really any kind of life?! I began asking myself when I arrived home with my host several days later? I don't want to say that even before, I mean at the time of real life, when I was I with my whole body, I didn't listen to surgeons' stories about how from time to time after an organ transplant it happened that patients visited and hemmed and hawed before finally forcing out questions like, what do you think, is it possible that there is some trace of the donor in the transferred organ, because they had the feeling that someone was living with them who had, for example, changed their taste, or that after the operation soccer left them incomprehensibly cold when they were once passionate fans, or that they had a yearning in their heart to sit down at the piano and play a song even though they had no understanding of music? No, it's not possible, the learned men would explain to them in accordance with doctrine and in the same breath add that they should be glad of the new organ and the new life it brought, which for them indeed meant a new birth, and that if they would follow all of the doctor's orders, then they would live well, and if they were fortunate, long, too. What else could they tell them? They never had the opportunity to colloquy with some mind buried in an organ, and, as I am experiencing, no one hears me either, although I have the feeling that my monologues are no less loud than my practice presentations while driving in the car when I was I.

Now I know that if I signed some document about donating organs, I should have added a condition about the receiver, because now I can stick my license with the form up my ass! That is, I could if I had an ass, but I don't! Because the person they stuck me into, my liver and I, is for me, for the lifestyle I had when I was alive, and my worldview, offensive and all around unacceptable. I'm stuck, I mean, in a complete cretin that pads around the house from morning to night in flip flops, stares at the t.v., blurts ridiculous things of the sort my scientific mind bears with difficulty. When he explains on the phone his feelings and the transplant method, I would sometimes like to smack him because he doesn't have a clue of the fundamentals of biology and medicine, while scientific concepts come from his mouth like droppings from a filthy donkey ass! At such moments a person and even ones like me – a human trace or something?! – realizes how different people are and how intellectually lazy certain ones are. The apartment he inhabits with his wife, well, that we live in together, is far from modest, and neither do they skimp on food, which I as his liver and the anti-immune suppressing drugs clean for him. So that at least now, when the situation concerns him and he has twenty-four hours a day after the operation, he could read something. But no, the dummy plunges on the couch and then together we stare at programs that I had no idea existed. It seems he's also ignorant of religion or at least calculating about it. I mean he believes he has to thank god for everything, and so every day we watch some religious programs on which maniacs wave crosses and microphones while yelling. He's convinced that god heard his prayers and provided him a new, healthy liver in time. However, I think quite a few times, do you at all realize, you shitty egotist, that your wish: *dear god, give me, provide me a new liver*, contained an unuttered mortal part that said: *and since we unfortunately can't raise livers like cucumbers, I also humbly ask you, god, for someone to die so that I can live*. For if there really exists something like god, who daily listens to the beseechers he created himself and also grants their wishes, then it is that this guy and his god in fact killed me! The two corrupted manipulators!

His wife listens to him and services him with incomprehensible, understanding kindness, and he accepts her care as natural, but I gather from her sacrificing that she, too, somehow enjoys her martyrdom in some idiotic way. As I could make out from his complaining, the cause of his liver malady was hepatitis C that – at least that's how he explains it to the universe – he picked up ten years ago from some blood transfusion, something his wife, who is even dumber than him, fully believes instead of sitting down at the computer and googleing donating blood and hepatitis C and thus quickly determining that in the civilized parts of our planet all donor blood has been tested since 1993. He doesn't have sexual relations with her, but when we're alone on the couch in front of the t.v. he rubs it softly seeing some guy's big black ass getting filled, but changes the channel when there's close ups of a vagina, and we again look for a fat, serpentine dick energetically agitating two artificial breasts.

A person doesn't choose his or her parents, but now I know this goes for body hosts. The survival period after successful transplants with the practice of the recommended health regime can last several long years, and my stomach turns – metaphorically, of course! – at just the thought of being condemned to existence in the body of this dumbbell, in this strict regime prison with no possibility of exit, not even of reprieve, with everything pointing to me listening to his idiotic, grouchy monologs until his next liver transplant?! We seldom go for walks because he, the lazy thing, almost never gets out of the apartment and if he does, we occasionally step onto the balcony, lean on the rail, smoke, and watch the teenagers in the yard kicking a ball in sweat drenched t-shirts. Damn it, it came to me once while we were smoking, I, who before this never smoked: I donated sperm some years ago, and they're certainly still in a deep freeze, and so conceivably not active. Thus there remains the hope that some candidate for artificial insemination will turn up, and that they will defrost my sperm, and if my hypotheses are correct, then it should work out that a place for my consciousness will open in them, too, and in this way I will move from the liver into them. Except, of course, I shiver again, if I get hit with some new bizarre surprise, and my consciousness activates itself autonomously and sovereignly in my sperm and I have a kind of post-mortem dialog or something from the two sources of my consciousness! I have no idea... I just don't know what to think... I'll get even more confused... only not in my head, what do I know, in what and how!!

If this hypothesis of mine doesn't work, and my entire consciousness, and identity, and what's left of this personal junk has been reduced to my liver, I can still count on another option – that I somehow make contact with that heap of my body material, scientifically penetrate myself on the cellular level and use my own scientific findings in reverse, just as nature does from the ground up every day – I'm really interested in what careerist hyena stole them and is preening them at symposia?! As a result, what a healthy, ambitious stem cell I'll incite, one that can remain young for ages and ages, if only it's prepared to divide into eternity, and I'll reprogram it so the dumb ox will turn into a stem cell of cancer that for sure will do this guy in. Yes, and there's another possibility, that I sharpen the technique of blocking anti-immune suppressing drugs, thanks to which the guy would get a bad infection that would put him in his grave. However, I'm next struck that maybe that's not all and my post-mortem life form is only one of the forms of human existence and in fact there is something as retarded as karma? That would mean that with such an action – first suicide and then, as a result murder – I am also influencing my karma I'm totally wrecking it for myself and in the next life or form of life taking the shape of some human tissue from which, for example, some vagina develops whose owner gives herself over in her budding years to base prostitution, so that then dozens

of hygienically and medically infectious cocks slide through me every day, or, for instance, I'm incarnated into the oral servant of some corrupt politician or slimy lawyer, who I absolutely denigrated during my past life. Thus only two thoughts inspire me in moods of extreme despair: the first is that I survived the physical misfortune and that the brain damage was so bad that I'm now locked in some psychiatric ward like a rubber plant and waiting for days on end while all of these thought processes of mine are running somewhere in the depths of my undamaged brain matter. But there is also scenario B – probably even E, possibly G... I'm never short on vitality and energy – according to which I'm currently in a deep coma, I come out of it at some point and then everything will be more or less alright.

It once was that I made fun of the saying that hope always dies last. No, on hearing such sayings I knocked out memorable words – hope dies next to last, at the very end, the very last before hope, does the hopeful. And now I see that in fact this sentence is true. Hope and hope alone are left to me, formally dead and informally within a self-conscious liver, because everything else has, it seems, croaked or is entirely dysfunctional.

What do I know about how it is with this life and death! Wherever I turn and look – I'm logically incapable of closing my eyes, I sleep, but not really – for now I conclude only one thing: There is no end to it ...

Hépatikos

Translated by Florence Gacoin-Marks

Contact of the translator: florence.gacoin-marks@guest.arnes.si

Si j'avais su à l'avance, je n'aurais jamais signé ce fichu formulaire. Mais en tant que spécialiste de la vie – qu'est donc la biologie, sinon la science de la vie – j'ai plutôt peu étudié la question d'une éventuelle existence après la mort et me suis encore moins risqué – sauf en joyeuse compagnie, pour plaisanter, bien sûr – à énoncer la moindre prédition en la matière. Ce qui m'intéressait était l'organisme vivant ; son sort après l'arrêt des fonctions vitales, quand, les acariens aidant, le processus de liquéfaction ou, pour parler simplement, de putréfaction commençait, est connu de n'importe quel crétin. Pour cela, nul besoin d'être scientifique ou spécialiste. Et comme je ne souhaitais pas me liquéfier et que j'étais conscient de la valeur inestimable des tissus vivants, j'ai signé la déclaration par laquelle je faisais don après ma mort de tout ce qui en moi avait encore une quelconque valeur ou utilité et demandais à ce que, dans les deux heures, tout le reste ait disparu dans la gueule du crématorium. Après ma mort, bien sûr ; mais ça maintenant, ce n'est pas la vie à proprement parler, ni la mort, d'ailleurs. La nature exacte de mon état et ce qui en découle, pourrait être le sujet d'un brillant ouvrage scientifique qui attirerait les récompenses comme des mouches. Mais, de même qu'il était prématuré d'écrire sur un sujet pareil avant, de même il est trop tard désormais, car mon état est si délicat et radicalement modifié que je ne sais même pas exactement ce qui m'est arrivé et ne dispose pour le moment que d'hypothèses.

Voici ce qui s'est passé. Je me rendais à un colloque international, emportant avec moi ma contribution scientifique visionnaire et même, n'ayons pas peur de le dire, tout à fait géniale sur le traitement du cancer par la reprogrammation des cellules souches. Comme le moment était venu de dévoiler enfin à la communauté scientifique les conclusions des recherches auxquelles j'avais consacré ma carrière et ma vie, j'étais dans un état d'énervernement extrême. Ma découverte n'était connue que de moi, l'auteur et l'inventeur, et de mes deux assistants de laboratoire qui m'avaient juré de garder le silence jusqu'au jour où je rendrais mes recherches publiques : le premier, hypocondriaque, avait juré que, s'il venait à l'ouvrir, ses cellules saines deviendraient folles et se mettraient à se diviser, et le second, membre de l'Église baptiste, avait posé sa main droite sur un Nouveau Testament relié en cuir de vachette noir.

Dans les milieux scientifiques, la rapidité est extrêmement importante, car, étant donné que nous avons accès aux mêmes informations et que les circuits nerveux fonctionnent plus ou moins de la même manière, il peut très vite se produire qu'une recherche ait été menée à bien, que les vérifications des données sur les rats et lapins de laboratoire, voire sur les tissus cellulaires humains, soient terminés, que seule manque la divulgation des résultats tenus soigneusement secrets, et tout à coup surgit d'on ne sait où quelqu'un proposant des résultats semblables, voire parfaitement identiques. Et pchitt... le ballon gonflé avec tant de soin éclate à l'instant et avec lui tombent dans l'oubli des années, voire des décennies d'expériences et d'analyses épuisantes, de nuits sans sommeil, en conséquence de quoi le système immunitaire se trouve affaibli, la santé se détériore, sans compter les désaccords familiaux et de couple qui se font jour, dommages collatéraux d'une vie entièrement consacrée à la science. Et voilà ! Votre tête scientifique fatiguée se baisse déjà humblement pour recevoir l'auréole récompensant la découverte du siècle marquant toute une civilisation quand subitement vous êtes poussé sur le côté par un coude dont la main s'avance avidement pour vous arracher la couronne dont votre concurrent se pare le crane. Ainsi, vous restez toujours le deuxième, autrement dit un vaincu, un nul, un inconnu dont le nom apparaît, dans

le meilleur des cas, en petits caractères. Je le reconnaissais, j'étais fortement ambitieux et avais toujours accordé à ma carrière la priorité sur la famille, les relations amoureuses et tout le reste. D'ailleurs, pour moi personnellement le carriérisme n'a rien de contestable ; tout compte fait, c'est précisément cette dialectique entre mon entier dévouement à mon travail et l'attention prétendument insuffisante accordée à ma famille qui avait fourni à cette dernière les moyens financiers de mener une vie des plus confortables. D'autre part, sans les visionnaires ambitieux de mon espèce, il est indéniable que nous en serions encore à nous déplacer non pas en voiture ou en avion, mais en nous élançant de branche en branche, sans parler du plaisir que procurent les découvertes scientifiques, plaisir qui, si on le compare à la sexualité, est – vous pouvez me croire – au moins aussi intense et surtout plus durable.

Pendant que, tout en conduisant, je repassais ma communication devant un doryphore virtuel de la communauté scientifique internationale, je ne remarquai pas que le léger crachin s'était transformé en averse et n'eus pas non plus le réflexe de ralentir sur cette route par ailleurs pratiquement déserte. Je fus donc brusquement déporté vers la droite, puis vers la gauche, heurta les parois à plusieurs reprises, ensuite je me souviens encore d'un virage serré et du crissement des freins juste avant que l'image ne disparaisse de l'écran de ma vie et que la projection change automatiquement de chaîne. Sur ce nouveau canal apparut comme un serpentin d'ADN qui s'enroula tout autour de moi et me fit tourbillonner dans une sorte de tunnel où, serré par ce serpent génétique, je voyageais au milieu des gigantesques molécules de protéines et nucléotides qui cédaient le passage aux gros virus orangés octaèdres, poursuivais ma route en dépassant les cellules qui métabolisent avec gourmandise, se divisaient ou, pour certaines d'entre elles, crevaient, jusqu'au moment où, parvenu au bout de ce tuyau métaphysique, j'aperçus une masse à l'intérieur de laquelle une bonne douzaine de cellules gigantesques se frottaient les unes contre les autres. Bien sûr, la morula ! compris-je soudain. Selon cette logique, coincé dans mon propre boa génétique, j'ai développé d'abord la pensée, je voyage maintenant à travers le blastocyste à partir duquel je rejoindrai ensuite la morula ; là, on ne pouvait s'attendre à rien d'autre qu'à un gigantesque petit corps brillant doté d'un noyau rougeâtre. Tout me parut clair : je retourne là d'où je suis venu. Pas auprès d'un dieu, dans une quelconque lumière cosmique ou quelque chose de semblable, mais, par l'intermédiaire de la morula, je retrouve l'état de zygote, d'ovule fécondé attendant d'être aspiré ; ensuite le zygote se divisera en cellules mâles et femelles, et ainsi ma vie s'achèvera, et ainsi, tout simplement, je n'existerai plus. C'est ce à quoi ressemble la métaphysique post-mortuaire des biologistes, pensai-je tout à coup. Au lieu des anges, des dieux et d'une lumière caressante abstraite, nous, les scientifiques biologistes, nous nous acheminons vers le néant à travers le tissu cellulaire primitif. C'est juste, me dis-je en moi-même, rien à objecter. Que ceux qui croient en un dieu finissent au milieu de la géographie post-mortuaire des enfers et des cieux ou bien attendent à ce stade intermédiaire temporaire du néant une éventuelle résurrection ; que les autres se réincarnent en êtres humains, plantes, animaux et minéraux ; quant à nous, les biologistes, et tous les autres qui, même dans les pires horreurs, n'avons pas cédé à la tentation de nous agenouiller devant un dieu pour mendier la santé et la vie, voire pour marchander avec une transcendance tirée des profondeurs infinies du désespoir, désatomisons-nous corporellement et spirituellement et disparaissions ainsi complètement et définitivement.

Hélas, ce ne fut pas aussi simple. En passant par le blastocyste, le chant du cygne de mon processus mental se fit plus lent, tandis que la source originelle s'éloigna de plus en plus. Juste avant l'entrée dans la morula, une force – une force primitive, peut-être – me fit tourbillonner violemment avant de me jeter et de me coller – maintenant, je le sais – sur une ligne déjà différenciée de cellules d'endoderme, ces cellules à partir desquelles se développent les organes internes. Car, autrement, comment aurais-je pu – je raisonne

logiquement – me retrouver dans une telle forme d'existence ? En effet, mon voyage a pris fin dans cette unité temporelle indéfinissable et tout a sombré dans l'obscurité ; enfin, si je peux vraiment parler d'obscurité, car c'est là une expression exprimant de façon pittoresque le vide, le rien complet, absolu où il n'y a rien, si j'essaie de décrire cette phase de mon..., je ne dirais pas existence, mais je ne peux pas non plus dire non existence. En réalité, l'expression la plus adéquate serait probablement « existence en dehors », pour m'exprimer de manière un peu philosophique, car maintenant j'ai le temps de me livrer à ces élucubrations dont je me moquais autrefois et auxquelles je vouais le plus profond mépris.

Je n'ai vu aucune opération, pas un seul chirurgien penché sur ma dépouille mortelle, fouillant à l'intérieur à l'aide de scalpels pour implanter à quelqu'un une partie utilisable de ma matière corporelle. La conscience suivante, plus exactement la conscience de moi-même – tout porte à croire que je n'ai même plus beaucoup de conscience de moi-même – ne s'est mise en route que bien plus tard. Entretemps, il a dû s'écouler une dizaine de jours que, de mon côté, je n'ai pas vu passer. D'un seul coup, je me rappelle, j'ai repris conscience à l'hôpital, pour ainsi dire dans mon lit. *Où suis-je* ? fut ma première question lors de la réactivation de ma conscience. Tout porte à croire que j'ai eu un accident, mais aussi de la chance puisque j'ai manifestement survécu. Ou bien peut-être ne fut-ce pas une chance, m'effrayai-je immédiatement après en vérifiant machinalement l'état de mes membres. C'est là que les choses se dégradèrent pour la première fois. Ce n'est qu'à ce moment-là que je pris conscience du fait que ma perception de l'espace était en quelque sorte modifiée, que je pouvais percevoir ce qui m'entourait, mais que l'angle à partir duquel je voyais les choses n'était pour ainsi dire pas le bon. Si j'étais allongé sur un lit, en ouvrant les yeux je devrais – comme je le pensais logiquement – voir tout d'abord les murs et le plafond. Mais ce n'était pas le cas, mon regard – peut-être devrais-je employer l'expression plus adéquate de vision – se pliait comme le faisait, d'après moi, l'espace dans l'univers. Et avant même d'avoir essayé de bouger la tête, les jambes et les bras, des ronflements retentirent juste à côté de moi. Pas vraiment à côté de moi, les ronflements venaient d'une proximité corporelle douteuse, tant est si bien que j'en déduis que, dans cette chambre, concrètement dans ce lit, j'étais loin d'être seul. Et, comme je le constatai bientôt, il en serait désormais ainsi. Certes, je sentais plus ou moins mes bras et mes jambes, mais pourquoi ne pouvais-je pas les bouger ? Je compris bien vite : parce que je n'avais ni bras ni jambes, pour ne pas parler de ma tête. C'est terrible, mais cela doit très probablement être temporaire, me dis-je ; après tout, l'homme peut ressentir bien des choses sans que rien ne soit vrai, excepté, bien sûr, le processus neurologique en lui-même qui, dieu savait pour quelle raison, déformait et défigurait la perception. Mais que je me retrouverais dans cet état qui s'apparentait plus à une psychose qu'à autre chose, moi qui depuis toujours ne jurais que par la raison et m'étonnais de la paresse et de la faiblesse mentale de ceux que la vie ballotait comme une petite barque sur la mer, ça non, je ne l'avais pas prévu, je ne m'y attendais vraiment pas. Ce sentiment ne fit que s'accroître lorsqu'une infirmière entra dans ma chambre et vint vers moi. Vers moi, mais pas à proprement parler jusqu'à moi, avant de trafiquer quelque chose avec le thermomètre qu'elle plaça quelque part en dehors de mon champ de vision. *Qui suis-je* ? *Que suis-je* ? recommençai-je à ressasser au plus profond de moi-même. *Mais je les ressassais en tant que quoi* ? *À quel endroit en moi-même* ? *À partir d'où* ? *En tant que qui est-ce que j'écoute tout cela, je pense et j'observe* ? me demandais-je déjà avec anxiété sans me douter que toutes ces questions resteraient sans réponse même dans le futur. À quoi ma masse mentale et, avec elle, ma personne, mon identité, étaient-elles accrochées ? Sur quelle matière la fureur et la peur m'ont-elles frappé, car il faut bien qu'il y ait une matière, sacré bleu, je ne suis pas un esprit, non ? Pour moi, homme de science dont les restes s'étaient rétractés en une sorte de phénomène scientifique, c'était absolument trop.

Une infirmière venait de mesurer ma température, à en juger par le thermomètre électronique qu'elle portait vers son nez pointu, quand les médecins entrèrent pour la visite médicale. Enfin la délivrance, c'étaient mes collègues scientifiques venus m'expliquer mon état, me dire comment j'allais et ce qu'ils comptaient faire de moi ; enfin, si le mot « scientifique » est bien approprié pour désigner des cliniciens qui, au fil des ans, se laissent souvent aller et deviennent des praticiens routiniers prétentieux ne s'intéressant, en vérité, que bien peu à la science.

Mais lors de la visite médicale, on m'appela d'un nom et d'un prénom qui m'étaient parfaitement inconnus et quand le chirurgien se mit à expliquer à leur mystérieux propriétaire que l'opération avait réussi et que son corps tolérait bien le nouveau foie, je compris que j'étais dans la purée. Ou, plus exactement, qu'il n'était resté de moi après l'accident, pour m'exprimer métaphoriquement, plus ou moins que de la purée, ce dont les spécialistes en transplantation s'étaient sincèrement réjouis ; ils avaient probablement diagnostiqué ma mort cérébrale à la hâte et sans états d'âmes, avaient gardé le corps branché aux appareils juste le temps de le dépouiller des organes restés intacts, puis, suivant mes instructions, la matière en bouillie avait été envoyée au crématorium et était sans doute maintenant décentement enterrée. Mon foie, au moins mon foie, lui, avait été transplanté dans le corps d'un homme, lieu où je me trouve maintenant sous la forme de son nouveau foie.

Que sais-je, d'une certaine manière je vis, mais peut-on encore donner à cela le nom de vie ?! commençai-je à me demander quand, quelques jours plus tard, mon hôte et moi-même sommes rentrés à la maison. Je ne dis pas que, avant cela, donc pendant mon ancienne vie, quand j'étais encore moi, avec mon corps entier, je n'avais pas écouté les histoires des chirurgiens racontant que, de temps en temps, après la transplantation, des patients venaient les voir et après maintes hésitations finissaient pas oser leur demander s'il était possible que la mémoire du donneur réside dans l'organe transplanté, qu'ils avaient l'impression que quelqu'un vivait avec eux, que, par exemple, leurs goûts avaient changé, et puis que le football, dont ils étaient auparavant des supporters enthousiastes, les laissait curieusement froids depuis l'opération ou bien qu'ils avaient des fourmis dans les doigts à la vue d'un piano, que l'envie les prenait de s'asseoir et de jouer un air alors qu'ils n'avaient pas les moindres connaissances en musique. Non, ce n'est pas possible, leur répondait la médecine en accord avec la doctrine avant de leur conseiller de se réjouir plutôt de leur nouvel organe et de la nouvelle vie qu'il leur offrait et qui équivalait pour eux à une nouvelle naissance, et de les rassurer en ajoutant que, s'ils s'en tenaient aux recommandations des médecins, leur vie serait belle et, avec un peu de chance, même pas si courte que cela. Que pourraient-ils leur dire de plus ? Ils n'ont jamais eu l'occasion de discuter avec un esprit recroqueillé dans un organe, tout comme – comme me le dit mon expérience présente – personne ne m'entend, alors que mes monologues ne me semblent en rien moins sonores que les exposés que je m'entraînais à déclamer dans ma voiture quand j'étais seul.

Maintenant je sais que, si j'ai bien fait de signer un document concernant le don d'organes, en revanche j'aurais dû poser mes conditions concernant leur récepteur, parce que maintenant ma carte et le formulaire qui va avec, je peux me les mettre dans le cul ! Enfin, je pourrais si j'en avais un, ce qui n'est pas le cas ! Parce que, eu égard au mode de vie ayant caractérisé mon existence jusqu'alors et à ma conception du monde – j'en ai encore une ! –, le type dans lequel j'ai été transplanté avec mon foie est humiliant et tout à fait inacceptable pour moi. En effet, j'ai été transplanté dans un parfait crétin qui trottine du matin au soir en savates dans l'appartement, passe ses journées les yeux fixés sur le téléviseur, raconte des idioties, de si grandes que mon esprit scientifique a bien du mal à les supporter. Lorsqu'il explique au téléphone comment il se sent et la méthode de transplantation, j'aimerais parfois lui mettre une raclée, car, bien qu'il ne

pige rien à la biologie et à la médecine, les notions scientifiques sortent de sa bouche comme les crottes tombent du cul d'un âne. Dans ces moments-là, nous comprenons, nous les hommes, même quelqu'un comme moi – une trace humaine ou quoi d'autre ? –, combien les gens sont différents et à quel point certains sont fainéants sur le plan intellectuel. L'appartement où il habite avec sa femme – enfin, où nous habitons ensemble maintenant – est loin d'être modeste ; de même, ils ne lésinent pas sur la nourriture que moi, son foie, je nettoie en même temps que les médicaments immunosuppresseurs. Ainsi, il pourrait au moins maintenant, quand la situation le concerne et qu'il dispose après l'opération de toutes ses journées, lire quelque chose. Mais non, cet imbécile se roule sur le canapé, puis nous regardons ensemble des émissions dont j'ignorais jusqu'à l'existence. Tout porte à croire que le type est aussi un fanatique ou du moins un opportuniste religieux. En effet, il croit tout devoir à la grâce de Dieu, c'est pourquoi nous regardons chaque jour des émissions plus ou moins religieuses où des maniaques agitent des croix et des micros en gueulant. Il est persuadé que Dieu a entendu ses prières et lui a procuré un nouveau foie sain. Mais te rends-tu compte, abruti d'égoïste, me dis-je si souvent, que ton souhait : *Bon Dieu, s'il te plaît, trouve-moi un nouveau foie*, contenait cette pensée assassine non exprimée : *mais comme pour le moment je ne peux malheureusement pas cultiver un foie comme on cultive un concombre, je te demande humblement, oh mon Dieu, que quelqu'un meure pour que je vive*. Car s'il existe vraiment quelque chose s'apparentant à un dieu, écoutant quotidiennement les pleurnicheurs qui composent sa création et exaucant leurs souhaits, alors ce type et son dieu m'ont bel et bien tué ! Les sales spéculateurs !

Sa femme l'écoute et s'occupe de lui avec une compassion empreinte d'une compréhension incompréhensible, tandis que lui, de son côté, reçoit ses soins comme allant de soi ; cependant, je lis dans son dévouement que, d'une certaine manière, elle éprouve du plaisir dans son martyre. Si j'ai bien compris les jérémiaades du type, la cause de sa maladie du foie aurait été une hépatite C qu'il aurait attrapée – c'est du moins ce qu'il explique à la terre entière – il y a dix ans lors d'une transfusion sanguine, ce que sa femme, qui est encore plus bête que lui, va même jusqu'à croire au lieu de s'asseoir devant son ordinateur, de taper dans Google transfusion et hépatite C, et de constater rapidement que depuis 1993, dans les contrées civilisées, le sang de tous les donneurs est testé. Nous n'avons pas de relations sexuelles avec elle, c'est pourquoi, quand nous sommes seuls, nous nous collons une douce sur le canapé, devant la télé, en regardant les va-et-vient d'un noir au cul bien roulé et, lors des gros-plans sur le vagin, nous changeons de programme pour chercher à nouveau la bite grasse et reptiforme qui se tord allègrement entre les doigts de son propriétaire.

L'homme ne choisit pas ses parents, mais maintenant je sais qu'il ne choisit pas non plus ses hôtes corporels. Après les transplantations réussies et avec l'observation du régime recommandé, la durée de survie peut atteindre quelques longues années, et l'idée même d'être désormais condamné à habiter le corps de cet abruti, dans ce quartier de haute sécurité, sans la moindre possibilité de sortie et encore moins de recours en grâce, et de devoir (manifestement jusqu'à sa mort ou jusqu'à sa prochaine greffe du foie) écouter ses monologues ronchons stupides me soulève le cœur (métaphoriquement, bien entendu). Nous allons rarement nous promener, car lui, en fainéant qu'il est, ne bouge pratiquement jamais de chez lui et, quand il bouge, ce n'est que pour aller sur le balcon fumer en s'appuyant sur la rambarde et observer les adolescents qui jouent à la balle dans la cour, les tee-shirts mouillés de sueur. Bon sang, ai-je pensé une fois tout en fumant, moi qui jusqu'alors n'avait jamais fumé : il y a quelques années, j'ai fait don de mes cellules sexuelles qui sont manifestement encore congelées et donc inactives aussi bien mentalement qu'autrement. Il y a donc un espoir qu'un jour une candidate à l'insémination artificielle se présente et que mes cellules soient décongelées. Or, si mes hypothèses sont exactes, alors peut-être qu'une place pour

ma conscience s'y ouvrira également et que je pourrai quitter le foie pour m'y loger tout entier. Sauf, bien sûr (je m'aventure encore), si quelque nouvelle surprise bizarre me tombe dessus et que ma conscience s'active de manière autonome et souveraine dans mon sperme ; j'aurais ainsi, avec mes deux sources de conscience, une sorte de dialogue intérieur *post mortem*, non ? Je n'en ai aucune idée... je ne sais vraiment pas quoi penser... je vais finir par devenir fou, mais si ce n'est pas la tête que je perdrai, que vais-je perdre et comment !!

Si cette hypothèse n'est pas valable et que ma conscience toute entière, mon identité et tout ce qui reste du charme constitutif de ma personnalité, se sont concentrés dans mon foie, alors je peux compter sur une autre option, sur la possibilité d'établir une sorte de contact avec la part infime de matière corporelle qui me reste, d'étudier moi-même scientifiquement mon existence à l'état cellulaire et d'utiliser à l'envers mes propres découvertes scientifiques – je me demande bien quelle hyène carriériste me les a chapardées et se fait mousser à présent dans les colloques – comme le fait la nature quotidiennement, de la façon la plus banale. Je pourrais donc monter la tête à une cellule souche ambitieuse en lui promettant la jeunesse éternelle si elle était prête à se diviser à l'infini, ainsi je la reprogrammerais de façon à faire muter cette idiote pour qu'elle se transforme en cellule souche cancéreuse qui aurait sans aucun doute raison de mon type. Enfin, il existe encore une autre possibilité, celle consistant à perfectionner la technique du rejet des médicaments immunosuppresseurs, provoquant ainsi une terrible infection qui enverrait mon gars irréversiblement sous terre. Mais après une autre idée me vient : et si ce n'était pas tout, si ma forme de vie après la mort n'était que l'une des formes de l'existence humaine et qu'il existe vraiment quelque chose d'aussi stupide que le karma ? Cela signifie-t-il que par un tel acte – avant tout un suicide et, par voie de conséquence, un meurtre – j'agirais sur mon karma et le bousillerais définitivement, me réincarnant dans ma prochaine vie ou forme de vie en un tissu humain à partir duquel se développerait, par exemple, un vagin dont la propriétaire, dès son plus jeune âge, s'adonnerait à la prostitution bon marché et que tous les jours des dizaines et des dizaines de bites à l'hygiène et à la santé douteuses coulisseraient à l'intérieur de moi ; ou bien imaginons que je me réincarne dans la muqueuse buccale de l'un de ces politiciens véreux ou avocat lèche-bottes que je méprisais totalement du temps de mon ancienne vie. C'est pourquoi, lorsque je suis dans un état de désespoir extrême, seules deux pensées m'inspirent encore : selon la première, j'ai physiquement survécu à l'accident, mais les lésions cérébrales sont si graves que je gis maintenant à l'état de plante verte dans un hôpital psychiatrique, tandis que dans les tréfonds de ma cervelle encore non endommagée se déroulent tous ces processus mentaux. Mais il existe aussi un scénario B – ou peut-être E, voire F... je ne manque jamais de vitalisme et de créativité – selon lequel je me trouve actuellement dans un profond coma dont je vais me réveiller un jour, et après tout rentrera plus ou moins dans l'ordre.

Autrefois, je me moquais de la phrase prétendant que l'espoir mourrait en dernier. Non, lorsque j'entendais ce genre de déclarations, j'épinglais les petits malins en affirmant que l'espoir mourrait en avant-dernier et que, à la fin, en tout dernier lieu, mourrait celui qui espérait. Mais maintenant je vois que, en définitive, cette affirmation est vraie. À moi qui suis officiellement mort et officieusement un ramassis de foie ayant conscience de lui-même, il me reste seulement et uniquement l'espoir, car, semble-t-il, tout le reste est foutu ou n'est plus du tout en état de fonctionner.

Que sais-je, moi, de cette vie et de cette mort ! Quand je me retourne et regarde (je ne peux pas cligner des yeux, c'est logique, et manifestement je ne dors pas non plus), pour le moment je ne constate qu'une chose : ce n'est jamais, jamais fini ...

Il était un foie

*Translated by Grégoire Labbé
Contact of the translator: g.lab85@gmail.com*

Si j'avais su, je n'aurais jamais signé ce formulaire. En fait, je m'étais déjà intéressé aux possibilités d'existence post-mortem, en tant qu'expert de la vie, car qu'est-ce que la biologie, sinon la science de la vie ? Je ne me suis par contre jamais aventuré sur le terrain de la prédiction de l'avenir, sauf pour plaisanter, en joyeuse compagnie, bien sûr. Ce qui m'intéressait, c'était l'organisme vivant, ce qu'il en advient après la cessation des fonctions vitales, quand sous l'action des acariens commence le processus de liquéfaction du corps ou, simplement dit, de décomposition, pour que les ignorants eux-mêmes puissent me comprendre. Pour cela, nul besoin d'être scientifique ou expert. Et comme je n'avais pas envie de me liquéfier, j'ai signé, pleinement conscient de la valeur potentiellement inestimable du tissus vivant, un formulaire attestant que je donnerai, après ma mort, tout ce que mon corps comportera d'utile... et que le reste sera réglé par deux bonnes heures de four crématoire. Après ma mort, entendons-nous bien; mais ma situation actuelle n'est ni la vie, ni non plus la mort. Sur ce que je suis et ce que ça signifie, il serait possible d'écrire un travail scientifique brillant, qui attirerait de lui-même les distinctions. Mais, tout autant qu'il aurait été prématûr d'écrire cela avant, il est désormais trop tard, car mon état est si délicat et si radicalement changé que je ne sais pas encore vraiment ce qui m'est arrivé, et je n'ai par rapport à cela élaboré qu'une hypothèse.

Ma situation est la suivante. J'étais en route pour un symposium scientifique international, avec, pour parler sans détour, ma contribution visionnaire et tout à fait géniale sur le soin du cancer par la reprogrammation des cellules souches. J'étais particulièrement nerveux, et pour cause, l'instant se rapprochait, où les résultats de mes recherches, auxquelles j'ai consacré ma carrière et ma vie, allaient finalement être dévoilées au public scientifique. A part moi, le penseur et l'inventeur, ma découverte était uniquement connue de mes assistants au laboratoire, qui ont fait serment de ne rien dire avant la grande révélation. Le premier, hypocondriaque notoire, a juré qu'au moment même où il cafterait, les cellules saines dans son corps s'emballeraient et se dupliqueraient de façon incontrôlable. Le second, fidèle de l'église baptiste, a posé sa main droite sur le cuir noir du Nouveau Testament.

La rapidité est extrêmement importante dans le milieu scientifique. Nous avons accès aux mêmes informations et nos neurones fonctionnent de la même façon... Il peut donc facilement arriver que l'on mène une recherche jusqu'au bout, que les données sur les rats de laboratoires, les lapins, et pourquoi pas sur les cellules de tissus humains soient confirmées, et que tout ce qui manque soit la publication de la recherche si bien protégée. Et voilà que d'on ne sait où arrive quelqu'un avec des résultats comparables, si ce n'est complètement identiques. Et paf ! Le ballon soigneusement gonflé éclate en un instant et, avec lui, des années, si ce ne sont des décennies d'expériences et d'analyses épuisantes, de nuits blanches, à cause desquelles notre système immunitaire s'est essoufflé, notre santé endommagée, sans mentionner les incompréhensions dans notre famille et notre couple, véritables dommages collatéraux de l'engagement total à la science. Et au moment où notre tête savante épuisée s'incline humblement pour recevoir l'auréole de la découverte du siècle, un coude

nous repousse à l'improviste. La main étrangère s'étend alors avidement et nous arrache, sous nos yeux, la couronne, pour finalement se la poser sur le crâne. Pour l'éternité nous devenons le deuxième, autrement dit le vaincu, le zéro, le rien, dont le nom paraît, dans le meilleur des cas, en petits caractères. Je reconnais que j'ai été plus qu'ambitieux et que j'ai toujours placé ma carrière avant ma famille, mon couple et le reste. Mais d'un point de vue personnel, le carriérisme ne me semble pas être contestable. Tout de mêm, mon ardeur au travail a permis à ma famille soit-disant négligée d'accéder à un niveau de vie tout à fait confortable, financièrement parlant. Et puis, sans visionnaire ambitieux comme moi, nous nous déplacerions encore de branche en branche, au lieu de disposer de voitures et d'avions. Ne mentionnons même pas le plaisir que procurent les découvertes scientifiques et qui n'ont rien à envier à l'activité sexuelle, tout en étant bien plus durables.

Lorsqu'en conduisant je me représentais mon arrivée devant les rapaces du public scientifique international, je n'ai pas remarqué la transformation de la fine ondée en averse. Le réflexe qui aurait dû se déclencher sur cette route vide, à savoir, de ralentir, est tout à fait passé à la trappe. En un instant, j'ai été dévié sur la droite, puis sur la gauche, déporté ici et là... Je me souviens encore d'un virage serré, d'une courbe crissante, puis l'image s'est déconnectée de l'écran de ma vie, la projection s'est spontanément arrêtée, au profit d'un autre programme. Cette nouvelle chaîne diffusait une hélice d'ADN, qui m'enveloppa étroitement et m'enfonça dans une sorte de tunnel, à travers lequel j'ai voyagé, dans l'étreinte d'un serpent de gènes, parmi des macromolécules de protéines et de nucléotides, dont se retirèrent de gros virus octaédriques jaunes-orangés. J'étais pressé contre les cellules, qui se métabolisaien voracement et bruyamment, se divisaient, lorsque certaines d'entre elles crevaient. Avec tout cela, je n'ai pas aperçu, à la fin de ce tube métaphysique, la matière dans laquelle une bonne douzaine de cellules géantes se frottaient les unes aux autres. "Bien sûr !", réalisai-je, "une morula !" Comprimé dans un boa génétique, m'est venue la pensée que, selon toute logique, je passais à travers la blastocyste, à partir de laquelle je devenais une morula. Pour l'étape suivante, je pouvais m'attendre à devenir une sorte de gros globule luisant d'une moelle rougeâtre. Tout m'est alors devenu clair comme de l'eau de roche : j'allais revenir là d'où je suis arrivé : pas à dieu ni à une quelconque lumière cosmique, ni à quoi ce ce soit de semblable, mais, via la morula, à la cellule-oeuf, jusqu'à l'ovule fécondé, pour finalement me faire aspirer et bifurquer de l'organisme féminin au corps masculin, où se terminera finalement ma vie en disparaissant tout simplement. C'est ainsi, réalisai-je, que l'on peut voir la métaphysique post-mortem des biologistes. A la place des anges, dieux, et autres lumières divines abstraites, nous, les scientifiques, nous voyageons vers l'anéantissement à travers le tissus cellulaire primitif. Honnêtement, je n'ai rien à ajouter. Que ceux qui croient en dieu se retrouvent en enfer ou aux cieux. Que ceux qui attendent la résurrection renaissent, après avoir stationné dans un néant temporaire, dans la peau d'humains, de plantes, d'animaux ou de minéraux. Mais nous, les biologistes, et tous les autres, qui, ni même dans les pires atrocités n'avons cédé à la tentation de nous agenouiller devant un quelconque dieu pour mendier la santé, la vie ou marchander depuis le désespoir sans fond la transcendance amenée, nous nous désatomisons, nous, notre corps et notre esprit ,et disparaissions complètement.

Ce n'était pourtant pas si simple. Le chant du cygne de ma pensée a, lors de la transition depuis la blastocyste, commencé à ralentir. La source originelle, quant à elle, s'est de plus en plus éloignée. J'ai été comme retiré du processus de transformation en morula, par une force indéfinie... serait-ce une force élémentaire ? Ce que j'ai désormais compris, c'est que j'ai été intégré à une lignée déjà

différenciée des cellules constitutives de l'endoderme, depuis lesquelles se développent les organes internes. J'en déduis alors que je me serais vraisemblablement retrouvé dans une forme de vie ? Dans cette incertitude temporelle s'est de fait terminé mon voyage. Tout s'est complètement obscurci, si bien sûr je peux parler d'obscurité, car ici, l'obscurité désigne le néant : un vide absolu, dans lequel il n'y a rien. Je pourrais pas qualifier cette position d'existence, ni même d'inexistence, peut-être qu'il serait plus pertinent d'utiliser la notion de vie par procuration, en m'exprimant philosophiquement, puisque maintenant j'ai le temps pour de tels étalages de pensée, dont je me moquais pourtant volontiers jusqu'ici, car au fond, je les méprisais.

Je n'ai vu ni opération, ni chirurgien qui se serait penché sur mon cadavre et m'aurait fouillé, scalpel aidant, pour finalement transférer dans quelqu'un les parties utiles de ma matière corporelle. Ce n'est qu'ensuite que ma conscience est revenue, car tout montre que cette conscience de soi m'avait quitté. Il a dû s'écouler dix jours dans l'intervalle, qui pour moi sont passés inaperçus. Je me souviens avoir été surpris de revenir à moi à l'hôpital, et ce, plus ou moins dans un lit. "Où suis-je ?" a été la première pensée à se déclencher lors de ma réactivation. Tout montrait que j'ai eu autant de malchance que de chance, puisque j'ai apparemment survécu. Ce n'avait cependant pas été de la chance. J'ai été saisi d'horreur en vérifiant l'état de mes extrémités. C'est là que les choses se sont gâtées. J'avais d'ores et déjà réalisé que ma perception de l'espace s'était quelque peu modifiée, car l'angle sous lequel je voyais les choses avait quelque chose d'étrange. "Si je suis allongé dans un lit, ai-je pensé, je devrais, quand j'ouvre les yeux, d'abord apercevoir les murs et le plafond". Ce n'était pourtant pas le cas, ma vue, mais peut-être serait-il plus adapté de parler de perception, s'était altérée, de la même façon que je m'imagine que se tord la vision dans l'espace. J'avais essayé de bouger les jambes, la tête et les bras, ce qui déclencha un ronflement près de moi. Peut-être n'était-ce pas vraiment à côté, ce ronflement est arrivé d'une proximité suspecte, ce qui m'a permis de conclure que, sur ce lit, je ne devais pas être réellement seul. Cela ne risquait d'ailleurs plus de changer, comme je l'ai rapidement réalisé. Si je ne pouvais sentir ni bras ni jambes, c'est parce que je ne disposais ni des premières, ni des secondes, et ne parlons pas de la tête. En quelques instants, je suis passé de l'effroi à tout ce que l'homme peut ressentir. Et rien de cela n'est réel, sauf bien sûr le seul processus neurologique, qui me fait percevoir, pour dieu sait quelle raison, des déformations et distorsions. Un état proche de la psychose s'est emparé de moi... A moi, qui ai, du plus loin que je me souvienne, opté pour la raison et me suis toujours étonné de l'inertie et de l'instabilité de ceux que la vie fait tanguer comme une barque sur la mer. Non, ce n'était pas ce que j'avais prévu, je ne m'y attendais vraiment pas. Cette impression s'est encore renforcée quand une infirmière est entrée dans la salle et s'est approchée près de moi. Près, oui, mais pas vraiment de moi, en fait. Elle a pris le thermomètre et l'a apparemment utilisé, bien qu'il ne m'ait pas été donné de le voir. "Qui suis-je ? Que suis-je ?" Je me sentais comme moulu au plus profond de moi, mais "Comme quoi ? Où ça, à l'intérieur de moi ? D'où est-ce que ça vient ? En tant que quoi est-ce que j'écoute tout cela, pense et aperçois ?". Tout cela commençait à me tourmenter, bien que je me savais dans l'incapacité d'y répondre. Où se trouve ma matière grise, et avec elle, mon identité, revenue depuis peu ? Dans quoi m'ont précipité la rage et la peur ? Car enfin, je dois bien être quelque chose, je ne suis pas un esprit ou quoi que ce soit de ce genre ? Tout cela, c'est vraiment trop pour moi, un savant, dont les restes ont été réduits à une sorte de phénomène scientifique.

L'infirmière a pris la température avec ce que je pense être un thermomètre électrique, qu'elle

a porté jusqu'à son nez pointu, quand un instant plus tard , entra une visite dans la chambre. Enfin le salut, voici mes collègues scientifiques qui sont venu m'expliquer mon état et me dire ce qu'il en sera de moi... Bon, bien sûr, pour autant que "scientifique" soit un terme approprié pour clinicien, qui ne sont pas qu'un peu devenus paresseux avec le temps, coincés dans leur arrogante routine de la pratique. En vérité, ils ne sont que sacrément peu intéressés par le savoir.

Mais cette visite s'adressa à moi avec un nom et un prénom tout à fait inconnus, et quand le chirurgien a commencé à expliquer au porteur de ce nom mystérieux que l'opération avait été un succès et que son corps supportait bien le nouveau foie, j'ai pris conscience du fait que je suis dans une situation difficile, ou plus précisément, qu'après l'accident, si je m'exprime métaphoriquement, il n'est resté de moi plus ou moins que de la purée. Les experts de la transplantation s'en sont sincèrement réjoui, ils ont pu certainement vite et facilement diagnostiquer ma mort cérébrale, et ont conservé mon corps avec des appareils, pour le dépoiller des organes encore viables. Quant aux restes pâteux et hors d'usage, ils les ont mis, conformément à mes consignes, à la crémation. Ils sont désormais probablement enterrés convenablement. Mais le foie, au moins, ils l'ont transplanté dans un homme, dans le corps duquel je me trouve en tant que greffe.

"Je vis encore, d'une certaine façon, mais qu'en savons-nous, est-ce encore vivre que cela ?!" Je me suis posé cette question quand nous étions, mon hôte et moi, revenus à la maison. Il m'est certes arrivé, du temps de la vraie vie, lorsque je possédais encore mon corps entier, d'écouter les histoires de chirurgiens, racontant comment les patients, après la transplantation d'un organe, se présentent parfois à eux, hésitent quelques instants, avant que ne sorte la question : "Qu'en pensez-vous, serait-il possible que l'organe transplanté conserve des souvenirs du donneur ?" Ils avaient l'impression qu'avec eux vit quelqu'un d'autre, et que, par exemple, leurs goûts ont changé, que le football, dont ils étaient avant fervents supporters, leur soit devenu, sans raison, sans intérêt après l'opération, mais qu'ils sentaient qu'ils pourraient s'installer devant un piano et jouer, et ce bien qu'ils n'aient aucune notion de musique. "Non, ce n'est pas possible". On leur explique alors la chose, conformément à la doctrine, et dans la même phrase on ajoute qu'ils devraient se réjouir du nouvel organe et, avec lui, de leur nouvelle vie, qui pour eux en vérité signifie une renaissance, et que s'ils s'en tiennent à tous les recommandations médicales, ils pourront vivre convenablement, et, s'ils ont de la chance, un assez long moment. Qu'aurait-on pu leur expliquer d'autre ? Ces chirurgiens n'ont jamais eu l'occasion de discuter avec un organe doté de raison, et moi-même, malgré mes essais, ne suis entendu par personne, bien que j'aie l'impression d'être bruyant dans mes monologues, tout autant que l'étaient mes exercices de présentation pendant la conduite de la voiture, quand j'étais seul.

Maintenant je sais que si je devais re-signer un document sur le don d'organes, je devrais établir des conditions sur son receveur, car maintenant je peux me les mettre dans le cul, ma carte et le formulaire ! Enfin, je le pourrais si j'en avais un, mais je n'en ai pas ! Car celui en qui a été transplanté mon foie, et moi avec, est un être offensant et inacceptable, vis à vis de moi, de la vie que j'ai vécu, et de ma conception du monde, car cela, je l'ai encore ! J'ai été de fait installé dans un parfait idiot, qui, du matin au soir sillonne sont appartement dans ses pantoufles, fixant la télévision, racontant des idioties et ainsi de suite, ce qui n'est pas compatible avec ma raison de scientifique. Quand au téléphone il explique son sentiment sur les méthodes de transplantation, j'aimerais parfois le frapper, car il ne connaît rien des bases de la biologie. Il n'a aucune connaissance médicale, et tout cela lui sort de la bouche comme du crottin du cul merdeux d'un âne. Dans ces moments, les gens, mais égale-

ment les êtres de mon espèce (des résidus d'hommes ou quelque chose du genre ?), nous apercevons des différences qui composent l'humanité, et constatons comme certains sont intellectuellement désœuvrés. L'appartement dans lequel il vit avec sa femme, bon, dans lequel nous vivons ensemble, est loin d'être modeste, ils ne sont d'ailleurs pas radins avec la nourriture, que j'épure, de concert avec les médicaments immuno-supresseurs. Ainsi il pourrait lire quelque chose, au moins maintenant, puisqu'il a pour lui vingt-quatre heures de repos à occuper chaque jour. Mais non, l'idiot se fourre dans son canapé et ingère toutes une série d'émissions dont je ne soupçonne pas l'existence. Tout montre que ce gars est un fou de religion, ou au moins un religieux calculateur. Il pense en fait qu'il se doit pour tout ce qui lui arrive de remercier dieu, et c'est ainsi qu'il regarde quotidiennement des émissions religieuses, dans lesquelles des fanatiques s'agitent et crient avec une croix et un micro. Il est convaincu que dieu a entendu ses prières et s'est soucié de lui trouver à temps un nouveau foie sain. Mais est-ce que tu as seulement réfléchi, grossier égoïste ? Ton souhait, je me le représente bien : "Cher Dieu, donne-moi , trouve-moi un nouveau foie". Et il contient une partie de non-dit tout à fait morbide : "et comme on ne peut pas faire pousser un foie comme un concombre, dieu, je te demande humblement que quelqu'un meure, pour que moi, je vive". Car s'il existe vraiment quelque chose comme dieu, qui écoute chaque jour les plaintes de ses propres créations, et qui exaucé leurs voeux, du coup ce gars et dieu m'ont de fait tué ! Spéculateurs corrompus !

Sa femme, avec un sourire incompréhensiblement miséricordieux, l'écoute et le sert, et lui, il reçoit ses soins comme s'ils allaient d'eux-même. D'après sa disposition au sacrifice, je parierais qu'elle apprécie son martyre, pour une quelconque raison idiote. Selon ce que j'ai pu comprendre des gémissements de mon hôte, la raison du déclenchement de son hépatite C serait, comme l'explique la création universelle, qu'il a été, il y a dix ans de cela, transfusé. Sa femme, qui est encore plus insensée que lui, croit tout, au lieu d'aller s'asseoir à son ordinateur, et d'entrer sur google "don du sang et hépatite C", pour finalement trouver immédiatement que dans les coins civilisés de notre monde, depuis l'année 1993, chaque échantillon de sang donné est testé. Nous ne faisons pas l'amour avec elle. C'est pourquoi, lorsque nous sommes seuls, il tourmente sa chose longue et grasse sur le canapé devant la télévision. Celle-ci diffuse alors des images de culs mous d'africaines, de plans rapprochés de vagins, et vice versa.

On ne choisit pas ses parents. Je sais désormais qu'on ne choisit pas davantage son receveur. La période de survie après une transplantation réussie avec le suivi du régime de santé recommandé peut durer quelques longues années. En pensant au fait que je suis désormais condamné à vivre dans le corps de ce crétin, dans la prison fermée de ce type, sans aucune possibilité de fuite, sans parler d'amnistie, et que je vais, comme tout le montre, rester ici jusqu'à sa mort (ou du moins jusqu'à sa prochaine transplantation de foie ?!) devoir écouter ses monologues idiots et ronchonnants, ça me donne la nausée, métaphoriquement parlant bien sûr. Nous ne nous promenons que rarement, car ce paresseux ne bouge quasiment pas de son appartement, si déjà on va sur le balcon, il s'appuie sur la rambarde et nous observons les jeunes qui, dans la cours, en sueur dans leurs T-shirt, frappent dans une balle. "Putain, et moi qui jusqu'ici n'ai jamais fumé", ai-je pensé alors qu'il s'allumait une cigarette. J'avais fait don de mes gamètes autrefois, ils sont sûrement encore dans le grand froid et donc d'une certaine façon inactifs. Il reste donc un espoir qu'arrive une quelconque candidate pour une fécondation in vitro, et que mes spermatozoïdes soient décongelés. Si mes hypothèses s'avéraient, une place pour ma conscience s'ouvrirait en eux, et je quitterais ainsi ce foie. Sauf bien

sûr, m'effrayai-je, si il m'arrivait encore une sorte de surprise étrange et que ma conscience s'activait d'elle-même dans mes spermatozoïdes et qu'ainsi je pourrais dialoguer de façon post-mortem entre deux sources de conscience... Je n'en sais rien... Je ne sais ce que je devrais en penser... Ca va encore m'embrouiller... mais pas dans ma tête, qu'en sais-je, dans quoi et de quelle façon !

Si mon hypothèse ne se vérifiait pas et que ma conscience entière, mon identité et tout ce fatras personnel se limitait à mon foie, je peux encore compter sur une option. Il faudrait que, d'une façon ou d'une autre, je me rétablisse dans mon corps, que j'approfondisse scientifiquement tout ce qui tourne autour des cellules et de mes propres découvertes scientifiques. Je me demande vraiment quel traître a pu les voler et se pavanner devant le symposium?! J'agirais pour tout dans le sens opposé, un peu comme le fait chaque jour basiquement la nature. Il me faudrait créer une cellule souche qui peut rester éternellement jeune, préparée à se diviser à perte de vue. Je pourrais ainsi la reprogrammer pour que l'idiote mute et se change en cellule souche de cancer, qui pourra ainsi pour de bon faire la peau à ce type. Sinon, il existe encore une autre possibilité, que j'oeuvre pour l'inefficacité de l'action des médicaments immunosuppresseurs, qui pourraient entraîner sur ce gars une infection grave et l'envoyer pour de bon dans la tombe. Mais ensuite... que se passerait-il, si ce n'est pas encore tout, et que ma forme d'existence post-mortem est seulement l'une des formes possible de l'être humain, et qu'il existe encore quelque chose d'aussi stupide que le karma ? Cela voudrait dire qu'avec de tels agissements, d'abord le suicide et ensuite l'assassinat, j'influencerais mon karma, et me compromettrais complètement... Ainsi, dans ma prochaine vie ou forme de vie j'incarnerais un quelconque tissus humain, depuis lequel se formerait un vagin par exemple, dont la propriétaire, une fois dans la fleur de l'âge, se prostituerait à bas prix, et qu'ensuite chaque jour à travers moi transiterait des dizaines de bêtes à l'hygiène et à la santé contestable... Ou que je m'incarne en muqueuse buccale d'un quelconque politicien corrompu ou d'un avocat baveux... Mon ancienne vie serait, en quelques instants, complètement anéantie. Ainsi, l'état d'extrême désespoir m'inspire encore deux hypothèses : la première est que j'ai survécu à cet accident, mais que mes dommages cervicaux sont tels, que je suis désormais enfermé dans un service psychiatrique en tant que légume humain. Je suis donc toute la journée apathique, pendant que quelque part, dans la profondeur de ce qui reste d'intact dans mon cerveau, se déroulent tous ces processus de pensée. Il existe encore un scénario B - peut être même E, ou encore G... (La vitalité et la créativité ne me manquent jamais), selon lequel je suis actuellement dans un coma profond, duquel je me réveillerai un jour, et que tout ira de nouveau plus ou moins bien.

Autrefois, je me moquais de la pensée qui veut que l'espoir meurt toujours en dernier. Non, je faisais l'intelligent par rapport à ce genre de déclaration. "L'espoir meurt en avant-dernier, et à la fin même, entièrement en dernier après l'espoir, meurt l'espérant." Et maintenant je vois que cette phrase tient en fait la route. A moi, qui suis formellement mort et informellement un mélange conscience de soi et d'un foie, il ne me reste plus que l'espoir, car tout le reste est, semble-t-il, mort ou au moins inutilisable.

Qu'est-ce que j'en sais, moi, de ce qu'il en est de la vie et de la mort ! Où que je me retourne et regarde, bien que logiquement, je ne suis plus capable de rien, je ne dors pas non plus de toute évidence, pour le moment je ne constate qu'une chose : il n'y a pas de fin, non, il n'y en a pas...

Der Lebermann

Translated by Karin Almasy

Contact of the translator: karin@almasy.at

Hätte ich es im Vorhinein gewusst, hätte ich niemals dieses Formular unterschrieben. Aber als Experte für das Leben – denn was sonst ist die Biologie, wenn nicht die Wissenschaft vom Leben – hatte ich mich eher wenig mit den Möglichkeiten des posthumen Seins auseinandersetzt, und schon überhaupt nicht war ich so kühn, zu diesem Thema – außer in einer fröhlichen Runde, zum Spaß, versteht sich – irgendetwas zu prognostizieren. Das, was mich interessierte, war der lebende Organismus; was mit ihm passiert, nachdem die Vitalfunktionen ausgesetzt haben, wenn wegen der Milben der Prozess der körperlichen Verflüssigung oder, einfacher gesagt, der Verwesung beginnt, ist ohnehin auch jedem Dummkopf klar. Dafür muss man weder Fachmann noch Experte sein. Und weil ich mich nicht verflüssigen wollte, habe ich – mir des potentiell unbezahlbaren Wertes lebendigen Gewebes bewusst – unterschrieben, dass ich nach meinem Tode alles noch Wertvolle und Verwertbare, was von mir übrig bleibt, spende, mit allem Restlichen aber soll für gut zwei Stunden ein Krematoriumsofen befeuert werden. Nach dem Tod, versteht sich; das hier jetzt ist kein Leben, aber auch kein Tod. Darüber, was dieser mein Zustand nun genau ist und was er bedeutet, könnte man eine brillante wissenschaftliche Arbeit schreiben, der die Auszeichnungen wie von allein folgen würden. Aber wie das Schreiben über so etwas zuvor verfrüht gewesen wäre, so ist es jetzt zu spät, denn mein Zustand ist so unerfreulich und radikal verändert, dass ich noch nicht mal genau weiß, was mir zugestoßen ist, und ich habe bezüglich dessen nur einmal vorläufig ausgearbeitete Hypothesen.

Folgendermaßen ist es gewesen. Mit meinem wissenschaftlichen und dabei visionären, ach was sag ich, geradezu genialen Beitrag über die Krebstherapie mit umprogrammierten Stammzellen war ich auf dem Weg zu einem internationalen wissenschaftlichen Symposium gewesen. Wegen des nahenden Augenblicks, in dem die Ergebnisse meiner Forschung, der ich Karriere und Leben gewidmet habe, endlich der fachkundigen Öffentlichkeit enthüllt werden würden, war ich überaus beunruhigt. Neben mir, dem Autor und Erfinder, kannten meine wissenschaftlichen Entdeckungen nur meine beiden Labortechniker, die mir beide bis zu meiner öffentlichen Enthüllung ihre Verschwiegenheit geschworen haben. Der erste, ein Hypochonder, hat geschworen, dass in dem Moment, in dem er einen Mucks von sich geben sollte, die gesunden Zellen in seinem Körper wild werden würden und sich wie verrückt beginnen würden zu teilen; der zweite, ein Anhänger der Baptistenkirche, legte seine rechte Hand auf ein schwarzes, rindslederbundenes Neues Testament.

In der Scientific Community ist Schnelligkeit von außerordentlicher Wichtigkeit, denn wenn man bedenkt, dass wir denselben Zugriff auf dieselben Informationen haben und dass neuronale Netze ähnlich funktionieren, kann es ganz schnell passieren, dass man eine Studie zu Ende bringt, die Auswertung der Daten an Laborratten oder -kaninchen und an etwaigem menschlichen Zellengewebe sind bestätigt, alles was noch fehlt, ist die Darlegung der sorgfältig geschützten Forschungsergebnisse, aber schau, schon von irgendwo anders her meldet sich jemand mit ähnlichen, wenn nicht gar mit den exakt gleichen Ergebnissen. Und puffff – der sorgfältig aufgeblasene Ballon zerknallt in diesem Moment, und mit ihm verpuffen Jahre ins Vergessen, wenn nicht gar Jahrzehnte aufreibender Experimente und Analysen, durchwachter Nächte; eine Folge dessen ist das schwache Immunsystem, der angeknackste Gesundheitszustand, ohne überhaupt erst die familiären und partnerschaftlichen Konflikte zu erwähnen, die als Kollateralschaden der völligen Hingabe an die Wissenschaft entstehen. Und voilà – schon beugt sich dein müdes wissenschaftliches Haupt, damit man ihm einen Glorienschein für eine epochale wissen-

schaftliche Entdeckung darüberstülpen kann, als dich grob ein Ellbogen wegstoßt, dessen Hand sich gierig ausstreckt und dir vor deinen Augen den Lorbeerkrantz entzieht, den sich somit dein Rivale auf den Schädel setzt. So bleibst du für alle Zeiten der Zweite, oder anders gesagt, der Verlierer, eine Null, ein Nichts, dessen Name bestenfalls noch irgendwo im Kleingedruckten aufscheint. Ich gebe zu, ich bin höllisch ehrgeizig und habe der Karriere immer schon die Familie, die Partnerschaft und alles andere untergeordnet. Aber für mich persönlich ist Karrierismus überhaupt nichts Bedenkliches; nicht zuletzt hat gerade diese Dialektik zwischen meiner völligen Arbeitsergebnis und dem so genannten Vernachlässigigen meiner Familie Letzterer ein finanziell überaus angenehmes Leben ermöglicht. Außerdem ist es unbestritten, dass wir uns ohne ehrgeizige Visionäre, wie ich einer bin, statt mit Autos und Flugzeugen immer noch durch das Schwingen von einer Liane zur nächsten fortbewegen würden, und dabei habe ich noch gar nicht die Genüsse erwähnt, die uns wissenschaftliche Entdeckungen ermöglichen, und die, Hand aufs Herz, im Falle der Sexualität zumindest nicht so intensiv und vor allem nicht so langanhaltend wären.

Als ich während der Fahrt meinen Auftritt vor der virtuellen Crème de la Crème der internationalen fachwissenschaftlichen Öffentlichkeit übte, bemerkte ich nicht einmal, dass das leichte Nieseln sich in strömenden Regen verwandelte, der Reflex, auf der ziemlich leeren Straße die Geschwindigkeit zu reduzieren, ist deshalb auch ausgeblieben. So schleuderte es mich in einem Moment nach rechts, dann nach links, es schlug mich hin und her, dann erinnere ich mich nur noch an eine scharfe Kurve und eine quietschende Kehre, als auf meinem Lebensbildschirm das Bild abbrach und die Projektion wie selbstverständlich auf ein anderes Programm umschaltete. Auf diesem neuen Kanal meldete sich eine Art DNA-Helix, wickelte sich eng um mich und drehte mich in eine Art Tunnel, durch den ich unter dem Druck der Genwendeltreppe reiste, zwischen riesenhaften Protein- und Nukleotidmolekülen hindurch, die vor dem dicken rot-gelben oktaederförmigen Virus zurückwichen, sich an den schmatzend frischend sich verstoffwechselnden Zellen vorbeidrängten, welche sich teilten und wovon einige unter ihnen abstarben, so lange, bis ich am Ende dieser metaphysischen Röhre eine Masse erblickte, in der sich ein gutes Dutzend riesiger Zellen aneinander rieben. Natürlich, die Morula! durchzuckte es mich. Dieser Logik zufolge schlage ich mich gerade durch die Blastozyste durch, von der aus ich in die Morula eintrete, bei Letzterer ist nur noch ein riesiges leuchtendes Körperchen mit einer rötlichen Mitte zu erwarten. Alles wurde mir nun vollkommen klar: Ich kehre dorthin zurück, von wo ich hergekommen bin – nicht zu Gott oder in irgendein kosmisches Licht oder etwas Ähnliches, sondern durch die Morula in die Zygote – die befruchtete Eizelle, die darauf wartet, mich aufzusaugen, und dann teilt sich die Zygote in einen weiblichen und einen männlichen Teil und so wird mein Leben beendet und wird es mich einfach nicht mehr geben. Ach, so sieht die posthume Metaphysik bei Biologen aus, durchfuhr es mich – anstelle von Engeln, Göttern und eines göttlichen abstrakten Lichts reisen wir, Wissenschaftler und Biologen, durch das elementarste Zellgewebe ins Nichts. Ehrlich, dachte ich mir, keine Einwände. Sollen jene, die an Gott glauben, bei ihrer postmortalen Geographie von Hölle und Himmel bleiben, oder aber auf einer Zwischenstation eines vorübergehenden Nichts auf eine mögliche erneute Auferstehung warten, sollen andere als Menschen, Pflanzen, Tiere und Mineralien reinkarnieren, wir Biologen und alle anderen, die nicht einmal in ihren schlimmsten Albträumen der Versuchung unterliegen, vor irgendeinem Gott zu knien, um Gesundheit und Leben zu betteln und mit einer aus abgrundtiefer Verzweiflung herangezogenen Transzendenz zu feilschen, wir sollen uns einfach körperlich und geistig in Atome auflösen und so vollkommen und endgültig verschwinden.

Aber leider war es nicht so einfach. Der Schwanengesang meines Denkprozesses begann sich im Übergang durch die Blastozyste zu verlangsamen, der Urquell allen Seins sich immer mehr zu entfernen. Irgendeine Kraft – die Urkraft, oder was? – wirbelte mich knapp vor dem Eintritt in die Morula in der Blastozyste ruckartig um und, das weiß ich jetzt, löschte mich aus und klebte mich auf eine schon dif-

ferenzierte Linie von Keimzellen der Endodermis, aus der sich die inneren Organe entwickeln. Denn wie sonst, folgere ich logisch, würde ich mich in einem derartigen Daseinszustand wiederfinden? In dieser unbestimmten zeitlichen Einheit habe ich nämlich meine Reise beendet und hat sich alles vollkommen verfinstert – wenn ich überhaupt von der Finsternis sprechen kann, weil die Finsternis ist ja eher nur ein farbiger Ausdruck für das Nichts, für das vollkommene, absolute Nichts, in dem nichts ist, wenn ich schon versuche diese Phase meiner, ich würde nicht sagen meiner Existenz, aber auch nicht meiner Inexistenz zu charakterisieren – vielleicht wäre am ehesten der Ausdruck des Außer-mir-Seins passend, wenn ich mich etwas philosophisch ausdrücken darf, weil ich ja jetzt eben Zeit für derartige gedankliche Spinnereien habe, die mich einst verrückt gemacht hätten und die ich aus tiefstem Herzen verachtet hätte.

Operationen habe ich keine gesehen, keinen Chirurgen, der sich über meinen toten Körper gebeugt und darin mit Skalpellen herumgestöbert hätte und irgendjemanden die brauchbaren Teile meiner körperlichen Materie eingepflanzt hätte. Das nächste Bewusstsein, genauer gesagt Selbstbewusstsein – alles deutet darauf hin, dass mir nicht wirklich viel vom Selbstbewusstsein übrig geblieben ist – schaltete sich erst deutlich später ein. Inzwischen müssen etwa zehn Tage vergangen sein, die es für mich nicht gegeben hat. Ziemlich unerwartet, erinnere ich mich, kam ich zu Bewusstsein im Krankenhaus, und das mehr oder weniger im Bett. *Wo bin ich?* war der Gedanke, der als erster nach der Aktivierung meines Bewusstseins ausgelöst wurde. Alles deutet darauf hin, dass mir ein Unglück widerfahren ist, aber dass ich gleichzeitig auch Glück hatte, denn ich hatte ja offensichtlich überlebt. Aber das war gar kein Glück, graute es mir schon im nächsten Moment und kontrollierte spontan den Zustand meiner Extremitäten. Dort ist es zum ersten Mal ernsthaft schiefgelaufen. Noch im selben Augenblick wurde ich mir bewusst, dass meine Raumwahrnehmung irgendwie verändert ist, dass ich die Umgebung zwar wahrnehme, aber der Winkel, unter dem ich Dinge sehe, irgendwie nicht stimmt. Wenn ich im Bett liege, schlussfolgerte ich logisch, müsste ich, wenn ich die Augen öffne, zuerst Wände und Decke sehen. Es war aber nicht so, mein Blick – vielleicht wäre der Ausdruck Aus-Blick passender! – hatte sich verkrümmt, ähnlich dem, wie ich mir die Raumkrümmung im Weltall vorstelle. Und noch bevor ich versuchte Kopf, Arme und Beine zu bewegen, begann unmittelbar bei mir ein lautes Schnarchen. Nicht einmal richtig bei mir, das Schnarchen kam aus einer verdächtig engen Nähe, woraus ich den Schluss zog, dass ich im Zimmer, konkreter gesagt im Bett, nicht im Entferitesten allein bin. Und wie ich bald herausfand, wird das von nun an auch so bleiben. Meine Arme und Beine spürte ich zwar irgendwie, aber warum ich sie jetzt nicht bewegen konnte, wurde mir bald klar – deshalb, weil ich überhaupt keine Arme und Beine, vom Kopf will ich gar nicht sprechen, mehr habe. Furchteinflößend, wenn auch wahrscheinlich nur vorübergehend, durchfuhr es mich; was der Mensch schließlich alles fühlen kann, aber davon ist nichts wahr, außer natürlich allein der neurologische Prozess, der die Wahrnehmung aus Gott weiß was für einem Grund verkrümmt und verformt. Dass auch ich, der ich, seit ich mich erinnern kann, auf den Verstand geschworen und sich immer über die Faulheit und Labilität derer gewundert habe, die das Leben wie das Meer einen kleinen Kahn herumschleudert, von einem Zustand heimgesucht wurde, der noch am ähnlichssten einer Psychose ist – nein, damit habe ich nicht gerechnet, das habe ich wirklich nicht erwartet. Dieses Gefühl verstärkte sich in mir nur noch, als eine Krankenschwester ins Zimmer getreten war und in meine Richtung kam. In meine Richtung, nicht wortwörtlich zu mir, denn dann tat sie irgendwas mit einem Fieberthermometer und steckte es unter mein Blickfeld. *Wer bin ich? Was bin ich?* arbeiteten die Gedanken wieder schwer in mir, *Nachdenken als was? Wo in mir? Woher? Wie wer höre, denke, beobachte ich das?* begann es mich zu wurmen, ohne zu wissen, dass diese Fragen auch zukünftig unbeantwortet bleiben würden. Woran ist diese meine Denkmasse und damit ich, meine Identität, geknüpft? An irgendwelche Materie, die Wut und Angst befallen haben, denn irgendeine Materie,

verflucht noch einmal, muss es doch geben, ich bin ja wohl kein Geist, oder was? Für mich, den Wissenschaftler, dessen Überreste zu irgendeinem wissenschaftlichen Phänomen zusammengeschrumpft sind, war das absolut zu viel.

Die Schwester maß meine Temperatur, was ich vom elektronischen Fieberthermometer schließen konnte, das sie sich vor ihre spitze Nase hielt, als gerade einen Augenblick später die Visite hereintrat. Endlich die Erlösung, hier sind meine wissenschaftlichen Kollegen, die gekommen sind, mir meinen Zustand zu erklären und mir zu erzählen, wie und was mit mir werden wird – na ja, natürlich bleibt die Frage, inwieweit der Ausdruck „wissenschaftlich“ überhaupt für Kliniken angebracht ist, die mit den Jahren faul geworden sind und sich nicht wenige Male in ihre aufgeblasenen routinierten Praktiken geflüchtet haben und die die Wissenschaft in Wahrheit verdammt wenig interessiert.

Aber die Visite betitelte mich mit einem mir völlig unbekannten Nach- und Vornamen, und als der Chirurg dem geheimnisvollen Träger dieses Namens zu erklären begann, dass die Operation gut verlaufen sei und sein Körper die neue Leber annehme, wurde mir klar, dass ich in der Tunke sitze. Oder genauer gesagt, dass nach dem Unfall von mir, ich drücke mich mal metaphorisch aus, mehr oder weniger nur noch Tunke übrig geblieben ist, worüber sich die Transplantationsexperten ehrlich freuten, wahrscheinlich schnell und ohne Umschweife meinen Hirntod diagnostizierten, den Körper gerade noch so viel an Apparaten erhielten, dass sie die unbeschädigten Organe rausschaben konnten, die verschlossene, tunkige Materie aber gemäß meinen Anweisungen im Krematorium abgaben, die nun wohl schon angemessen beerdigt ist. Die Leber, zumindest die Leber aber verpflanzten sie in einen Mann, in dessen Körper ich mich nunmehr als seine neue Leber befinde.

Ich lebe, was weiß ich, schon auf irgendeine Art, aber – ist das überhaupt noch ein Leben?!?, begann ich mich zu fragen, als ich ein paar Tage darauf mit dem Wirt zu Hause angekommen war. Ich sage ja nicht, dass ich nicht schon davor, also in der Zeit meines richtigen Lebens, als ich noch ich war mit meinem ganzen Körper, die Geschichten der Chirurgen gehört hätte, wie sich nach einer Organtransplantation hie und da bei ihnen Patienten melden und dann um den heißen Brei herumreden, bevor sie endlich mit der Frage herausrücken: Was denken Sie, wäre es denn möglich, dass in dem verpflanzten Organ irgendwie die Erinnerung an den Spender enthalten ist, weil sie den Eindruck hätten, dass mit ihnen noch jemand lebt, dass sich, zum Beispiel, ihr Geschmack verändert habe, dass sie Fußball, sie, die einst leidenschaftlichen Fans, nach der Operation unverständlich kaltlässt oder dass es ihnen in den Fingern juckt und sie sich gern ans Klavier setzen und etwas spielen würden, obwohl sie von Musik keine Ahnung haben? Nein, nicht möglich, erklärt ihnen im Einklang mit der Doktrin das Fach und fügt im selben Satz hinzu, dass sie sich besser freuen sollten über das neue Organ und damit verbunden über das neue Leben, was für sie in Wirklichkeit eine Wiedergeburt bedeute, und dass, wenn sie sich an alle ärztlichen Empfehlungen halten, noch schön leben werden, und wenn sie Glück hätten, nicht gerade kurz. Was sonst sollte man ihnen sagen? Ich hatte niemals die Möglichkeit gehabt, mit einem in einem Organ eingeklemmten Verstand zu diskutieren, wie auch, denn wenn ich es jetzt versuche, hört mich niemand, obwohl ich den Eindruck habe, dass meine Monologe nicht minder laut sind, als meine Präsentationsübungen während der Fahrt in meinem Auto waren, als ich allein gewesen bin.

Jetzt weiß ich, dass, wenn ich schon eine Organspendeverfügung unterschreibe, sie an Bedingungen an seinen Empfänger hätte knüpfen müssen, denn jetzt kann ich mir das samt diesem Kärtchen und dem Formular in den Hintern schieben! Na, könnte ich, wenn ich noch einen Hintern hätte, aber ich habe ja keinen mehr! Denn der, in den sie meine Leber und damit mich verpflanzt haben, ist für meinen Lebensstil, den ich gelebt habe, und meine Weltanschauung – die ich natürlich noch habe! – beleidigend und unzumutbar. Transplantiert wurde ich nämlich in einen völligen Idioten, der von morgens bis abends in Schlappen durch die Wohnung läuft, in den Fernseher glotzt, Dummheiten von sich gibt, und noch dazu solche, die mein Gelehrtenverstand schwer erträgt. Wenn er in den Telefonhörer über sein

Befinden redet und die Transplantationsmethode erklärt, würde ich ihm am liebsten eine runterhauen, denn von den Grundlagen der Biologie und Medizin hat er überhaupt keine Ahnung und wissenschaftliche Begriffe fliegen ihm aus dem Mund wie die Kugeln aus einen beschissenen Eselsarsch! In solchen Momenten wird sich der Mensch und auch solche wie ich – eine menschliche Spur oder was? – bewusst, wie sehr wir Menschen uns voneinander unterscheiden und was für geistige Faulpelze manche sind. Die Wohnung, in der er mit seiner Frau lebt, na ja, in der wir jetzt gemeinsam leben, ist bei Weitem nicht bescheiden, ebenso knausern sie auch nicht beim Essen, das ich als seine Leber gemeinsam mit Immunsuppressiva aufbereite. Ebenso könnte er ja zumindest jetzt, wo es die Situation erfordert und er vierundzwanzig Stunden täglich Zeit hat, ab und zu etwas lesen. Aber nein, der Trottel wälzt sich auf der Couch und dann schauen sie gemeinsam Programme, von denen ich gar nicht wusste, dass es sie gibt. Der Typ ist auch, alles deutet darauf hin, wahnsinnig gläubig oder zumindest religiös berechnend. Er glaubt nämlich, dass er für alles zusammen Gott zu danken hat, deshalb schauen sie jeden Tag irgendwelche religiösen Programme, in der Wahnsinnige zwischen dem Geplärr mit Kreuzen und Mikrophonen wedeln. Er ist überzeugt, dass Gott seine Gebete erhört und ihm rechtzeitig eine neue Leber besorgt hat. Aber, bist du dir überhaupt im Klaren, du Egoist, du trottiger, denke ich mir oftmals, dass dein Wunsch *Lieber Gott, mach, gib mir eine neue Leber* auch den unseligen mörderischen Teil enthielt, der da lautete: *Aber weil wir leider einstweilen noch keine Leber züchten können wie irgendwelche Gurken, bitte ich dich, lieber Gott, gleichzeitig demütig darum, dass jemand stirbt, damit ich leben kann.* Denn wenn wirklich so etwas wie Gott existiert, der täglich dem Gejammer der eigenen Schöpfung zuhört und ihr auch Wünsche erfüllt, haben mich demnach tatsächlich dieser Typ und Gott gemeinsam getötet! Diese zwei verdorbenen Spekulanten!

Die Frau hört ihm zu und bedient ihn mit einer unverständlich verständnisvollen Barmherzigkeit, er nimmt ihre Pflege für selbstverständlich, aber ihrer Selbstaufopferung entnehme ich, dass sie ihr Martyrium auf irgendeine idiotische Weise auch genießt. So wie ich seinem Gejammer entnehmen konnte, dass der Grund für seine Lebererkrankung Hepatitis C gewesen war, die er sich, zumindest erklärt er es so der weltlichen Schöpfung, vor zehn Jahren durch eine Bluttransfusion zugezogen habe, was ihm die Frau, eine noch größere Idiotin als er selbst, sogar glaubt, anstatt dass sie sich zum Computer setzen und in Google Blutspende und Hepatitis C eintippen und dann schnell feststellen würde, dass in den zivilisierten Orten unseres Planeten schon seit 1993 alles Blut der Blutspender getestet wird. Geschlechtlichen Kontakt mit ihr hat er nicht, dafür aber reiben wir ihn uns sanft, wenn wir auf der Couch vor dem Fernseher alleine sind, wenn im Fernsehen irgendein großarschiger Schwarzer geknallt wird, naht aber eine Vagina, wechseln wir das Programm und suchen wieder ein dickes, schlangenförmiges Gemächt, das sich kräftig zwischen den Fingern seines Besitzers windet.

Man kann sich seine Eltern nicht aussuchen, aber jetzt weiß ich, dass man sich seinen Wirtskörper auch nicht aussucht. Die überlebte Zeitspanne nach der erfolgreichen Transplantation bei Einhaltung des empfohlenen gesunden Lebensstils kann viele lange Jahre dauern, und wenn ich nur daran denke, dass ich von nun an dazu verdammt bin, im Körper dieses Trottels zu leben, in diesem Kerker geschlossenen Typs ohne irgendeine Möglichkeit des Auswegs und erst recht ohne Begnadigung, und dass ich – alles deutet darauf hin, bis zu seinem Tod oder halt bis zu seiner nächsten Lebertransplantation?! – seinen idiotischen, nörgelnden Monologen zuhören werde, dreht sich mir – metaphorisch natürlich – der Magen um. Auf Spaziergänge gehen wir selten, weil er, dieser Faulpelz, sich kaum aus der Wohnung bewegt, wenn schon, dann treten wir auf den Balkon, ans Balkongeländer gelehnt rauchen wir und beobachten die Teenager, die im Hof in verschwitzten T-Shirts Fußball spielen. Scheiße, dachte ich mir einst während des Rauchens, und das ich, der bis dahin niemals geraucht hatte: Ich habe ja vor Jahren meine Samenflüssigkeit gespendet, die offensichtlich noch tiefgefroren und daher nicht nur gedanklich, sondern auch sonst inaktiv ist. Daher besteht die Hoffnung, dass sich eine Kandidatin für eine künstli-

che Befruchtung meldet, und dass meine Spermien aufgetaut werden, und wenn meine Hypothesen stimmen, dann kann es sein, dass sich ein Platz für mein Bewusstsein auch in ihnen öffnet und ich so aus der Leber in sie übersiedeln kann. Außer natürlich, ich zucke wieder zusammen, wenn mich noch irgendeine bizarre Überraschung heimsucht und sich mein Bewusstsein autonom und souverän auch in meinen Spermien aktiviert und ich so mit zwei Quellen meines Bewusstseins eine Art Post-mortem-Dialog führen werde, oder was? Ich habe keine Ahnung ... ich weiß überhaupt nicht, was ich mir denken soll ... ich werde wohl noch verrückt werden ... nur nicht im Kopf, was weiß ich, wo und wie dann!

Wenn diese meine Hypothese nicht aufgeht und sich mein gesamtes Bewusstsein und meine Identität und was da noch so an Persönlichkeitskram ist, auf meine Leber zusammenreduziert hat, dann kann ich nur mit einer Option rechnen – dass ich irgendwie Kontakt mit dieser meiner leeren Körpermatrix aufnehme, mich auf Zellebene in mich vertiefe und die eigenen wissenschaftlichen Erkenntnisse – es interessiert mich richtig, welche karrieregeile Hyäne sie gestohlen hat und sich jetzt mit ihnen auf Symposien aufplustert?! – in die entgegengesetzte Richtung verwende, so wie das trivial und alltäglich die Natur macht. Dass ich also eine gesunde ehrgeizige Stammzelle aufhetze, sie könne in alle Ewigkeit jung bleiben, wenn sie nur bereit wäre, sich endlos zu teilen, und sie so umprogrammiere, dass die dumme Kuh mutiert und sich in eine Krebsstammzelle verwandelt, die diesen Typen sicher zur Strecke bringen wird. Na ja, es bestünde noch eine zweite Möglichkeit, dass ich eine Technik entwickle, die Immunsuppressiva abzustoßen, weshalb der Typ eine üble Infektion bekommen und ich ihn endgültig ins Grab bringen würde. Aber dann durchfuhr es mich – was ist, wenn das noch nicht alles gewesen ist, und meine Form des posthumen Lebens nur eine der Formen des menschlichen Seins darstellt und wahrscheinlich noch etwas so Blödes wie Karma existiert? Das würde bedeuten, dass ich mit solchen Handlungen – zuerst Selbstmord und daraus resultierender Mord – mein Karma beeinflusse und es so endgültig vermassle und im nächsten Leben beziehungsweise in der nächsten Lebensform als ein menschliches Gewebe wiedergeboren werde, aus dem sich dann eine Vagina entwickelt, zum Beispiel eine, deren Besitzerin sich schon in taufrischen Jahren der Billigprostitution hingibt, und dann täglich durch mich dutzende hygienisch und gesundheitlich bedenkliche Schwänze reiben, oder dass ich zum Beispiel in die Mundschleimhaut eines bestechlichen Politikers oder eines schmierigen Anwalts inkarniere, die ich zu meinen ehemaligen Lebzeiten absolut verabscheut habe. So inspirieren mich in diesem Zustand der äußersten Verzweiflung nur noch zwei Gedanken: Erstens, dass ich den Unfall körperlich überlebt habe, die Hirnschäden aber so schwerwiegend waren, dass ich nun den ganzen Tag auf irgendeiner geschlossenen psychiatrischen Abteilung als menschliches Gemüse herumhocke, während irgendwo in der Tiefe meiner unbeschädigten Hirnsubstanz alle diese meine Denkprozesse ablaufen, es gibt aber auch noch Szenario B – vielleicht sogar E, vielleicht wohl auch G... an Vitalität und Kreativität hat es mir nie gefehlt –, wonach ich mich momentan in einem tiefen Koma befinde und daraus schon einmal aufwachen werde und dann wird wieder alles mehr oder weniger in Ordnung sein.

Früher einmal habe ich mich lustig gemacht über die Aussage, dass die Hoffnung zuletzt stirbt. Nein, bei solchen Aussagen habe ich die Neumalklugen richtig in die Schranken gewiesen – die Hoffnung stirbe als Vorletztes, ganz zuletzt, noch nach der Hoffnung stirbt der Hoffende. Aber nun sehe ich, dass dieser Satz doch stimmt. Mir, der ich formal tot und informal eine sich selbst bewusste Leber bin, bleibt einzig und allein noch die Hoffnung, denn alles andere hat, wie man sagt, auf voller Linie versagt oder ist völlig unwirksam.

Was weiß denn ich, wie es sich mit diesem Leben und diesem Tod verhält! Wohin ich mich auch wende und schaue – ich verschließe die Augen davor, logisch, dass ich zu nichts mehr fähig bin, schlafte aber offensichtlich auch nicht –, einstweilen stelle ich nur eines fest: Es gibt kein Ende und es gibt kein Ende ...

Mein Lebern

*Translated by Ann Catrin Apstein-Müller
Contact of the translator: ac-am@gmx.de*

Hätte ich das vorher gewusst, ich hätte niemals dieses Formular unterschrieben. Aber als Fachmann fürs Leben – was ist die Biologie denn anderes als die Wissenschaft vom Leben – habe ich mich recht wenig mit den Möglichkeiten einer postmortalen Existenz beschäftigt, ich habe überhaupt nicht gewagt – außer mal in fröhlicher Gesellschaft, zum Spaß natürlich – zu diesem Thema irgendwelche Prognosen abzugeben. Mich interessierte der lebende Organismus, was damit nach dem Aussetzen der vitalen Funktionen geschieht, wenn durch die Milben der Prozess der körperlichen Zersetzung eintritt oder, einfach ausgedrückt, der Fäulnisprozess, ist ja wohl jedem Deppen klar. Dafür muss man weder Wissenschaftler noch Fachmann sein. Und weil ich mich nicht zersetzen wollte, habe ich – im Bewusstsein des potenziell unschätzbar wertvollen lebenden Gewebes – unterschrieben, dass ich nach meinem Tod alles, was von mir an Wertvollem und Brauchbarem übrig bleibt, spende, den ganzen Rest sollen innerhalb von gut zwei Stunden die Flammen des Krematoriums beseitigen. Nach meinem Tod, versteht sich; doch das hier ist jetzt nicht das Leben, der Tod aber auch nicht. Darüber, was mein Zustand jetzt genau ist und was er bedeutet, ließe sich eine brillante wissenschaftliche Arbeit schreiben, an die sich die Auszeichnungen wie von selbst kleben würden. Aber so, wie das Schreiben über so ein Thema zuvor verfrüh gewesen wäre, ist es jetzt zu spät, da sich mein Zustand auf heikle und radikale Weise verändert hat, so dass ich nicht einmal mehr genau weiß, was mit mir geschehen ist, und ich habe bezüglich der ganzen Angelegenheit einstweilen nur Hypothesen erarbeitet.

So war es. Mit meinem wissenschaftlichen, und zwar visionären, ach was, geradezu genialen Beitrag über die Heilung von Krebs mit umprogrammierten Stammzellen war ich auf dem Weg zu einem internationalen wissenschaftlichen Symposium. Da sich der Augenblick näherte, in dem ich die Ergebnisse meiner Forschungen, denen ich meine Karriere und mein Leben gewidmet hatte, endlich der Fachöffentlichkeit vorstellen sollte, war ich überaus aufgeregt. Außer mir, dem Autor und Erfinder, war meine wissenschaftliche Entdeckung nur noch meinen beiden Labortechnikern bekannt, die auch geschworen hatten, bis zu einer öffentlichen Enthüllung durch mich Verschwiegenheit zu wahren: Der erste, ein Hypochonder, hatte sich verflucht, in dem Moment, in dem er auch nur eine Silbe darüber verliere, mögen die gesunden Zellen in seinem Körper zu wuchern anfangen und sich wie verrückt teilen; der zweite, Anhänger der baptistischen Kirche, legte seine Rechte auf ein in schwarzes Rindsleder gebundenes Neues Testament.

In Wissenschaftskreisen ist Geschwindigkeit außerordentlich wichtig, denn angesichts dessen, dass wir alle Zugang zu denselben Informationen haben und dass die Neuronennetze ähnlich arbeiten, kann es schnell passieren, dass man eine Forschungsarbeit zu Ende bringt, die Auswertung der Daten über Laborratten und Kaninchen sowie eventuell über menschliches Zellgewebe ist bestätigt, es fehlt nur noch die Enthüllung der sorgfältig gehüteten Ergebnisse, und siehe da, schon meldet sich von irgendwo jemand mit ähnlichen, wenn nicht sogar genau den gleichen Resultaten. Und puffff – der sachte anschwellende Ballon zerplatzt augenblicklich, und mit ihm verpuffen Jahre, wenn nicht Jahrzehnte erschöpfender Experimente und Analysen, durchwachter Nächte, die ein geschwächtes Immunsystem zur Folge haben, einen angegriffenen Gesundheitszustand, ganz zu schweigen von Familien- und Partnerschaftsstreits, die bei vollkommener Hingabe an die Wissenschaft als Kollateralschäden

entstehen, einfach im Vergessen. Und siehe – schon senkt sich in Demut dein ermüdetes Wissenschaftlerhaupt, damit man ihm die Aureole für eine epochale zivilisatorische Entdeckung überstreife, da stößt dich auf einmal ein Ellbogen rüde zur Seite, dessen Hand sich gierig ausstreckt und dir vor deinen Augen den Kranz entreißt, den sich dein Rivale auf den Schädel setzt. So bleibst du stets der Zweite, oder, anders ausgedrückt, der Unterlegene, eine Null, ein Niemand, dessen Name bestenfalls im Kleingedruckten auftaucht. Ich gebe zu, ich war extrem ehrgeizig und habe die Karriere immer über Familie, Partnerschaft und alles Übrige gestellt. Doch mir persönlich erscheint Karrierismus kein bisschen bedenklich; nicht zuletzt hat genau diese Dialektik zwischen meiner völligen Hingabe an die Arbeit und der sogenannten Vernachlässigung der Familie finanziell ein überaus angenehmes Leben möglich gemacht. Zudem würden wir uns ohne ehrgeizige Visionäre wie mich zweifellos noch heute, anstatt uns mit Autos und Flugzeugen zu bewegen, von Ast zu Ast schwingen, ganz zu schweigen von dem Genuss, den einem wissenschaftliche Entdeckungen verschaffen und der, Hand aufs Herz, im Vergleich zur Sexualität mindestens ebenso intensiv ist und vor allem länger anhält.

Als ich während der Fahrt meinen Auftritt vor den Hyänen der internationalen Fachöffentlichkeit übte, bemerkte ich nicht einmal, dass das leichte Nieseln in einen Wolkenbruch überging, und der Reflex, auf der sonst ziemlich leeren Straße die Geschwindigkeit zu verringern, versagte ebenfalls. So wurde ich in Bruchteilen von Sekunden nach rechts und dann nach links geschleudert, prallte dahin und dorthin, und dann erinnere ich mich nur noch an eine scharfe Kurve und quietschende Bremsen, als auf meinem Lebensbildschirm das Bild abbrach und der Projektor automatisch auf ein anderes Programm umschaltete. Auf diesem neuen Sender erschien eine Art DNA-Spirale, die sich eng um mich schlängelte und mich durch irgendeinen Tunnel schraubte, durch den ich mich in der festen Umschlingung der Genwürmchen zwischen gigantischen Proteinmolekülen und Nukleotiden bewegte, die fetten rot-gelben achteckigen Viren auswichen, sich an Zellen vorbei vorandrängten, die verfressen schmatzend metabolisierten, sich teilten, und einige von ihnen krepierten, bis ich am Ende dieses metaphysischen Schlauches eine Masse erblickte, in der sich ein gutes Dutzend riesiger Zellen aneinander rieb. Natürlich, die Morula!, dachte ich. Nach dieser Logik, so war der erste Gedanke, den ich eingekettet in meiner eigenen genetischen Riesenschlange entwickelte, werde ich jeden Moment durch die Blastozyste stoßen, aus der ich in die Morula überreten werde, und schließlich ist nur noch ein riesiges leuchtendes Körperchen mit einer rötlichen Mitte zu erwarten. Mir wurde alles vollkommen klar: Ich kehre dorthin zurück, woher ich gekommen bin – nicht in Gott und nicht in irgendein kosmisches Licht oder etwas Ähnliches, sondern über die Morula in die Zygote – in die befruchtete Eizelle, die darauf wartet, mich einzusaugen, und dann teilt sich die Zygote in einen weiblichen und einen männlichen Teil, und damit ist mein Leben beendet und es wird mich einfach nicht mehr geben. So sieht also diese postmortale Metaphysik bei Biologen aus, dachte ich – anstelle von Engeln, Göttern und liebkosenden abstrakten Lichts reisen wir, die wissenschaftlichen Biologen, durch primäres Zellgewebe ins Nichts. Ehrlich, dachte ich, kein Kommentar. Sollen die, die an Gott glauben, ihrer postmortalen Geographie von Himmel und Hölle anhängen oder in der Zwischenstation eines vorübergehenden Nichts bis zur eventuellen Wiederauferstehung warten, sollen sich die anderen als Menschen, Pflanzen, Tiere und Minerale reinkarnieren, wir, die Biologen, und alle Übrigen, die nicht einmal in schlimmsten Greueln der Versuchung erlegen sind, vor irgendeinem Gott kniend um Heil und Leben zu betteln und mit irgendwie aus der Abgrundtiefe der Verzweiflung hervorgezerrter Transzendenz zu feilschen, wir zerfallen körperlich und geistig in unsere Atome und verschwinden so vollkommen und endgültig.

Aber leider war es nicht so einfach. Der Schwanengesang meines Denkprozesses begann sich beim Übergang durch die Blastozyste zu verlangsamen, die Urherkunft entfernte sich immer weiter. Irgendeine Kraft – die Urkraft, oder was? – wirbelte mich kurz vor dem Eintritt in die Morula in der

Blastozyste schlagartig herum und, das weiß ich jetzt, verwischte mich und klebte mich an eine bereits differenzierte Keimzellenlinie des Entoderms an, aus der sich die inneren Organe entwickeln. Denn wie sonst, so muss ich logisch folgern, könnte ich mich in einer derartigen Lebensform wiederfinden? In dieser unbestimmten Zeitspanne endete nämlich meine Reise und alles wurde vollkommen dunkel – wenn man natürlich überhaupt von Dunkelheit sprechen kann, denn Dunkelheit ist nur ein farbiger Ausdruck für Nichts, und zwar ein vollkommenes, absolutes Nichts, in dem nichts ist, wenn ich schon versuchen will, diese Phase meiner, ich will nicht sagen, Existenz, aber auch nicht Nichtexistenz, zu benennen – vielleicht wäre Außerhalb-der-Existenz der passendste Ausdruck, wenn ich mich ein wenig philosophisch ausdrücke, weil ich jetzt eben Zeit für solche Gedankenspinnerei habe, über die ich mich früher lustig gemacht und die ich aus tiefstem Herzen verachtet habe.

Ich sah keine Operation, keine Chirurgen, die sich über meinen toten Körper gebeugt und mit Skalpellen darin herumgewühlt und wem auch immer einen brauchbaren Teil meiner Körpermaterie eingesetzt hätten. Die nächste Bewusstwerdung, genauer gesagt, Selbstbewusstwerdung – alles deutet darauf hin, dass mir nicht mehr viel von meinem Selbstbewusstsein geblieben war –, setzte erst um einiges später ein. Dazwischen mussten etwa zehn Tage vergangen sein, die aber für mich nicht existieren. Denn auf einmal, so erinnere ich mich, kam ich in einem Krankenhaus zu Bewusstsein, und das mehr oder weniger im Bett. *Wo bin ich?*, war der Gedanke, den die erneute Aktivität meines Bewusstseins als Erstes hervorbrachte. Alles deutet darauf hin, dass mir ein Unglück geschehen ist, dass ich zugleich aber auch Glück hatte, weil ich offenbar überlebt habe. Oder war das auch kein Glück, schauderte mich im nächsten Moment, und ich überprüfte spontan den Zustand meiner Extremitäten. Hier ging zum ersten Mal wirklich etwas schief. Erst in diesem Moment wurde mir bewusst, dass sich meine Raumwahrnehmung irgendwie verändert hatte, dass ich meine Umgebung zwar wahrnahm, aber dass der Winkel, aus dem ich die Dinge sah, irgendwie nicht richtig war. Wenn ich im Bett liege, folgerte ich, dann müsste ich, wenn ich die Augen öffne, als Erstes die Wände und die Decke sehen. Doch so war es nicht, mein Blick – vielleicht wäre der Begriff Aus-Blick passender! – war gekrümmmt, ähnlich, wie ich mir die Raumkrümmung im Universum vorstelle. Und noch ehe ich versuchte, den Kopf, die Arme und die Beine zu bewegen, sägte es direkt neben mir los. Nicht einmal neben mir, das Schnarchen war verdächtig nah, woraus ich schlafen musste, dass ich im Zimmer, konkret im Bett, keinesfalls allein war. Und wie ich bald feststellte, würde das auch fortan so bleiben. Meine Arme und Beine spürte ich zwar irgendwie, aber warum ich sie nicht bewegen konnte, ging mir bald auf – deshalb, weil ich weder Arme noch Beine habe, ganz zu schweigen von einem Kopf. Furchtbar, aber doch wahrscheinlich vorübergehend, überkam es mich; was kann der Mensch schließlich alles fühlen, und nichts davon ist wahr, außer natürlich dem neurologischen Prozess selbst, der die Wahrnehmung aus Gott weiß welchem Grund verzerrt und verstümmelt. Dass aber auch mich, der ich, so lange ich denken kann, auf den Verstand geschworen und mich immer über die Faulheit und Labilität derer gewundert habe, die das Leben hin und her wirft wie das Meer eine kleine Nusschale, einmal ein Zustand ereilen würde, der noch am ehesten einer Psychose ähnelt – nein, damit hatte ich nicht gerechnet, das hatte ich wirklich nicht erwartet. Dieses Gefühl verstärkte sich nur noch, als eine Krankenschwester in das Zimmer trat und auf mich zukam. Auf mich zu, nicht wörtlich zu mir, und dann ein wenig mit einem Thermometer hantierte und es irgendwo außerhalb meines Gesichtsfeldes hinstckte. *Wer bin ich? Was bin ich?* grübelte ich wieder tief in mir, aber grübelte als was? *Wo in mir? Woher?* Als wer höre ich all das, denke und beobachte ich?, das nervte mich, und ich wusste noch nicht, dass diese Fragen auch in Zukunft unbeantwortet bleiben würden. An was ist diese Gedankenmasse, und damit ich, meine Identität, befestigt? An welcher Materie, mich überfielen Wut und Angst, weil es doch wohl irgendeine Materie sein muss, verflucht noch mal, ich bin doch kein Geist oder was? Für mich, den Wissenschaftler, dessen Überreste zu irgendeinem wissenschaftlichen Phänomen zusammengeschrumpft waren, war das absolut zu viel.

Die Schwester hatte die Temperatur gemessen, was ich aus dem elektronischen Thermometer schloss, das sie an ihre spitze Nase führte, als kurz darauf die Visite ins Zimmer schritt. Endlich die Erlösung, hier sind meine wissenschaftlichen Kollegen, die gekommen sind, um mir meinen Zustand zu erklären und mir zu sagen, was mit mir wird – na, natürlich, insofern „wissenschaftlich“ überhaupt ein passender Ausdruck für Kliniken ist, die mit den Jahren in überheblich routinierter Praxis faul werden und die die Wissenschaft in Wirklichkeit herzlich wenig interessiert.

Aber die Visite begrüßte mich mit einem mir vollkommen unbekannten Vor- und Nachnamen, und als der Chirurg dem mysteriösen Namensträger zu erklären begann, dass die Operation erfolgreich gewesen sei und dass sein Körper die neue Leber gut angenommen habe, wurde mir bewusst, dass ich in der Scheiße saß. Oder genauer, dass von mir nach dem Unfall, um mich mal metaphorisch auszudrücken, mehr oder weniger nur Scheiße übriggeblieben war, worüber die Transplantations-experten sehr erfreut waren, wahrscheinlich auf die Schnelle und ohne Bedenken meinen Hirntod diagnostiziert haben, den Körper noch ein wenig mit Apparaten am Leben erhalten haben, um die unbeschädigten Organe auszuräumen, und die verbrauchte scheißartige Materie haben sie dann wahrscheinlich meinen Anweisungen gemäß ins Krematorium gegeben und sie ist jetzt vermutlich schon würdevoll beigesetzt. Die Leber, mindestens die Leber, haben sie einem Mann eingepflanzt, in dessen Körper auch ich mich jetzt als seine neue Leber befinden.

Ich lebe, aber was weiß ich, auf welche Weise, doch – ist das überhaupt irgendwie ein Leben?!, begann ich mich zu fragen, als ich ein paar Tage darauf mit meinem Gastgeber nach Hause fuhr. Es ist nicht so, dass ich nicht schon vorher, also zur Zeit meines richtigen Lebens, als ich noch ich mit meinem ganzen Körper war, keine Geschichten von Chirurgen gehört hätte, dass sich nach Organtransplantationen hin und wieder Patienten bei ihnen melden und dann herumdrucksen und herumdrucksen, bis sie endlich die Frage herausbringen, so etwa, was denken Sie, könnte es sein, dass sich in dem Spenderorgan noch ein Gedächtnis des Spenders befindet, sie hätten nämlich das Gefühl, dass noch jemand mit ihnen lebt, dass sich beispielsweise ihr Geschmack verändert hat, oder dass sie der Fußball, dem sie einst mit Leidenschaft anhingen, nach der Operation unverständlich-weise kalt lasse, oder dass es sie in den Fingern juckt, sich ans Klavier zu setzen und zu spielen, obwohl sie von Musik keine Ahnung hätten? Nein, das sei nicht möglich, erklärt ihnen gemäß der Doktrin die Fachwelt und fügt im selben Atemzug hinzu, sie sollten sich lieber über ihr neues Organ freuen und über das damit verbundene neue Leben, das für sie in Wirklichkeit eine Wiedergeburt bedeute, und dass sie, wenn sie sich an alle ärztlichen Empfehlungen hielten, ein schönes Leben haben würden, und wenn sie Glück hätten, nicht einmal ein kurzes. Was sonst sollten sie ihnen sagen? Sie hatten nie die Gelegenheit, mit einem Verstand zu reden, der in einem Organ gefangen ist, wie auch, denn wie ich das so mitbekomme, hört mich niemand, obwohl ich das Gefühl habe, dass meine Monologe nicht weniger laut sind, als es meine Vortragsübungen während der Autofahrt waren, als ich allein war.

Jetzt weiß ich, wenn ich schon ein Dokument über Organspende unterschrieben habe, hätte ich auch Bedingungen bezüglich des Empfängers stellen müssen, denn jetzt kann ich mir meine Karte zusammen mit dem Formular in den Hintern schieben! Nun ja, ich könnte es, wenn ich einen Hintern hätte, aber ich habe keinen! Denn der, dem sie mich da eingepflanzt haben, meine Leber und mit ihr auch mich, ist für den Lebensstil, den ich hatte, und meine Weltansicht – und die habe ich noch! – eine Beleidigung und völlig inakzeptabel. Ich wurde nämlich in einen Volltrottel verpflanzt, der von morgens bis abends in Adiletten durch die Wohnung schlurft, in die Glotze starrt, Blödsinn daherlabert, und zwar solchen, den mein wissenschaftlicher Verstand nur schwer erträgt. Wenn er am Telefon über sein Befinden und die Transplantationsmethode spricht, würde ich ihm manchmal am liebsten eine reinhauen, von den Grundlagen der Biologie und der Medizin hat er nämlich keinen blassen

Schimmer, und wissenschaftliche Begriffe fallen aus seinem Mund wie Kugeln aus einem beschissenen Eselsarsch! In solchen Momenten wird man sich, auch so einer, wie ich es bin – die Spur eines Menschen oder was?! – bewusst, wie unterschiedlich wir Menschen sind und wie denkfaul manche von ihnen. Die Wohnung, in der er mit seiner Frau lebt, nun, in der wir jetzt gemeinsam leben, ist alles andere als bescheiden, und sie geizen auch nicht beim Essen, das ich als seine Leber zusammen mit den Immunsuppressiva reinige. Da könnte er wenigstens jetzt, so lange er von der Situation betroffen ist und nach der Operation vierundzwanzig Stunden am Tag Zeit hat, auch mal etwas lesen. Aber nein, der Blödmann wälzt sich auf der Couch, und dann schauen wir uns gemeinsam Sendungen an, von denen ich gar nicht wusste, dass es sie gibt. Der Typ ist, wie es scheint, auch glaubensfanatisch oder zumindest religiös berechnend. Er glaubt nämlich, dass er für all das Gott danken müsse, deshalb schauen wir jeden Tag irgendwelche religiösen Sendungen, wo Freaks unter Geplärr mit Kreuzen und Mikrofonen herumfuchteln. Er ist überzeugt, dass Gott seine Gebete erhört hat und ihm rechtzeitig eine neue gesunde Leber besorgt hat. Aber, ist dir überhaupt bewusst, tölpelhafter Egoist, denke ich so manches Mal, dass dein Wunsch: *Lieber Gott, bitte besorge mir eine neue Leber* auch einen unausgesprochenen mörderischen Teil hatte, der lautete: *aber weil man Lebern bis auf Weiteres nicht züchten kann wie Gurken, bitte ich dich zugleich demütig, Gott, dass jemand stirbt, damit ich lebe*. Denn wenn es wirklich so etwas wie einen Gott gibt, der jeden Tag seiner eigenen Schöpfung von Jammerlappen zuhört und ihnen die Wünsche auch erfüllt, dann haben mich demzufolge dieser Typ und sein Gott tatsächlich ermordet! Miese Spekulanten!

Seine Frau hört ihm mit unverständlich verständnisvollem Mitleid zu und bedient ihn, und er nimmt ihre Pflege als selbstverständlich hin, aber aus ihrer Aufopferungsbereitschaft lese ich heraus, dass sie ihr Martyrium auf irgendeine idiotische Weise auch genießt. Wie ich aus seinem Gejammer heraushören konnte, soll die Ursache für seine Lebererkrankung Hepatitis C gewesen sein, die er sich, so erklärt er es wenigstens der Schöpfung des Weltalls, vor zehn Jahren bei einer Bluttransfusion eingefangen hat, was die Frau, die eine noch größere Idiotin ist als er, sogar glaubt, anstatt sich an den Computer zu setzen, Blutspenden und Hepatitis C bei Google einzutippen und schnell festzustellen, dass an civilisierten Orten unseres Planeten schon seit 1993 jeder Blutspender getestet wird. Wir haben keine sexuelle Beziehung zu ihr, deshalb holt er sich auf der Couch vor dem Fernseher, wenn wir allein sind, sanft einen runter, wenn ein prallärschiger Schwarzer gefickt wird, bei Nahaufnahmen einer Vagina schalten wir aber um und suchen wieder nach einem fetten, schlangenartigen Schwanz, der sich lebhaft zwischen den Fingern seines Besitzers windet.

Man sucht sich seine Eltern nicht aus, aber, wie ich jetzt weiß, auch die körperlichen Gastgeber nicht. Die Überlebensphase nach erfolgreichen Transplantationen kann bei Einhaltung der empfohlenen Gesundheitsanweisungen lange Jahre dauern, und wenn ich nur bedenke, dass ich fürderhin zu einer Existenz im Körper dieses Deppen verdammt bin, in diesem Gefängnis der geschlossenen Art ohne jede Möglichkeit eines Ausgangs, geschweige denn einer Begnadigung, und dass ich mir – wie es aussieht, bis zu seinem Tod oder bis zu seiner nächsten Lebertransplantation?! – idiotische nörgelige Monologe anhören muss, dreht sich mir – metaphorisch natürlich – der Magen um. Wir gehen selten spazieren, weil er, der Faulpelz, sich kaum aus der Wohnung bewegt, wenn überhaupt, gehen wir gelegentlich auf den Balkon, lehnen uns ans Geländer, rauchen und beobachten die Jugendlichen, die auf dem Hof in verschwitzten Hemden einen Ball herumkicken. Scheiße, habe ich mir einmal beim Rauchen gedacht, und das mir, der ich bis jetzt nie geraucht habe: Und ich habe doch vor Jahren Samenzellen gespendet, die offenbar noch tiefgefroren sind und daher gedanklich und auch sonst inaktiv. Also besteht die Hoffnung, dass eine Kandidatin für eine künstliche Befruchtung auftaucht, dass meine Spermien aufgetaut werden, und wenn meine Hypothesen richtig sind, dann kann es sein, dass sich auch in Ihnen ein Platz für mein Bewusstsein öffnet und ich so komplett

aus der Leber in sie umziehen kann. Außer natürlich, wieder schaudert mich, es wartet noch eine bizarre Überraschung auf mich und auch in meinen Spermien aktiviert sich autonom und souverän ein Bewusstsein, und dann werden zwei Quellen meines Bewusstseins eine Art inneren postmortalen Dialog führen, oder was? Keine Ahnung ... ich weiß gar nicht, was ich denken soll ... ich werde noch verrückt ... nur nicht im Kopf, was weiß ich, in was und wie!!

Wenn meine Hypothese nicht funktioniert und sich mein gesamtes Bewusstsein, und die Identität und was es sonst noch so an Persönlichkeitskram gibt, in meiner Leber versammelt hat, dann kann ich mit noch einer Option rechnen – dass ich irgendwie einen Kontakt zu diesem Nichts von meiner körperlichen Materie herstelle, mich auf Zellebene wissenschaftlich in mich vertiefe und die eigenen wissenschaftlichen Resultate – es interessiert mich direkt, welche karrieregeile Hyäne sie geklaut hat und sich jetzt auf den Symposien damit brüstet! – in der umgekehrten Richtung anwende, wie das die Natur alltäglich auf primitive Weise tut. Dass ich also eine Stammzelle mit gesundem Ehrgeiz aufhetze, dass sie für alle Ewigkeit jung bleiben kann, wenn sie nur bereit ist, sich bis ins Unendliche zu teilen, und sie so neu programmieren, dass die dumme Kuh mutiert und sich in eine Krebsstammzelle verwandelt, die diesen Typen mit Sicherheit erledigt. Nun, es gibt noch eine zweite Möglichkeit, dass ich die Abwehrtechnik gegen die Immunsuppressiva noch etwas ausfeile, wodurch der Kerl dann eine böse Infektion bekommt, die ihn endgültig ins Grab bringt. Aber dann kommt mir der Gedanke – was, wenn das noch nicht alles ist und meine Form des postmortalen Lebens nur eine der Formen der menschlichen Existenz ist und es tatsächlich noch so etwas Bescheueretes gibt wie ein Karma? Bedeutet das dann, dass ich mit so einer Handlung – zuerst Selbstmord und daraus folgend Mord – auch noch mein Karma beeinflusse und es mir damit endgültig versäue und im mich nächsten Leben beziehungsweise der nächsten Lebensform in einem menschlichen Gewebe verkörpere, aus dem sich dann zum Beispiel eine Vagina entwickelt, deren Besitzerin sich bereits in jungen Jahren der Low-Budget-Prostitution hingibt, und sich dann täglich zig hygienisch und gesundheitlich fragwürdige Schwänze in mir reiben, oder dass ich mich zum Beispiel in der Mundschleimhaut eines korrupten Politikers oder eines schleimigen Anwalts reinkarniere, die ich zeit meines ehemaligen Lebens absolut verachtet habe? So inspirieren mich in Zuständen äußerster Verzweiflung nur noch zwei Gedanken: Erstens, dass ich den Unfall körperlich überlebt habe, dass aber mein Gehirn so schlimm geschädigt ist, dass ich jetzt in irgendeiner geschlossenen psychiatrischen Abteilung den ganzen Tag wie eine Zimmerlinde herumhocke, während irgendwo in den Tiefen unbeschädigter Gehirnsubstanz all diese Denkprozesse ablaufen, und es gibt noch Szenario B – vielleicht sogar E, oder G ... an Vitalismus und Kreativität mangelt es mir nie –, nach dem ich mich momentan in einem tiefen Koma befinde, aus dem ich aber irgendwann einmal aufwache und dann wird wieder alles mehr oder weniger in Ordnung sein.

Ich habe mich mal über den Ausspruch lustig gemacht, dass die Hoffnung immer zuletzt stirbt. Nein, habe ich bei solchen Äußerungen die Klugscheißer zurechtgewiesen – die Hoffnung stirbt als Vorletztes, ganz am Schluss, als Allerletztes nach der Hoffnung, stirbt noch der Hoffende. Aber jetzt sehe ich, dass dieser Satz doch stimmt. Mir, der ich offiziell tot bin und inoffiziell eine Lebtermischung mit Selbstbewusstsein, bleibt einzige und allein noch die Hoffnung, denn alles andere ist, wie es aussieht, verreckt oder vollständig funktionsunfähig.

Was weiß ich, wie das mit diesem Leben und mit diesem Tod ist! Wie ich mich auch drehe und schaue – die Augen verschließen, logisch, dass ich das nicht mehr kann, und schlafen offenbar auch nicht –, momentan stelle ich nur eines fest: Es gibt und gibt kein Ende ...

Kepenė

Translated by Kristina Tamulevičiūtė

Contact of the translator: kristina.tamuleviciute@gmail.com

Jeigu būčiau žinojės, niekada nebūčiau pasirašės to blanko. Bet kaip gyvenimo specialistas – juk biologija kaip tik ir yra mokslas apie gyvenimą – niekada nedrjsau užsiūti pomirtinio gyvenimo galimybėmis – nebent kokioj linksmoj kompanijoj, juokais, aišku, – bandydavau ką paspėlioti. Mane domino gyvas organizmas, o kas jam nutinka sustojus širdžiai, kai dėl kūno syvų prasidėda organizmo skystėjimo, arba, paprastai sakant, puvimo procesas, kiekvienam kvailiu aišku. Nereikia būti nei mokslininku, nei specialistu, kad tai žinotum. O nenorėdamas suskystėti – žinodamas apie neįvertinamą gyvų audinių naudą – pasirašiau, kad po mirties tai, kas naudinga ir vertingo lieka iš mano kūno, dovanuoju, o visą kitą tegul sutvarko krematoriumo liepsnų liežuviai. Po mirties, žinoma, bet dabartinė mano padėtis néra nei gyvenimas, nei mirtis. Apie tai, kokoje padėtyje esu dabar, galima būtų parašyti itin vertingą mokslinį darbą, kuris tiesiog skintų apdovanojimus. Bet galvoti apie ankstesnį rašymą jau per vėlu, juk mano padėtis taip delikačiai ir radikalai pasikeitusi, kad net nežinau, kas tiksliai nutiko ir apie tai galiu kurti tik hipotezes.

Štai kaip viskas buvo. Su savo moksliniu, žinoma, jsivaizduojamu, atvirai pasakius, genialiu indėliu apie vėžio gydymą reprogramuojant kamienines ląsteles, buvau jau pakeliui į mokslinį simpoziumą. Artėjant tai akimirkai, kai rezultatus tyrinėjimų, kuriems buvau paskyręs visą gyvenimą, atskleisiu mokslinėi bendruomenei, buvau labai susijaudinęs. Be manės, autoriaus ir išradėjo, apie mokslinį išradimą žinojo iki mano viešo pasirodymo prisiekusi tylėti laboratorinė technika: pirmasis, hipochondrikas, prisieké, kad vos tik jam prasijojus, sveikos jo organizmo ląstelės pasius ir pradės dalytis lyg išprotėjusios, kitas, baptistų tikėjimo išpažinėjas, dešinę padėjo ant juodos karpės oda įrišto Naujojo testamento.

Mokslinėse bendruomenėse labai svarbu veikti greitai, juk visi turime priėjimą prie tų pačių duomenų bazių, ir nervų sistemos veikia panašiai, dėl to labai tikėtina, kad galutinai ištyrės reiškinį, patvirtinės rezultatus tyrimuose su žiurkėmis, triušiais ir, gali būti, žmogiškais audiniais, tada, kai belieka tik atskleisti kruopščiai slėpto tyrimo rezultatus, sužinai, kad kažkas jau paskelbė panašius, o gal ir tokius pačius rezultatus. Tada pffff – kruopščiai besipučiantis balionas tą pačią akimirką subliūkšta ir užmarštin nusineša varginančių eksperimentų ir analizų metus, o gal ir dešimtmecius, nemiegotas naktis, kurių pasékmės būna sutrikusi imuninė sistema ir pablogėjusi sveikatos būklė, o apie kivirčus su sutuoktiniais ir partneriais jau nebekalbu – jų neįmanoma išvengti, kai esi visiškai atsidavęs mokslui. Ir štai – mokslų išvarginta tavo galva jau lenkiasi, kad ant jos būtų uždėta aureolė už svarbiausią civilizacijos atradimą, kai staiga kažkas tave pastumia alkūne, godžiai ištiesia ranką, išplėšia vainiką tau pries akis ir užsideda jį ant savo plikės. Šitaip visam gyvenimui lieki antrasis, kitaip tariant, nevykėlis, nulis, niekas, kurio vardas geriausiu atveju paminimas kokiame nereikšmingame straipsnyje. Prisipažstu, visada buvau itin ambicingas, ir karjera mano gyvenime reiškė daugiau už šeimą, draugystę ir visą kitą. Bet karjerizmas man niekada neatrodė pernelyg varginantis, galų gale, būtent

tokia dialektika tarp visiško atsidavimo darbui ir, taip sakant, šeimos apleidimo, šiai užtikrino patogų gyvenimą. Be to, negalime ginkytis, kad be tokijų ambicingų jsivaizduotojų kaip aš, vietoj automobilių ir lėktuvų judėtume šokinėdami nuo vienos šakos ant kitos, ką jau bekalbėti apie malonumą, kurį suteikia moksliniai atradimai, galiu pridėti ranką prie širdies, jis nė kiek nenusileidžia seksualiniams malonumui, be to, trunka nepalyginamai ilgiau.

Kai važiuodamas repetavau kalbą, kurią pasakysiu mokslinės konferencijos prožektorių šviesoje, net nepastebėjau, kad silpnas krapnojimas vis stipréja, o refleksas pristabdyti greitį pakankamai tuščioje gatvėje tą kartą neveikė. Tada mane vieną akimirką metė į kairę, o paskui į dešinę, porą kartų kažkur atsimušiau, ir viskas, ką prisimenu, buvo staigus posūkis ir stabdžių cypimas, kai mano gyvenimo ekrane vaizdas staiga pasikeitė ir projekcija automatiškai persijungė į kitą programą. Tame naujame kanale pasirodė kažkas panašaus į DNR spiralę, kuri mane glaudžiai apsuko, pakélé ir nusinešė į kažkokį tunelį, kuriuo apjuostas genetinė gyvate keliauva tarp gigantiškų proteinų ir nukleotidų molekulų, kurios traukėsi nuo milžiniško raudonai geltono oktaedrinio viruso, broviausi tarp ląstelių, kurios pliauskėdamos godžiai metabolizavosi, dalijosi, o kai kurios žūdavo, kol to metafizinio vamzdžio pabaigoje nepamačiau masės, kurioje geras tuzinas milžiniškų ląstelių trynėsi viena į kitą. Morulė, žinoma! – ši mintis mane perskrodė. Vadovaujantis šia logika, esu įstrigės savo paties genetiniame smauglyje, šią akimirką braunuosi pro blastocistą, iš kurios pereisiu į morulę, iš kurios galima telaukti tik milžiniško šviečiančio kūnelio su raudonu vidurėliu. Staiga man viskas paaiškėjo: grįžtu ten, iš kur atėjės – ne pas dievą ir ne į kažkokią kosminę šviesą ar ką nors panašaus, bet per morulę į zigotą – į apvaisintą kiaušinėlį, kuris laukia, kada galės mane sugerti, o tada zigota pasidalins į vyriškąjį ir moteriškąjį dalis ir šitaip mano gyvenimas pasibaigs, o manės lyg nebūtų buvę. Ak, tai šitaip tą pomirtinę metafiziką mato biologai, pamaniau – vietoj angelų, dievų ir glostančios abstrakčios šviesos mes, mokslininkai biologai, iškeliaujame į nieką per pirminius ląstelių audinius. Nieko sau, pamaniau, neturiu ko pridurti. Tegul tie, kurie tiki į dievą, nusileidžia į pomirtinę pragarų ar rojų geografiją, arba tarpinėje būsimomo laikinojo nebuvimo stotyje telaukia galimo naujojo prisikėlimo, tesireinkarnuoja jie į žmones, augalus, gyvūnus ir mineralus, o mes, biologai ir visi kiti, kurie net ir baisiausiose situacijose atsispyrė nuodėmei, kad nereikėtų klūpant prieš kažkokius dievus malauti sveikatos ir gyvenimo bei dėrėtis su kokia iš nusivylimu prisiviliota transcendencija, kūniškai ir dviškai pasidalinsime į atomus ir šitaip išnyksime amžiams.

Deja, viskas ne taip paprasta. Mano mąstymo proceso gulbės giesmė, pereidama per blastocistą, pradėjo lėteti, pirminis šaltinis vis tolo. Kažkokia jėga – pirminė jėga, ar kas? – prieš pat jeinant į blastocistos morulę mėšlungiškai mane nubloškė ir, kaip dabar jau žinau, smogdama philipino prie enodermos ląstelių, sudarancių vidaus organus. Logiškai mąstant, kaip aš galėjau atsidurti tokiuje būsenoje? Būtent tame neapibrėžtame laiko vienete mano kelionė baigėsi, ir staiga viskas aptemo – jeigu, žinoma, išvis galiu kalbėti apie tamą, juk tamša yra pernelyg spalvingas niekio apibūdinimas, nes tai ir yra visiškas, absoliutus niekas, jei jau bandau apibūdinti tą, negaliu sakyti egzistavimo ar neegzistavimo, galbūt geriausia būtų sakyti už egzistavimo ribų esančią fazę ir išsireikščiau filosofiškai, juk dabar turiu begales laiko tokiems apmąstymams, iš kurių ankščiau tik tyčiodavausi ir jų iš visos širdies neapkėsdavau.

Nemačiau jokių operacijų ir jokių chirurgų, kurie kaišiodami skalpelius lankstytuosi prie mirusio mano kūno ar bandytų kam nors persodinti mano organus. Galų gale, suvokimas, o jeigu tiksliau, savęs suvokimas – viskas rodo, kad tik jis man ir teliko – , funkcionuoti pradėjo tik gerokai vėliau. Po avarijos turėjo prieiti koks dešimt dienų, kurios man nebeegzistuoja, kai staiga, kiek prisimenu, suvokiau, kad esu ligoninėje, tiksliau, ligoninės lovoje. Kur aš? – buvo pirmoji mano mintis sugrijušus sąmonei. Iš visko sprendžiant, jvyko nelaimė, kuri nebuvo labai baisi, juk išgyvenau. Bet tikrai siaubą netrukau suvokti, prisiminęs visas aplinkybes. Tada pirmą kartą mane sukaustė baimė. Tik tą akimirką, suvokęs, kad mano vietas percepcija yra kažkaip pakeista, ir nors aplinką suvokiu, kampas, iš kurio į ją žiūriu, yra kitoks. Jei jau guliu lovoje, logiškai mąstant, atvėrės akis turėčiau pamatyti sienas ir lubas. Bet mano žvilgsnis – nors gal derėtų sakyti virš-žvilgsnis! – buvo iškreiptas, panašiai, matyt, būna iškreipiama daiktai kosmose. O vos tik pabandžius pajudinti galvą, rankas ar kojas, kažkur šalia manęs pratrūko knarkimas. Tiesą pasakius, net ne šalia manęs, knarkimas sklidžio iš kažkur įtartinai arti, todėl netrukau suvokti, kad palatoje, o jeigu tiksliau, lovoje, esu ne vienas. Be to, supratau, kad taip ir liks. Rankas ir kojas dar kažkiek jutau, bet jų negalėjau pajudinti, ir dabar supratau, kodėl – todėl, kad nei rankų, nei kojų, o apie galvą jau nebekalbu, neturiu išvis. Siaubinga, bet, ko gero, praeis, galų gale, tai, ką žmogus jaučia, nėra realu, realus yra tik pats neurologinis procesas, kuris percepciją kažkaip iškraipo ir sudarko, velnias žino, kodėl. O kad aš, žmogus, kuris visada kliovési sveiku protu ir stebéjosi tingumu tų, kuriuos gyvenimas blaško it valtį jūra, pateksių į tokią situaciją, kuri mažu mažiausiai primena psichozę, niekada nepagalvojau ir, žinoma, nelaukiau. Toks jausmas tik sustiprėjo jėjus medicinos seserai, kuri žengė manęs link. Šiuo atvejų manęs link nereiškia, kad ji atsistojo prieš mane, žinau tik tai, kad sesuo paémė termometrą ir įj iškélė taip, kad aš nebegalėjau jo matyti. Kas esu? Ar gyvas? – ir vėl giliai susimąsciau, o vėliau sekė mintys: Kaip aš mąstau? Iš kur šios mintys? Kaip aš galiu visa tai klausyti, stebéti ir apmąstyti? Kaip gyva būtybė?, klausimus žeriau nežinodamas, kad ir ateityje į juos negalėsiu atsakyti. Kas yra tas mano mąstymas o su juo ir aš, mano identitetas, buvimas? Į kokią materiją mane nubloškė jsiūtis ir baimė, nes po velnių, kažkokia materija juk turi būti, nesu juk vaiduoklis ar kažkas panašaus? Man, mokslininkui, kurio palaikai tapo kažkokiu moksliniu fenomenu, viso to buvo gerokai per daug.

Sesuo pamatavo temperatūrą, kiek mačiau, elektroniniu termometru, kurį pasikišo tiesiai po smailia savo nosimi, o paskui atėjo gydytojas. Pagaliau išsigelbėsiu, juk gydytojai – mano kolegos mokslininkai, atėjė paaiškinti mano būseną ir pasakyti, kas manęs laukia – nors, aišku, nežinau, ar tinką kalbėti apie „mokslą“ klinikose, juk gydytojai vis labiau panašėja į arogantiškus, rutina susirūpinusius praktikus, kuriuos mokslas labai menkai tedomina.

Bet chirurgas į mane kreipėsi visiškai nežinomu vardu ir pavarde, o kai pradėjo aiškinti, kad operacija pavyko ir kad naujų kepenų kūnas neatmeta, aš pagaliau suvokiau, į kokią košę įklimpau. O jeigu tiksliau ir metaforiskai išsireiškus, po avarijos iš manęs teliko košė, kuri labai pradžiugino transplantacijos specialistus, ir jie, ko gero, greitai ir be komplikacijų diagnozavo mano smegenų mirij, kūnų dar kiek laiko tyrinėjo aparatais, kad ištirtų, kurie organai liko nepažeisti, o likusią košelienu kre-mavo kaip buvau liepęs ir palaidojo. O mano kepenys, mažu mažiausiai, kepenys, buvo persodintos vyriui, kurio kūne esu kepenų vietoje.

Gyvenu, dabar tai žinau, kažkokiu būdu gyvenu, bet ar tai gyvenimas?, klausinėjau savęs po to,

kai su šeimininku gržome namo. Nesakau, kad prieš tai, kai dar gyvenau tikrą gyvenimą ir turėjau savo kūną, nesu girdėjęs chirurgų pasakojimų, kad po organų transplantacijos kartais pas juos sugrįžta pacientai, mikčioja ir mikčioja, kol galiausiai išspaudžia klausimą – ką manote, ar egzistuoja galimybė, kad persodintame organe užsiliko dovanotojo atmintis, nes jie visą laiką jaučia, kad juose gyvena ir kažkas kitas, pasakoja, kad, pavyzdžiu, pasikeitė jų skonis ir, tarkime, visą laiką juos, kadaise karštus srgalius, dominęs futbolas staiga tapo visiškai nebeįdomus, arba, tarkime, kad jiems spaudžia širdj iš noro prisesti prie pianino ir ką nors sugroti, nors iki šiol apie muziką jie neturėjo jokio supratimo. Ne, tai neįmanoma, atsakinėja jiems specialistai ir priduria, kad džiaugtusi naujuoju organu, padovanojusiu jiems naują gyvenimą, iš tiesų tai reiškia atgimimą, o besilaikydami visų gydytojo įspėjimų, jie galės gyventi gražiai, ir jeigu pasiseks, netrumpai. O ką kitą jie galėtų pasakyti? Juk niekada neturėjo galimybės padiskutuoti su kokiui organe įsišaknijusiui protu, gi iš patirties galiu pasakyti, kad niekas manęs negirdi, nors man ir atrodo, kad mano monologai néra tylesni už anas repeticijas važiuojant automobiliu, kai dar buvau vienas.

Dabar bent jau žinau, kad prieš pasirašydamas dokumentus apie organų transplantaciją, turėjau parašyti reikalavimus būsimajam recipientui, nes dabar tą savo blanką galiu susikišti į šiknā! Na, galėčiau susikišti, jeigu šiknā turėčiau, bet dabar jos neturiu. Nes tas, kuriame esu įsodintas, mano kepenys, o su jomis ir aš pats, visiškai neatitinka mano būtojo gyvenimo stilias, ir pagal mano pasaulio suvokimą bei principus – o juos aš vis dar turiu! – yra visiškai man netinkamas, netgi įžeidžiantis. Įsodintas esu visiškam kretinui, kuris įsispyrė į šlepetes nuo ryto iki vakaro šlaistosi po butą, vėpsuo televizorių, tauškia nesąmones, o mano mokslinis protas tokią tipą negali pakęsti. Kai jis į ragelį aškina apie savo savijautą ir transplantacijos metodus, norėčiau jam gerokai trinktelėti, nes iki biologijos ir medicinos pradmenų tam idiotui kaip karvei iki dangaus, o moksliniai terminai iš jo lūpų byra kaip spryrės iš ožkos subinės! Tokiomis akimirkomis žmogus, net ir toks kaip aš – žmogaus šešėlis ar kas!? – suvoki, kokie skirtingi esame ir pamatai, kaip kai kuriems būna šarai pasisukę. Butas, kuriame jis gyvena su žmona, na, kuriame gyvename visi kartu, anaipolti néra aptriūšęs, maistui, aišku, irgi negailima, o paskui jis kartu su vaistais patenka į mane, taigi į kepenis. Bent jau dabar, kai po operacijos jis turi visą pasaulio laiką, galėtų ką nors paskaityt, bet ne, tas idiotas visą laiką vartosi ant sofos, o tada kartu vėpsome programas, apie kurias iki šiol net girdėjės nebuvalo. Iš visko sprendžiant, tas tipas dar ir religingas, ar bent jau religijai prijaučiantis. Tiki, kad už viską reikia dėkoti dievui, todėl kiekvieną dieną žiūrime kažkokias religines programas, kuriose maniakai rėkdami į mikrofoną mojuoja kryžiai. Maža to, tas kvailys šimtu procentų įsitikinęs, kad dievas išklausė jo maldas ir laiku suradotinkamas sveikas kepenis. Bet, ar gali įsivaizduoti, koks kiauliškas egoistas esi, nuolatos pagalvoju, kad tavo noras: *brangus dieve, surask man naujas kepenis*, iš tiesų savy slypi ir žudikiškai dalį, kuri skamba: *o kadangi kepenų šiaip sau negalime gauti, nes jos neauga kaip kokie agurkai, prašau tavęs, dieve, tegul kas nors numiršta, kad galėčiau gyventi aš*. Nes jeigu iš tiesų egzistuoja kažkas panašaus į dievą, kuris kasdien kantriai klausosi savo kūrinių bambėjimo ir po to jų svaičiojimus iš tiesų įvykdė, tada faktiškai tas tipas kartu su savu dievu mane ir užmušė! Spekuliantai suknisti!

O įdomiausia, kad žmona tą tipą su tokiu nesuprantamai suprantamu gailesčiu aptarnauja, o jis tą rūpesti priima kaip savaime suprantamą dalyką, be to, stebėdamas jos pasiaukojimą suprantu, kad jį kažkaip idoliškai mėgausasi kankinės role. Kaip supratau iš to tipo bambėjimo, jo kepenų

sutrikimo priežastis buvo hepatitas C, kurio užsikrėtė prieš dešimt metų, po kažkокio kraujø perplymo, bent jau taip jis aiškina visam pasaulei, o žmona, dar kvailesnė už jį patį, ta pasakėle tiki, vietoj to, kad prisėstų prie kompiuterio, į google laukelj įrašytų krauso donorystė ir hepatitas C, ir netrukų išsiaškinti, kad jau nuo 1993 metų civilizuotame pasaulyje kraujas, kurį surenka iš savanorių donorų, yra patikrinamas. Lytinį santykį su žmona neturime, todėl kai esame vieni, o televizorius transliuoja, kaip dulkinasi kokie storaškiniai negrai, jų lengvai žnaibome, bet vos tik stambiu planu parodo vaginą, staigiai perjungiamame kanalą ir ieškome standaus, gyvatiško penio, kuris gyvybingai kietėja tarp savininko piršty.

Žmogus ne tik tévę, bet ir kūniškų globėjų išsirinkti negali, dabar tai žinau. Po sekmingos organų transplantacijos ir laikantis gydytojų rekomenduoto režimo, organizmas priima persodintus organus, ir kai pagalvoju, kad nuo šiol esu daugybei metų įkalintas šiame idiote, ir neturiu jokios galimybės pasprukti iš šio kalėjimo, apie kokią nors pasigailėjimą net kalbos negali būti, ir kad – iš visko sprendžiant, iki jo mirties ar bent jau iki kitos kepenų persodinimo operacijos?! – turėsiu klausytis kvailių erzinančiųjų monologų, man, metaforiškai kalbant, susuka vidurius. Pasivaikščioti retai kada išeinate, nes tas tinginys beveik kojos iš buto nežengia, o jeigu jau kartais išeinate į balkoną, tada atsirémę į turėklus rūkome, stebédami, kaip priprakaituotas marškiniais apsitempę paaugliai spardo kamuolį. Po velnii, pamąsciau kažkada rūkydamas, aš, žmogus, kuris niekada iki šiol nesu nei dūmo patraukęs: juk prieš keletą metų esu dovanojės savo sėklą, kuri, matyt, vis dar užšaldyta ir todėl, aišku, neaktyvi. Bet vis dėlto egzistuoja galimybė, kad atsiras kokia nors natūraliu būdu negalinti pastoti moteris, ir mano sperma bus atsildyta, o jeigu mano hipotezės teisingos, tada gali būti, kad joje atsirastų vietos mano sąmonėi ir tada iš kepenų galésiu persikelti į ją. Aišku, jeigu ir vėl neslystelėsiu, jeigu ir vėl manęs nesupurtys koks nors nesuprantamas netikėtumas ir mano sąmonė autonominė aktyvizuosis spermoje, ir šitaip turėdamas du sąmonės šaltinius, galésiu po mirties su savimi diskutuoti, ar kaip? Žalio supratimo neturiu... išvis nežinau, ką man galvoti... šitaip man ir šarai susisuko... tik ne galvoj, ką aš žinau, kaip ir kur!!

O jeigu ta mano hipotezė néra teisinga ir visas mano identitetas bei asmenybės liekanos yra įkalintos kepenyse, tada galbūt turiu dar vieną galimybę – pasistengti kaip nors užmegztį ryšį su kitais šio kūno organais, pasinerti į save ląstelių lygmenyje ir savo mokslinius tyrimus – įdomu, kokia karjeristinė hiena juos pagriebė ir dabar su jais tamposi po simpoziumus?! – pasuku visai kita kryptimi, kaip tai kasdien daro gamta? Taigi, kad kokia sveiką ambicingą kamieninę ląstelę išsaugau, jog amžiams išlikę jauna, o kai bus pasiruošusi dalintis, ją šitaip suprogramuoju, kad kvailė mutuoja ir pasikeičia į kamieninę vėžio ląstelę, tada tas tipas bus tikrai pribraigtas. Na, egzistuoja ir tokia galimybė, kad sumąstysi, kaip nepriimti imuninę sistemą slopinančių vaistų, tada tas tipas pasigaus mirtiną užkrėtimą ir jau tikrai atguls į karstą. Bet tada mane perskrodžia kita mintis – kas, jeigu tai ne pabaiga, ir mano pomirtinio gyvenimo būsena yra tik viena iš galimų žmogiškojo egzistavimo būsenų, kas, jeigu iš tiesų egzistuoja kas nors tokio idiotiško kaip karma? Gal tada tokiai veiksmais – visų pirmą savižudybe, o po to ir žmogžudyste – padarysiu neigiamą įtaką savo karmai ir šitaip ją sumažinsiu, kad kitame gyvenime, arba kitoje gyvenimisoje formoje įsikūnysiū į kokį nors audinį, iš kurio paskui formuoja, pavyzdžiu, vaginą, kurios savininkė jau nuo jaunų dienų užsiima prostitucija, ir tada kas dieną į mane slidinės dešimtys higieniškai ir mediciniškai aplieptų pimpalų, arba, tarkim,

persikūnysių į kokio paperkamo politiko ar besispjaudančio advokato gleivinę, tokį tipą juk niekada negalėjau pakęsti. Ir šitaip visiško nusivylimo akimirkomis mane palaiko tik dvi mintys: pirma, kad avariją išgyvenau ir mano smegenys vis dar funkcionuoja, tačiau jų pažeidimai tokie sunkūs, kad dabar ištisas dienas it koks augalas tūnau psichiatrinėje ligoninėje, o tuo metu nesužeistose smegenų dalyse mezgasi visos šios mintys, egzistuoja, aišku, ir scenarijus B – galbūt net scenarijus E, netgi G... gyvybiškumo ir kūrybiškumo man niekada netruksta –, ir jis mane skatina mąstyti, kad šiuo metu esu giliausioje komoje, iš kurios kada nors pabusiu ir viskas bus daugiau mažiau gerai.

Anksčiau tyčiodavausi iš teiginio, kad viltis miršta paskutinė. Ne, atsakydavau visiems šitaip mąstantiems genijams, viltis miršta priešpaskutinė, paskutiniai miršta tie, kurie vis dar tikisi. Bet dabar matau, kad tas teiginys yra teisingas. Formaliai esu miręs, o neformaliai vis dar gyvas kepenyse, man liko vien tik tikėjimas, nes aišku, kad visa kita pastipo arba visiškai nebefunkcionuoja.

Ir ką aš žinau, kas tas gyvenimas, o kas ta mirtis! Kad ir kaip beatsisukčiai ir pasižiūrėciau – prisimerkčiai, logiška, kad daugiau jau nieko nebegaliu, ir akivaizdžiai nemiegu –, todėl dabar galiu spręsti tik viena: Néra pabaigos, jokios pabaigos...

Црн дроб

*Translated by Darko Spasov
Contact of the translator: polatski@gmail.com*

Да знаев однапред, немаше никогаш да го потпишам формуларот. Но, како стручњак за животот – а што друго е биологијата, ако не наука за животот – се позанимавав со можностите за посмртно постоење, и воопшто не се дрзнував да зборувам на таа тема, освен кога бев во некое весело друштво, како шега, се разбира. Она што ме интересираше беше живиот организам, што се случува со него по престанувањето на виталните функции, кога поради ситните паразити во правот ќе започне процесот на телесното растекување, или единствено кажано, гниенето, тоа му е јасно секому. За тоа не треба да се биде ниту научник, ниту стручњак. И затоа што не сакав да се претворам во течност, а поради свесноста од потенцијално непроцентливата вредност на животот ткиво – потпишав дека по мојата смрт сè она што вреди да се употреби од мене, го оставам, подарувам, а останатото за два часа да го изедат пламените на крематориумот. По смртта, се разбира: но ова сега не е живот, а и смрт не е. За тоа каква е мојата состојба и што значи, може да се напише брилијантен научен труд, на кој наградите сами би се лепеле. Но, колку што беше прерано да се пишува за тоа, сека е толку предоцна, затоа што мојата состојба е деликатна и радикално променета, така што ни самиот не знам што ме снајде, а за тоа, засега, имам само хипотези.

Вака беше. Со својот научен, и тоа визионерски, и, да не дожкам, генијален напис за лекувањето на ракот со репрограмирање на матичните ќелии, бев на пат на меѓународниот научен симпозиум. Бев сосема вознемирен поради моментот што наближуваше за откривање на резултатите од моите истражувања пред научната јавност, на кои им го посветив и кариерата и животот. Освен мене, авторот и изумител, за моето научно открытие знаеја само уште моите лабораториски техничари, кои до моето јавно излагање се заколнаа на молчење: првиот, хипохондрик, се заколна дека ако нешто бекне, во истиот момент здравите ќелии кај него да здiveат и почнат неконтролирано да се делат, а вториот, припадник на баптистичката црква, десницаја ја стави на Новиот завет подврзан во црна кожа од крава.

Во научната фела брзината е исклучително важна, затоа што со оглед на тоа дека имаме пристап до исти информации и дека невронските мрежи дејствуваат слично, може да се случи, истражувањето да го доведеш до крај, обработките на податоците од лабораториските стаорци и зајаци, па и на човечки клетки се потврдат, сè што недостасува е само отворање на строго контролираните испитувања, и ете ти, од некаде ќе се појави некој со слични, ако не исти испитувања. И пуффи, грижливо дуваниот балон за миг ќе пукне и со него во истиот миг ќе исчезнат години, ако не десетлетија исцрпни експерименти и анализи, неспиени ноки, и како последица на тоа слаб имунолошки систем, ослабена здравствена состојба, а да не ги споменувам семејните и партнерските недоразбирања, кои како колатерална штета настануваат при целосна преданост на науката. И еве – твојата изморена научна глава почнува понизно да се наведнува, за на неа да го стават ловорот за епохално цивилизацијско

откривање, кога неочекувано ќе те оттурне некој лакот, чија рака алчно ќе ти го грабне пред очи венецот и го стави на својот череп. Така засекогаш остануваш втор или, кажано поинаку поразен, нула, никој, чие име во најдобар пример се појавува во ситниот печат. Признавам бев силно амбициозен и кариерата ми беше пред семејството, партнерството и сè друго. За мене кариеризмот воопшто не е спорен; токму таквата дијалектика меѓу мојата целосна посветеност на работата и таканареченото занемарување на семејството, на истото тоа му овозможуваше финансиски удобно живеење. Освен тоа е неспорно, дека без амбициозните визионери како што сум јас, до денес, наместо со автомобили и авиони ќе се движевме со скокање по граниките, а да не го споменувам уживањето што го нудат научните откритија и што е, рака на срце, во споредба со сексуалноста еднакво силно и пред сè долготрајно.

Кога за време на возењето си го вежбав настапот пред виртуелниот цветождер на меѓународната научна јавност, не забележав, дека благото росење преминува во голем дожд, и рефлексот, на речиси празниот автопат да ја намалам брзината, сосема откажа. Така за миг ме занесе во десно, па потоа во лево, ме отфрли, де ваму де таму, потоа се сеќавам на остра кривина и цвилењето на кочниците, кога на мојот екран сликата се прекина и проекцијата сама од себе се префрли на друга програма. На тој канал се појави некаква спирала на ДНК, околу мене почна да се замотува и ме однесе во некаков тунел, низ кој во стисокот на генетската змија патував меѓу циновските молекули протеини и нуклеотиди, кои се тргаа пред дебелиот црвено-жолт осмоаголен вирус, се гнетев покрај клетките, кои алчно метаболизираа, се делеа, некои од нив умираа, сè додека на крајот на таквата метафизична цевка не загледав куп, во кој едни големи клетки се триеја една од друга. Секако, морула! Се сетив. Според оваа логика, јас сум стиснат во сопствениот генетски питон. Најпрвин ја развив идејата дека се пробивам низ бластоциста, низ која преминувам во морула, огромното светло тело со црвенкава средина. Ми стана јасно, сè ми се разјасни: се враќам онаму од каде сум излегол – не во Бога, не во некоја космичка светлина или нешто слично, туку преку морулата во зиготот – во оплоденото јајце, кое чека да ме вцица, за потоа зиготот да се расцепи на женски и машки дел, па така мојот живот ќе заврши и мене едноставно нема да ме има. Така изгледа кај биолозите посмртната метафизика, се изненадив, наместо ангели, богови и апстрактни светлинини што галат, ние биолозите заминуваме во нешто преку праткивото на клетката. Чесно, си помислив, немам замерки. Нека оние што веруваат во Бога пристигнат во посмртната географија на неколот и небото или пак на меѓу-станицата на временската нула и чекаат до евентуално повторно воскресение, други нека се реинкарнираат во луѓе, растенија, животни и минерали, ние, биолозите и сите други, кои ниту во најгрозните моменти не подлегнуваме на искушенијата, да клекнеме пред некој бог и да молиме за здравје и живот и да се погодуваме, со како од бездната на очајот измислената трансцендентност, ние, пак, да се деатомизираме телесно и духовно и така сосема и докрај да исчезнеме.

Но, за жал не беше толку едноставно. Лебедовата симфонија на мојот мисловен процес при минувањето на бластоцистата почна да се намалува, а праизворот почна да се оддалечува. Некоја сила, прасила или што? – токму пред влезот во морулата, во бластоцистата наеднаш ме засука и, тоа го знам сега, отфрли и залепи на веќе диференцираната линија на клетките на ендодермот, од кој се развиваат внатрешните органи. Затоа што, ако логично расудувам,

како би се нашол во таква форма на постоење? Во таа неодредена временска единица, моето патување престана и сè се стемни – ако воопшто можам да зборувам за темнина, затоа што темнината е израз за боја на ништо, и тоа совршено, абсолютно ништо, во кое нема ништо, ако веќе треба да ја означам таа фаза на моето, не можам да речам постоење, ама и непостоење не, и веројатно најсоодветен бил изразот вонпостоење, ако филозофски се изразам, затоа што сега имам време за такви мисловни форми на разговор, кои порано ми беа смешни, се подбивав со таквите и од дното на срцето ги презирајам.

Никакви операции не видов, никакви хирурги, кои би се наведнувале над моето мртво тело и по него да шарат со скалпели и кому било да му ставаат употребливи делови од моите телесни материи. Следното што го сетив, дека нема кој знае уште колку останато од свеста, се вклучи многу подоцна. Во меѓувреме мораше да помине некои десетина дена, кои за мене не постојат. Наеднаш се сетив, бев во болницата и тоа на еден кревет. Каде сум, беше првата мисла по активирањето на мојата свест. Изгледа дека сум имал несрека, а истовремено и среќа, затоа што очигледно, сум прживеал. Или, пак, тоа не била некоја среќа, веќе во следниот миг се исплашив и спонтано почнав да ги проверувам моите екстремитети. Е овде прв пат почна да се прекршува. Дури тогаш сфатив дека мојата перцепција на просторот се променила, дека ја чувствувам околината, но дека аголот под кој ги гледам нештата, некако поинаков. Ако лежам на постелата, логично размислевав, тогаш кога ги отворам очите треба најпрвин да го видам сидовите и таванот. Ама не беше така, мојот поглед, а можеби би било посоодветно да речам видик! – се искривуваше, слично како, си претставувам, како кога се искривува просторот во космосот. И пред да се обидам да ги помрдам главата, нозете и рацете, до мене се слушна `ркање. Не покрај мене, `ркањето доаѓаше од сомнителна телесна близина, од што заклучив дека во собата, односно на постелата не сум сам. И, како што набргу сфатив, така и ќе остане. Своите раце и нозе некако и ги чувствував, но зошто не можев да ги движам, ми стана многу бргу јасно, затоа што немам ниту раце, ниту нозете, а да не зборувам за глава. Страшно, но веројатно минливо, си помислив; на крајот на краиштата што сè човек може да почувствува, а тоа да не биде вистина, освен, секако, самиот невролошки процес, кој перцепцијата, од којзнае каква причина, ја искривува и изместува. Та дека и мене, кој од кога знам за себе го следам разумот и постојано ја чувствував мрзливоста и лабилноста на оние кои животот ги претура небаре се лотка на немирно море, ќе ме стигне состојбата, најмногу слична на психозата – не, не го очекував тоа, тоа никако не го очекував. Тоа чувство ми се засили кога во собата влезе медицинската сестра и се насмевна кон мене. Кон, не и буквально на мене да ми се насмевне и потоа нешто мавташе со термометарот и го местеше некаде надвор од моето видно поле. Кој сум? Што сум? Повторно во себе си размислевав, но размислевав како што? Каде во себе? Од каде? Како кој ова сево го слушам, мислам и гледам? Почнав да се грижам без да знам дека тие прашања и во иднина ќе останат неодговорени. На што таа моја мисловна грамада и со тоа јас, мојот идентитет е закачен? На каква материја? Ме обзеде бес и страв, затоа што некаква материја мора да има, па не сум дух или што? За мене, научникот, чии остатоци се собрале во некаков научен феномен, беше премногу.

Сестрата измери температура. Тоа го заклучив според електронскиот термометар што го принесе кон својот шпицест нос, кога веднаш потоа во собата влезе визитата. Конечно

спасение, ова се моите стручни колеги, кои дојдоа да ми кажат за мојата состојба и да ми кажат, како и што ќе биде со мене – но, секако, колку е „стручен“ воопшто соодветен израз за клиниките, кои со годините стануваат мрзливи и рутинирани практичари, кои воопшто не се интересираат за науката.

Визитата ми се обрати со, за мене, непознато презиме и име, и кога хирургот на таинствениот носител на името почна да му објаснува, дека операцијата успеала и дека неговото тело добро го поднесува новиот црн дроб, ми стана јасно дека сум во каша. Или, поточно, дека не ми се пишува добро, или, да се изразам метафорично, остатокот од кашата, која стручните лица за трансплантираја искрено ги израдувала, и веројатно брзо и без размислување дијагностицирале смрт на мојот мозок, телото го зачувале на апаратите, а истрошена кашеста материја, на мое барање го однеле на кремирање и е сега достојно погребана. Црниот дроб, најмалку црниот дроб го пресадиле во човек, во чие тело сум негов црн дроб.

Живеам, што знам, на некој начин да, но ова живот е?! Почнав да се прашувам, кога за неколку дена со мојот домаќин се вратив дома. Не велам дека пред ова, кога бев цел, не сум ги слушнал приказните на хирурзите, како по трансплантирајата на органите, од време на време се враќале пациентите да прашаат, и тоа едвај да изговорат, дали е возможно во пресадениот орган сè уште да има спомен од дарителот, како да имаат чувство дека некој живее со нив, дека, на пример им се менува вкусот, дека фудбалот не ги интересира, а биле страсни навивачи, дека по операцијата ги остава неразбираливо ладни или дека ги жули во градите, или да седнат и да засвират една на клавир иако од музика не се разбираат? Не, не е возможно, во согласност со доктрината објаснува струката и во ист тон додава подобро да му се радуваат на новиот орган и со тоа на новиот живот, и ако ги следат сите препораки од лекарите, дека ќе живеат убаво, и ако имаат среќа, долго. А што да им речат? Никогаш немале можност да дискутираат со ум заглавен во орган, како и тоа дека имам чувство дека никој не ме слуша иако моите монолози не се помалку гласни од моите монолози за време додека во автомобилот го вежбав говорот за настап. Сега знам дека кога веќе потпишав документ за дарување органи, би требало да се постават и услови за нивните домаќини, затоа што оваа картичка и формуларите заедно можам да си ги напикам каде сакам! Но, би си ги напишал ама немам каде! Затоа што овој, каде што ме ставија, мене и мојот црн дроб, за мене е, за мојот стил на живеење и за моите погледи на светот – тоа сè уште го имам! – навреда и неприфатливо. Вседен сум во тотален кртен, кој од утро до вечер низ станот оди во влечки, се свери во телевизорот, дрдори глупости, и тоа такви, какви што мојот научен ум не ги прифаќа. Кога во слушалка зборува за тоа како се чувствува и за методите на трансплантираја, кога би можел би му ја удрил една, затоа што за основите на биологијата и медицината нема врска, а научните поими му летаат од устата како лајна од посртан магарешки задник! Во таквите моменти, човек, па и таквите како јас – остаток од човек или што сум? –, стануваме свесни дека сите луѓе сме различни и како некој се мисловни мрзливци. Станот во кој живеем со жена си, добро, во кој сите живееме, ни од далеку не е скромно, не штедат ни со храната, која јас како негов црн дроб заедно со имуносупресивните лекови ја пречистуваме. Така би можел сега, дваесет и четири часа по операцијата барем нешто да прочита. Ама не, тиквартот си лежи во креветот и потоа заедно

гледаме програми, за кои воопшто не сум знаел дека постојат. Типот е, по сè изгледа верски фанатик или барем верско пресметлив. Верува дека, за сè треба да му благодари на Бога, затоа севеден гледаме верски канали, каде манијаци викајќи мавтаат со крстови и микрофони. Убеден е дека Бог ги услышал неговите молитви и дека навреме добил нов и здрав орган. Но, дали си свесен, egoист никаков, понекогаш ќе помисlam, дека твојата желба: Господе милостив, дај ми нов црн дроб, содржи неизречен убиствен дел што звучи: но затоа што сега за сега органите не ги одгледуваме како краставици, Боже, те молам нека умре некој, за јас да живеам. Затоа што ако навистина постои Бог кој секојдневно ги слуша здодевниците и им ги исполнува желбите, тогаш овој тип и неговиот Бог се моите убици! Шпекуланти расипани!

Жена му неразбираливо го слуша и му угодува, а тој нејзината нега ја прима како нешто што му припаѓа, но од нејзината пожртвувањост разбираам дека таа во тоа ужива. Како што разбрав од неговото кукање, причина за неговата болест бил хепатитис Ц, што го закачил при трансфузија на крв, на што жена му која е поглупава од него дури и верува дека, наместо да седне на компјутерот и да провери за крводарителството и хепатитис Ц и да види дека од 1993 година, во сите цивилизирани земји на оваа планета крвта редовно се тестира. Немаме односи со неа, но затоа на каучот, кога сме сами, при бутање на дебелогаз црнец си го галиме, а при крупни кадри на вагина, го менува каналот и повторно го бараме дебелиот, змиест кур кој живе се витка меѓу прстите на сопственикот.

Човек не ги избира родителите, но сега знам, и телесните домаќини. Периодот на преживување по трансплантирајата, при лекарски режим може да трае и до неколку години, и ако само помисlam дека сум осуден на живот кај овој идиот, без можност за излез или помилување барем и изгледа до неговата смрт или до неговото следно пресадување црн дроб?! – да ги слушам неговите идиотски монолози, ми се – секако метафорично – обраќа желудникот. На прошетки одиме ретко, мрзливец е и не оди никаде, и одвреме-навреме излегува на балконот, пушиме и гледаме тинејџери како во дворот во препотени маџици играат фудбал. Бреј, си помислив додека пушевме и тоа јас, кој никогаш не сум пушел: па пред неколку години дарував семе, кое очигледно е во длабок лед и според тоа мисловно неактивни. Значи има надеж да се појави некоја кандидатка за вештачко оплодување, и да ја одмрзнат мојата сперма, и ако се правилни моите хипотези, може да се отвори место за мојата свест и во неа и така од црниот дроб да се преселам во неа. Секако, ако повторно не ме дочека некакво бизарно изненадување и свеста автономно и суверено се активира и во мојата сперма и така со двата извора на мојата свест да имам post mortem дијалог, хм? Немам поим..., не знам што да мислам... ќе се мрдnam... само не во главата, што знам каде и како!!

Ако оваа моја хипотеза не дејствува и мојата свест и идентитетот и останатото од мене се стеснат во црн дроб, можам да сметам на уште една опција – да воспоставам контакт со ништото од материја, да се продлабочам научно во моите клетки и сопствените научни истражувања – навистина ме интересира која кариеристична хиена ги украда и сега мавта со нив по симпозиуми?! – и да ги искористам во спротивен правец, онака како што природата знае тајно да направи. Значи, здрава, амбициозна матична клетка да ја натерам засекогаш да остане млада, ако е спремна во бесконечност да се дели и така да ја репограмирам, таква глупава крава, да мутира и се претвори во матична клетка на ракот, која со сигурност ќе го

убие. Но, постои и друга можност, да изведам одбивање на имуносупресивните лекови, и типот ќе добие тешко воспаление и ќе го испрати во гроб. Но, се сетив – што ако ова не е сè и мојата форма на посмртниот живот е само една форма на човековиот живот и постои нешто такво мутаво какво што е кармата? Дали тоа значи дека со такво дејство – првин самоубиство и последично на тоа убиство – влијаам и на својата карма и така докрај ја уништам и во следниот живот влезам повторно во човечки живот, од кој се развие, да речеме, некоја вагина, на пример, чија сопственичка уште во росните години ќе се одаде на нискубуетна проституција, и потоа дневно низ мене да се трлаат десетици хигиенско и здравствено нездрави курови, или да се инкарнирам во усна слузница на некој поткуплив политичар или лигав адвокат, кои цел живот сум ги презирали. Така, во безмерен очај ме воодушевуваат само две мисли: првата, дека несреќата сум ја преживеал телесно, а мозочните повреди биле толку тешки, што сега на некое затворено одделение како собно цвеќе по цел ден бдеам, додека некаде во длабочината на неоштетените мозоци се одвиваат сите мисловни процеси, и дека има сценарио Б – можеби дури и В, или Г... виталност и креативност никогаш не ми недостасувале, по кои сум моментално во длабока кома, од која једен ден ќе се разбудам и потоа сè, повеќе или помалку, ќе биде во ред.

Порано се подбивав со изјавата дека надежта последна умира. Не, секогаш ги побивав паметните, надежта умира претпоследна, на крај, сосема на крај умира оној што се надева. И сега гледам дека има вистина во тоа. Јас кој сум формално мртов и неформално сум мешавина од свесен црн дроб, мене ми останува само надежта, затоа што останатото, како што изгледа цркнало или е сосема нефункционално.

Што знам каков е овој живот и каква е смртта! Каде и да се свртам и погледнам - мижење, логично дека не сум веќе способен, очигледно и не спијам, засега ми е јасно само едно: Не доаѓа крајот и не доаѓа...

Wątrobiec

*Translated by Regina Wojton
Contact of the translator: rwojton@gazeta.pl*

Gdybym tylko wiedział o tym wcześniej – nigdy nie podpisałbym tego cholernego formularza. Ale jako specjalista od życia – bo czym innym jest biologia, jeśli nie wiedzą o życiu – jakoś mało zajmowałem się możliwymi formami stanu pośmiertnego. W ogóle nie podejmowałem tego tematu – oprócz jednorazowych przypadków, gdy tak tylko dla żartu, wiadomo, żeby cokolwiek powiedzieć, przyszło mi się znaleźć w jakimś rozbawionym towarzystwie. Interesował mnie żywy organizm. Każdy głupi to wie, co się z nim stanie po ustaniu funkcji życiowych, kiedy z powodu roztoczy rozpoczęcie się proces rozkładu cielesnego albo, mówiąc prościej – gnicia. Do tego nie trzeba być ani naukowcem ani specjalistą. A że nie miałem zamiaru się rozpadać – mając świadomość wszystkich potencjalnych nieocenionych wartości żywej tkanki – podpisałem dokument mówiący o tym, że ofiaruję po mojej śmierci wszystko to, co pozostało ze mnie wartościowe i pożyteczne, a cała reszta ma być w przeciągu następnych dwóch godzin spalona w otchłani krematorium. Po śmierci, wiadomo, ale teraz to nie jest życie, śmierć też nie. O tym, w jakim dokładnie znajdują się stanie i co to oznacza, dałoby się napisać genialne dzieło naukowe, do którego nagrody przyklejałyby się same od siebie. Ale to, co było napisane na ten temat uprzednio, teraz jest już nieaktualne, bowiem mój stan zmienił się tak radykalnie, że jeszcze sam dobrze nie wiem, co mi się przydarzyło i ze względu na to wszystko wysnuwam zaledwie hipotezy.

A było to tak. Jechałem na międzynarodowe sympozjum naukowe, gdzie miałem wystąpić ze swoim wizjonerskim, żeby za dużo nie kręcić, genialnym artykułem na temat leczenia raka, poprzez wykorzystanie komórek macierzystych. Byłem podekscytowany na samą myśl o zbliżającej się chwili, kiedy ujawnię społeczności naukowców wnioski moich badań, którym przecież poświęciłem karierę i życie. Oprócz mnie, wynalazcy i naukowca, moje odkrycie poznali jeszcze dwaj technicy mojego laboratorium, którzy do momentu prezentacji wyników badań przysięgli milczeć niczym grób; pierwszy, hipochondryk, klął się, że jeżeli komukolwiek o tym choćby napomknie, zdrowe komórki w jego ciele zdziczeją i zacząną się jako zmutowane rozmnażać, drugi, członek Kościoła Baptystycznego, przysięgając położył prawicę na czarnym, spisanym na wołowej skórze Nowym Testamencie.

W środowisku naukowym szybkość ujawniania dokonań jest niezwykle ważna, ze względu na to, że mamy dostęp do tych samych informacji, sieć neuronów działa podobnie, rychło może się zdarzyć, iż badania doprowadzone do końca przetwarzanie informacji na szczurach i królikach doświadczalnych czy na potencjalnych ludzkich komórkach tkanek są potwierdzone, toteż brakuje tylko ujawnienia skrzętnie strzeżonych badań. Trzeba brać pod uwagę kogoś z podobnymi albo nawet takimi samymi wynikami. Bo wtedy buum – troskliwie nadmuchiwany balon pęknie w jednej chwili, a z nim w zapomnienie ulecą lata, żeby nie powiedzieć dziesięciolecia wyczerpujących eksperymentów, analiz oraz bezsennych nocy. Skutkiem czego został nadwyróżniony układ odpornościowy, ma się zrzucone zdrowie, żeby nie wspomnieć o rodzinnych i partnerskich nieporozumieniach – dodatkowej ofierze złożonej na ołtarzu nauki. I oto, gdy już się twoja utrudzona naukowa głowa uniżenie skłania, aby otoczyli ją aureolą za epokowe odkrycie cywilizacyjne, nagle odepchnie cię łokieć, którego ręka

zachłannie się wyciągne i sprzed oczu wydrze ci laurowy wieniec, a twój rywal nałoży go sobie na głowę. W taki oto sposób co najwyżej będziesz drugi, inaczej rzec ujmując, będziesz przegrany, zerem, nikim, a twoje nazwisko pojawi się, w najlepszym wypadku, gdzieś jakimś drobnym druczkiem. Przyznaję, jestem bezwzględnie ambitny i karierę zawsze stawiałem przed rodziną, związkiem partnerskim i całą resztą. Dla mnie karierowicostwo nie wydaje się być kwestią sporną; w końcu tylko taka dialektyka pomiędzy moim całkowitym oddaniem pracy a tak zwanym zaniedbywaniem rodziny pozwala zdobyć środki finansowe na stosunkowo wygodne życie. Prócz tego bez wątpienia, bez ambitnych wizjonierów, do jakich i ja należę, jeszcze dzisiaj zamiast za pomocą samochodów i samolotów, poruszalibyśmy się z miejsca na miejsce susami z gałęzi na gałąź; żeby nie wspomnieć przyjemności, jaką dają odkrycia naukowe. A jest ona, przyznaję z ręką na sercu, nawet lepsza od seksu, a przynajmniej dłużej trwa.

Kiedy w podróży ćwiczyłem moje wystąpienie przed wirtualną hieną międzynarodowego środowiska naukowego, nawet nie zauważylem, jak delikatna mżawka przeszła w ulewę. Mój refleks, gdy próbowałem prawie na pustej jezdni zmniejszyć prędkość, też odmówił mi posłuszeństwa. W taki oto sposób zniosło mnie na prawo, potem na lewo, rzucało mną wte i ewent, przypominam sobie jeszcze ostry zakręt i pisk opon. Wtedy na ekranie mojego życia urwał się film, a projekcja samoistnie przestawiła się na inny program. Na tym nowym kanale pojawiła się jakaś spirala DNA, owinęła się wokół mnie i kręciła mną w jakimś tunelu, przez który weźciem podróżowałem pomiędzy ogromnymi molekułami protein i nukleotydów, uciekającymi przed grubymi czerwono-żółtymi oktaedrycznymi wirusami. Spirala pchała się naprzód obok komórek, które żarłocznie mlaskając przeprowadzały procesy metaboliczne, dzieliły się, a niektóre z nich ginęły, aż na końcu tej metafizycznej cewki nie dojrzałem dobrego tuzina masy ogromnych komórek klujących się nawzajem. No tak! Morula – domyśliłem się. Wedle tej logiki, znalazłem się w ostatnim stadium genetycznego węża boy – dalej snułem rozważania – obecnie przebijam się przez blastocystę, z której przeistoczę się w morulę, a potem przyjdzie mi czekać tylko na ogromne świętiste ciało z czerwonawym środkiem. Zrozumiałem absolutnie wszystko: wracam tam, skąd przyszedłem – nie do Boga, nie do jakiejś kosmicznego świata, albo do czegoś podobnego, ale przez morulę wracam do zygoty – do zapłodnionego jajeczka, które czeka tylko na to, aby mnie wessąć. Potem zygota rozdzieli się na żeńską i męską część – w taki oto sposób moje życie się zakończy i po prostu więcej mnie nie będzie. Taka jest widocznie pośmiertna metafizyka u biologów – wstrząsnęła mną myśl – zamiast aniołów, bogów i łagodnej abstrakcyjnej światłości, my naukowcy biologowie, odchodzimy ku nicości poprzez tkankę komórkową. Szczerze – pomyślałem – nie mam zastrzeżeń. Niechaj ci, którzy wierzą w Boga, poprzeszana na swojej pośmiertnej geografii piekieł i niebos albo na pośredniej stacji tymczasowej nicości czekają do prawdopodobnego wtórnego zmartwychpowstania. Niech się inni reinkarnują w ludzi, rośliny, zwierzęta i minerały – my biolodzy i cała reszta, która nawet w najcięższych chwilach nie doprowadziła się do stanu, by klęcząc przed jakimś tam bogiem błagali o zdrowie i życie, targując się czymś w stanie bezdennej rozpacz z bezgraniczną transcendencją – my się deatomizujemy cielesnie i duchowo i w taki oto sposób kończymy żywot.

Ale niestety, nie było to takie proste. Łabędzi śpiew mojego procesu myślowego spowalniał się w trakcie przechodzenia przez blastocystę, a praźródło oddalało się coraz bardziej. Jest w tym jakaś siła – pra-siła, ale jaka? To ona zapewne tuż przed przeistoczeniem się z moruli w blastocystę, gwałtownie mną zakręciła i teraz to wiem, starła i przykleiła na już dyferencjonowaną linię listka

zarodkowego endodermy, z którego później miałyby się rozwinać organy wewnętrzne. Bo w jaki inny sposób, logicznie wnioskuję, mógłbym się znaleźć w tego rodzaju postaci bytu? Otóż w tejże nieokreślonej jednostce czasowej moja podróż się kończyła. Potem wszystko zupełnie pograżyło się w ciemności – gdybym w taki oto sposób spróbował oznaczyć tę fazę mojego, nie powiem: bytu, albo też i niebytu, wszak jeśli oczywiście w ogóle mówimy o ciemności jako takiej – kolorowym wyrażeniu nicości, a nie zupełnie absolutnej nicości, gdzie nie ma nic. Może jeszcze najbardziej odpowiednie byłoby określenie: pozabytowanie – że się tak filozoficznie wyrażę. Teraz mam czas na wywody myślowe tego rodzaju, choć do tej pory z nich się naigrywałem, a w głębi serca nimi gardziłem.

Nie widziałem żadnych operacji, żadnych chirurgów, którzy by się pochylieli nad moim martwym ciałem i po nim jeździli skalpelami i komukolwiek wstawiali przydatną część mojej cielesnej materii. Następne uświadczenie sobie, dokładniej rzec ujmując samouświadczenie – wszystko na to wskazuje, że specjalnie nic poza samouświadczeniem mi nie pozostało – utwierdziło się dopiero później. W międzyczasie musiało minąć jakichś dziesięć dni, których dla mnie jakby nie było. Jakoś tak nagle, o ile sobie dobrze przypominam, zdałem sobie sprawę, że jestem w szpitalu, mniej więcej na łóżku. „Gdzie ja jestem?” – taka była pierwsza myśl, która pojawiła się po ponownej aktywacji mojej świadomości. Wszystko na to wskazuje, że zdarzyło się nieszczęście, bo miałem wypadek a jednocześnie szczęście, bo najwyraźniej go przeżyłem. Czy to aby nie było szczęście połowiczne? Chwilę potem przerażony spontanicznie sprawdziłem stan moich kończyn. Tu po raz pierwszy załamałem się naprawdę. Dopiero w tej chwili zdałem sobie sprawę, że moja orientacja w przestrzeni jest jakoś zmieniona, że otoczenia doświadczam, ale kąt pod którym widzę rzeczy jest jakiś nieprawidłowy. Jeżeli leżę na łóżku, wnioskowałem logicznie, zatem musiałbym, kiedy otwieram oczy, najpierw zobaczyć ściany i sufit. Ale tak nie było; moja postrzeganie – może właściwsze byłoby pojęcie: roz-strzeganie – się przekrzywiło, podobnie jak, o ile dobrze sobie przypominam, przestrzeń w kosmosie. I jeszcze zanim, kiedy spróbowałem poruszyć głową, nogą i ręką, tuż obok mnie rozległo się chrapanie. Nawet nie obok mnie, chrapanie dochodziło z podejrzaniej bliskiej odległości, z czego wyłuszczyłem wniosek, że w pokoju, konkretnie na łóżku, nadal nie jestem sam. I jak wkrótce stwierdziłem, od tej pory tak już zostań. Swoje ręce i nogi jakoś tam czułem, a wkrótce oświeciło mnie, dlaczego nimi nie mogę poruszać. Ano dlatego, że w ogóle nie mam ani rąk ani nóg, że o głowie nie wspomnę. To straszne, ale zapewne minie, przemknęło mi przez myśl; w końcu z wszystkiego, co człowiek jest w stanie poczuć, nic nie jest prawdziwe. Percepcja procesu nerwowego, Bóg jeden wie, z jakiego powodu, skrywia i okalecza. Ze też to musiało się przydarzyć akurat mnie – temu, co odkąd sobie przypominam, przysięgał na rozum i zawsze dziwił się lenistwu i labilności tych, którymi życie miota niczym małą trawą morskie fale. Znalazłem się w stanie najbardziej podobnym psychozie. Nie, na to nie liczyłem, tego się nie spodziewałem. Utwierdziłem się w tym przekonaniu jeszcze bardziej, gdy do pokoju weszła pielęgniarka i skierowała się w moją stronę. W moją, nie tak dosłownie do mnie i potem gdzieś grzebała termometrem i wtykała go na zewnątrz mojego pola widzenia. *Kim jestem? Czym jestem?* – znowu gdzieś w głębi mnie się kotłowało, a zatem *Kotłowa kto co? Gdzie w sobie? Skąd? Jako kto to wszystko słyszę, myślę i obserwuję?* Zacząłem jeść, nie wiedząc, że i te kwestie w przyszłości pozostaną nie rozwiązane. Do czego przynależy ta moja masa myślowa, a z nią ja, moja tożsamość? Jaką materię ogarnął diabeł i strach, bo chyba to musi być jakaś materia, do jasnej cholery; przecież duchem nie jestem albo czymś innym? Dla mnie naukowca, którego pozostałości skondensowały się w jakimś naukowym fenomenie, tego było już zdecydowanie za wiele.

Siostra zmierzyła temperaturę, co wywnioskowałem po termometrze elektronicznym podniesionym przez nią ku jej szpiczastemu nosowi, tuż potem do sali wkroczyła wizyta lekarska. Wreszcie wybawienie – tu są moi koledzy po fachu, którzy przyszli mi wyjaśnić mój stan i powiedzieć, co ze mną będzie. No, oczywiście, o ile „naukowy” w ogóle jest odpowiednim określeniem dla kliniki, gdzie zwykle uprawia się leniwą i bezwstydnie rutynową praktykę, a prawdziwa nauka faktycznie mało kogo interesuje.

Ale odwiedzano kogoś zupełnie mi nieznanego z nazwiska i imienia, a kiedy chirurg owemu tajemniczemu osobnikowi zaczął wyjaśniać, że operacja się powiodła i że jego ciało dobrze przyjmuje nową wątrobę, uświadomiłem sobie, że oto jestem ugotowany niczym kasza. Albo dokładniej rzecz ujmując, po wypadku, że się tak metaforycznie wyrażę, została ze mnie nie mniej, nie więcej „rozgotowana kasza”, co specjalistów od transplantologii zapewne szczerze ucieszyło. Toteż prawdopodobnie błyskawicznie i bez oporów zdiagnozowali śmierć mojego mózgu, żywotność ciała podtrzymali za pomocą aparatury, żeby je potem wypatroszyć z nieuszkodzonych organów, pokieroszowaną rozmętlaną niczym rozgotowana kasza materię wedle moich wskazówek oddali do skremowania i ta już pewnie z szacunkiem została pogrzebana. Wątrobę, najprawdopodobniej wątrobę, przesadzili w mężczyznę, w którego ciele teraz ja też się znajduję w postaci nowej wątrobę.

Żyję, co wiem, w jakiś tam sposób, ale – co to w ogóle jest za życie?! – zacząłem pytać sam siebie, kiedy kilka dni później razem z moim gospodarzem przyjechaliśmy do domu. Nie powiem, że już przed tym, to znaczy w czasie prawdziwego życia, kiedy byłem ze swoim całym ciałem, nie słuchałem opowieści chirurgów, jak to po transplantacji organów raz po raz zjawiają się u nich pacjenci i potem kręczą i kręczą, zanim wreszcie nie wyduszą z siebie pytania, czy, co oni myślą, czy możliwe jest, że w przeszczepionym organie są jakieś wspomnienia dawcy. Mają bowiem poczucie, że z nimi żyje jeszcze ktoś, że zmienił im się gust, że piórka nożna, ich niegdyś zagorzalym kibicom, jest obojętna, że w palcach ich mierzi, żeby usiąść przy pianinie i coś zagrać, chociaż o muzyce nie mają pojęcia. Nie, nie jest to możliwe – zgodnie z doktryną wyjaśnia im specjalista i w tym samym zdaniu dodaje, że powinni się raczej cieszyć z nowego organu i w związku z tym z nowego życia, które w rzeczywistości dla nich oznacza ponowne narodziny, a jeżeli będą przestrzegali wszystkich zaleceń lekarza, potem będą wiedzieli piękne życie i jeżeli tylko będą mieli szczęście, wcale nie krótkie. Cóż innego mogliby powiedzieć? Nigdy nie miałem okazji dyskutować z jakimś uwięzionym w organie umysłem. A gdy teraz próbuję, nikt mnie nie słyszy, nawet jeśli mam wrażenie, że moje monologi nie są mniej głośne od prób prowadzonej sam na sam prezentacji podczas jazdy samochodem.

Teraz już wiem, że jeżeli podpisałem ów dokument dotyczący darowania organów, powiniensem postawić warunki dotyczące jego biorcy, ale teraz mogę sobie tę kartkę równie dobrze wsadzić do dupy! No, mógłbym, gdybym miał dupę, ale jej nie mam! Bo ten, w którego mnie wsadzili, moją wątrobą, a z nią i mnie, jest dla mnie, biorąc pod uwagę styl mojego dotychczasowego życia iwój światopogląd – który jeszcze posiadam! – uwłacza mojej godności i w zupełności jest nie do przyjęcia. Wpakowano mnie mianowicie w kompletnego kretyna, takiego, co to od rana do wieczora w kapciach szura po mieszkaniu, gapi się w telewizor, gada bzdury, które mój umysł naukowca bardzo ciężko znośi. Kiedy do słuchawki rozprawia o swoim samopoczuciu i o metodzie transplantacji, czasem najchętniej walnąłbym go, bo o podstawach biologii i medycyny nie ma zielonego pojęcia, lecz pojęcia naukowe wychodzą mu z ust niczym bobki z zasianej oślej dupy! W takich chwilach człowiek, a przynajmniej taki jakim jestem ja – ślad po człowieku czy też coś innego? – uświadamia sobie,

jacy jako ludzie jesteśmy różni i że bywają też dyletanci myślowi. Mieszkanie, które zajmuje razem z żoną, no, w którym teraz razem mieszkały, jest takie sobie całkiem całkiem. Nie oszczędzają też na jedzeniu, które ja oczyszczam jako jego wątroba razem z lekami immunosupresyjnymi. Tak, mógłby przynajmniej teraz, kiedy sytuacja go dotyczy i po operacji ma wolne dwadzieścia cztery godziny na dobę, coś przeczytać. Ale nie – ten głupek tylko przewraca się na kanapie i potem razem gapimy się na programy, o których istnieniu nawet nie wiedziałem. Typek jest, wszystko na to wskazuje, też maniakiem religijnym albo przynajmniej wyrachowanym religijnie kretyinem. Wierzy mianowicie, że ma za wszystko razem dziękować Bogu, dlatego codziennie oglądamy jakieś programy religijne, gdzie podobni mu maniacy pomiędzy wydzieraniem się machają to krzyżami, to mikrofonami. Jest przekonany, że Bóg usłyszał jego modlitwy i w odpowiednim czasie postarał mu się o nową wątrobę. Ale, czy ty, egoistyczny bydlaku, w ogóle zdajesz sobie sprawę – myśl sobie wiele razy – że twoje życzenie w stylu: *kochany Panie Boże, daj, postaraj się dla mnie o nową wątrobę*, zawierało niewyrażoną morderczą w zamiarach część, która brzmiała: *a że wątrobę w tej chwili jeszcze nie możemy hodować jak ogórków, jednocześnie Boże, pokornie proszę, niech ktoś umrze, żebym ja pozostał żywy*. Bo jeśli naprawdę istnieje coś takiego jak Bóg, który codziennie wysłuchaże własne marudne stworzenia i też spełnia ich życzenia, to w takim razie ten typek i jego Bóg faktycznie mnie zabil! Popaprani spekulanci!

Żona go z niezwykle wyrozumiałą litością wysłuchaże i obsługuje, a on jej opiekę przyjmuje jako oczywistą oczywistość, aczkolwiek ja z tego jej poświęcania się wnioskuję, że ona z owej martyrologii w pewien idiotyczny sposób też czerpie przyjemność. O ile zdążyłem się zorientować z jego marudzenia, powodem niedomagania jego wątrobę było zapalenie typu C, które, jak to tłumaczy całemu kosmicznemu stworzeniu, dziesięć lat temu złapał ponoć poprzez transfuzję krwi. Żona – jeszcze większa idiotka od niego – temu nawet wierzy – zamiast usiąść przy komputerze i wklepać w Google: „krwiodawstwo” i „zapalenie wątrob typu C”, by szybko się zorientować, że w cywilizowanych krajach naszej planety już od 1993 roku bada się każdą oddaną przez krwiodawców krew. Nie ma z nią stosunków seksualnych, ale kiedy siedzimy sami przed telewizorem, wali konia na widok jakiegoś dupiątego murzyna, a jeśli pojawiają się zbliżenia waginy, przełączamy program i znów szukamy tłustego penisa, który niczym wąż wie się żwawo między palcami wybrańca.

Człowiek nie wybiera sobie rodziców, a teraz już wiem, że także nie wybiera sobie potencjalnych cielesnych gospodarzy. Po udanych transplantacjach przy przestrzeganiu zaleceń lekarskich można przeżyć kilka długich lat i jeśli sobie pomyślę, że od tej pory jestem skazany na bycie w ciele tego przygrypa, w tym więzieniu skońzonego idiota, bez jakiegokolwiek możliwości wyjścia, co dopiero zmiłowania, że będę – wszystko na to wskazuje – do jego śmierci albo do jego następnego przeszczepu wątrobę?! – wysłuchiwał te idiotyczne zrzedliwe monolog – przewraca mi się w żołądku – metaforycznie oczywiście. Na spacery chodzimy rzadko, bo on leń, niemalże nie rusza z mieszkania, jeżeli już, to czasem wyjdziemy na balkon, opierając się o poręcz palimy papierosy i patrzymy na grających w piłkę na podwórku w przeoconych podkoszulkach nastolatków. Cholera jasna – pomyślałem sobie kiedyś w trakcie palenia, ja, który do tej pory nigdy nie palilem – przed kilkoma laty darowałem swoje komórki płciowe, które teraz są najprawdopodobniej głęboko zamrożone i myślowo też nieaktywne. Więc jest nadzieję, że pojawi się jakaś kandydata do sztucznego zapłodnienia, że moją spermę odmrożą i jeżeli moje hipotezy są prawidłowe, jest możliwość, że otworzy się w nich moja świadomość i w ten sposób z wątrobą w całości do nich się przeprowadzę. Chyba że – znowu

wstrząsnął mną dreszcz – zdarzy mi się jakaś nowa niezwykła niespodzianka, świadomość autonomiczne, suwerennie aktywizuje się w mojej spermie i czy w taki oto sposób będę miał swego rodzaju dialog *post mortem* pomiędzy dwoma źródłami swojej świadomości, czy co? Nie mam pojęcia... Zupełnie nie wiem, co mam myśleć... Jeszcze mi się w głowie pomiesza... Tylko nie w głowie, o czym wiem, ale w czym i jak!!

Jeżeli ta moja hipoteza się nie sprawdzi i zarówno moja świadomość jak i tożsamość oraz jeszcze te osobnicze fanaberie skurczą się w mojej wątrobie, mogę liczyć na jeszcze jedną opcję. W jakiś sposób nawiążę kontakt z tym swoim zerem cielesnej materii, na tym przykładzie zgłębię temat i dojdę do własnych wniosków naukowych. Ciekawe, która chora na karierę hiena je wykradła i obnosi się z nimi po sympozjach?! Wykorzystam to inaczej, tak jak codziennie instynktownie czyni to natura. Jakąś zdrową ambitną komórkę macierzystą podjudzę, obiecując jej, że na wieki wieków pozostanie młoda, jeżeli tylko gotowa jest dzielić się w nieskończoność, potem ją przeprogramuję tak, że ta głupia krowa się zmruży i zmieni w komórkę macierzystą raka, który tego typka wykończy na pewno. No, istnieje jeszcze inna możliwość, że udoskonałę technikę odrzucania immunosupresyjnych leków, z powodu czego tego typu dopadnie straszne zakażenie, by w końcu go doprowadzić do grobu. Ale potem – przeszły mnie dreszcz – co będzie, jeśli to nie wszystko i postać mojego pośmiertnego życia jest po prostu jedną z form ludzkiego bytu i rzeczywiście istnieje coś tak głupiego jak karma? W istocie to oznacza, że takim działaniem – najpierw samobójstwa a potem pośrednio śmierci – wpływanie jeszcze na swoją karmę i ją sobie jeszcze dodatkowo spartacę. A zatem, w przyszłym życiu czy też w przyszłej formie życia ucieleśnię się w jakiejś ludzkiej tkance, z której rozwinię się na przykład jakaś wagina, a jej właścicielka jeszcze w szczenięcych latach odda się taniej formie prostytucji i potem przeze mnie będzie się ślizać dziesiątki higienicznie i zdrowotnie podejrzanych kutasów? Albo przeistoczę się w śluzówkę ustną jakiegoś skorumpowanego polityka? W stanie skrajnej rozpaczy mam tylko dwie myśli: pierwsza, że wypadek cielesnie przeżyłem, że uraz mózgu jest tak poważny, że teraz na jakimś zamkniętym oddziale psychiatrycznym jako pokojowa roślinka siedzę całymi dniami, a w międzyczasie gdzieś w głębi nieuszkodzonego mózgu przebiegają wszystkie te moje procesy myślowe, jest też scenariusz B, może nawet E, nawet G... Sił vitalnych i kreatywności mi nigdy nie zabraknie – tymczasowo jestem w głębokiej śpiączce, z niej się kiedyś wybudzę i wszystko ponownie mniej więcej będzie w porządku.

Kiedyś śmiałem się z powiedzenia, że nadzieja umiera ostatnia. Nie – przy takich stwierdzeniach mądrków zbiąłem z tropu – nadzieja umiera przedostatnia. Na samym końcu, zupełnie ostatni, umiera ten, który tę nadzieję żywi. A teraz widzę, że to stwierdzenie nadal obowiązuje. Mnie, będącemu formalnie martwym i nieformalnie czymś w rodzaju świadomej wątroby, pozostaje zupełnie li tylko jeszcze nadzieja, bo całą resztę, wszystko na to wskazuje, diabli wzięli, albo jest całkiem bezużyteczna.

Skąd mam wiedzieć, jak to jest z tym życiem i z tą śmiercią! Gdzie się nie obróc i nie spojrzę – nie mogę ni zasnąć, ni się obudzić, logiczne jest, że samodzielnie nie żyję, najwyraźniej też nie śnię – teraz stwierdzam tylko jedno: nie ma końca, nie ma końca...

Печеночник

*Translated by Marianna Beršadskaja
Contact of the translator: marber2@rambler.ru*

Знай я обо всем заранее, я бы никогда не подписал этого документа. Ведь в качестве специалиста по жизни — а биология есть ничто иное, как наука о жизни — я очень мало занимался проблемами посмертного существования и вообще не позволял себе рассуждать на эту тему, разве что в какой-нибудь веселой компании, дабы посмешишь присутствующих.

Меня интересовал живой организм, а то, что происходит с ним после отказа его жизненных функций, когда из-за распада начинается процесс превращения массы тела в жидкость или, проще говоря, из-за гниения, это ясно каждому дураку. Для этого не нужно быть ни ученым, ни специалистом. А поскольку мне не хотелось, чтобы мое тело превращалось в жидкость, я, осознавая всю потенциально неоцененную значимость живой ткани, подписал разрешение использовать после моей смерти все то, что будетгодно к употреблению, а все негодное в течение двух часов уничтожить в пламени крематория.

Разумеется, это должно будет произойти после моей смерти, но то, что происходит сейчас, невозможно назвать жизнью, хотя и смертью это тоже нельзя считать. О том, чем на самом деле является мое нынешнее состояние и что все это означает, можно было бы написать блестящую научную работу, за которую — одна за другой — присуждали бы серьезные научные премии. Однако ранее написание такого рода работы было преждевременным, а теперь — стало запоздалым, ведь мое положение изменилось настолько деликатным и радикальным образом, что даже я сам по-настоящему не знаю, что со мной случилось, и имею на этот счет чисто гипотетические объяснения.

Дело было так. Я направлялся на международный симпозиум со своим сугубо научным и вместе с тем провидческим, говоря без обиняков, гениальным докладом о лечении рака путем перепрограммирования матричных клеток. Приближение момента, когда я смогу обнародовать результаты исследований, которым посвятил не только карьеру, но и всю свою жизнь, смогу поделиться ими с научной общественностью, вызывало во мне необычайное волнение. Кроме меня, автора и изобретателя, свидетелем моего научного открытия были только лаборанты, пообещавшие соблюдать молчание до моего публичного выступления; один из них, ипохондрик, дал клятву, что, как только он вякнет по этому поводу хотя бы слово, здоровые клетки его тела сойдут с ума и начнут делиться как сумасшедшие; второй, прихожанин баптистской церкви, дал обет молчания, возложив правую руку на Новый Завет, переплетенный в черную кожу.

В научной среде скорость играет очень большую роль. Поскольку всем нам доступны одни и те же источники информации, а нейронные сети действуют везде одинаково, может случиться, что ты уже довел свои исследования до конца. Обработка данных, полученных на лабораторных крысах, кроликах и — вполне возможно — человеческих тканях, подтвердила все твои предположения, единственное, чего тебе не хватает — это обнародования

тщательно скрываемых до поры до времени результатов, и вдруг неведомо откуда появляется кто-то с подобными, а иногда и с абсолютно такими же выводами и открытиями. И пффф — старательно надутый воздушный шарик может мгновенно лопнуть, а вместе с ним могут в клочья разлететься и кануть в реку забвения годы и даже целые десятилетия фундаментальных экспериментов и анализов, бессонных ночей, последствием которых становится ослабление иммунной системы, ухудшение состояния здоровья, не говоря уже о семейных и партнерских конфликтах, являющихся побочными явлениями абсолютной преданности науке. И вот — твоя усталая научная голова уже склоняется, дабы на нее надели лавровый венок за эпохальное в истории цивилизации открытие, но тут внезапно тебя грубо отталкивает чей-то локоть, а рука его владельца нагло тянется к лаврам и прямо на твоих глазах водружает их на свою черепушку. Вот так ты навсегда становишься вторым, или, точнее сказать, побежденным, нулем, ничтожеством, имя которого — в лучшем случае — будет напечатано где-нибудь петитом. Признаюсь, я был очень амбициозен и карьера для меня всегда значила больше, чем семья, партнерство и все прочее. Лично мне карьеризм никогда не казался чем-то негативным; в конце концов, именно эта взаимосвязь между моей полной преданностью науке и так называемым пренебрежительным отношением к семье обеспечивала этой самой семье в высшей степени комфортную жизнь. Несомненно и то, что не будь таких амбициозных фантазеров, как я, люди бы и сегодня, вместо того, чтобы передвигаться на автомобилях и самолетах, перепрыгивали с ветки на ветку, не говоря уже о наслаждении, которое доставляют научные открытия и которое — положа руку на сердце — является не менее сильным и гораздо более длительным, чем удовольствие от секса.

Управляя автомобилем и одновременно репетируя свое выступление перед виртуальной международной научной общественностью, я не заметил, что легкий моросящий дождь превратился в ливень, рефлекс, в соответствии с которым следовало сбросить скорость на довольно пустынной дороге, этот рефлекс тоже отказал. Поэтому в какой-то момент меня занесло вправо, потом влево, а затем стало швырять из стороны в сторону; из всего этого я запомнил только крутой поворот и пронзительный скрип тормозов, после чего картинка на моем жизненном экране исчезла и произошло самостоятельное переключение на другую программу. На этом новом канале появилась спираль ДНК, она тесно облепила меня со всех сторон и поволокла по тоннелю, в котором я в тисках генной змейки продвигался между громадными молекулярными протеинами и нуклеотидами, отступавшими перед толстым красно-желтым восьмигранным вирусом, проталкивался среди прожорливо причмокивающих метаболизирующих клеток; они делились и некоторые из них при этом умирали. Так было до тех пор, пока я не увидел в конце метафизической трубы дюжину гигантских клеток, громоздящихся друг на друге. Разумеется, это морулы, — осенило меня. В соответствии с этой логикой — начал я развивать свою мысль — я зажат в собственной змеевидной генетической спирали и сейчас пробиваюсь сквозь бластоциту, из которой попаду в морулу, за чем должна последовать только огромная светящаяся частица с красноватой сердцевиной. Мне все стало абсолютно ясно — я возвращаюсь туда, откуда появился: не к богу, не к какому-то космическому свету и чему-то подобному, но через морулу в зиготу,

в оплодотворенную яйцеклетку, которая ждет меня, чтобы всосать в себя. А потом зигота разделится на женскую и мужскую половые клетки и тогда моя жизнь закончится меня попросту больше не будет. Вот так выглядит посмертная метафизика у биологов, — осенило меня, — для нас нет ни ангелов, ни богов, ни абстрактного мягкого света, мы, ученые-биологи, отправляемся в пустоту сквозь первичную клеточную ткань. Логично, — подумал я, — вполне приемлемо. Пусть те, кто верит в бога, разбираются с посмертной географией ада и рая или на промежуточной остановке временного небытия ожидают обещанного воскрешения из мертвых; пусть другие превращаются в людей, растения, животных или минералы; мы — биологи и все те, кто даже в страшные минуты своей жизни не поддались искушению, преклонив колени перед каким-нибудь божеством, вымаливать у него здоровье или жизнь и торговаться по поводу извлеченной из отчаяния трансцендентальности — мы в отличие от них готовы деатомизироваться телесно и духовно и таким образом исчезнуть окончательно и бесповоротно.

Однако, к сожалению, все оказалось не так просто. Лебединая песня моего мыслительного процесса по мере продвижения по бластоциту становилась все глупее, а праисточник бытия постепенно удалялся. Какая-то сила, пра-сила или что-то еще перед самым переходом из бластоциты в морулу порывисто закружила меня и — теперь я это знаю — размазав, прилепила к уже дифференцированной линии зародышевых клеток энтодермы, из которых развиваются внутренние органы. Иначе я не мог — логически рассуждая — оказаться на такой ступени существования. В этом неопределенном промежутке времени мое путешествие закончилось и все охватила полная тьма, если можно говорить о тьме, ведь «тьма» — это только красочный синоним понятия «ничто», полного, абсолютного «ничто», в котором ничего нет, если попытаться обозначить нынешнюю fazу моего не то бытия, не то небытия, которое правильнее всего было бы назвать ино-бытием, если подойти к этому с философской точки зрения, ведь теперь у меня есть время для интеллектуальных размышлений подобного рода, над которыми я когда-то издавался и которые в глубине души презирал.

Я не видел никаких операций, никаких хирургов, склоняющихся над моим мертвым телом и шарящих по нему скальпелями, не видел, что кому-то пересаживают органы моего тела, еще пригодные к употреблению. В следующий раз сознание, точнее — самоосознание — ведь все свидетельствует о том, что от сознания у меня почти ничего не осталось — это самоосознание включилось гораздо позже. Должно было пройти дней десять, но для меня они как бы не существовали. И вдруг внезапно — я это хорошо помню — я понял, что я в больнице и, скорее всего, лежу на кровати. Где я? — была мысль, первой появившаяся в моем сознании после его вторичной активизации. Судя по всему, со мной произошло несчастье, а с другой стороны, мне посчастливилось — ведь я, несомненно, остался в живых. Однако я тут же почувствовал, что ни о каком «посчастливилось» не может быть и речи, буквально в следующий момент меня охватил ужас и я поспешил проверить состояние своих конечностей. И тут во мне впервые что-то всерьез надломилось. В этот момент я понял, что мое восприятие пространства значительно изменилось: хотя я и воспринимаю окружающую среду, однако угол зрения, под которым я ее вижу, отнюдь не является нормальным. Если я лежу на кровати, — рассуждал я,

— то, открыв глаза, прежде всего, должен увидеть стены или потолок. На самом деле все было иначе: мой взгляд — правильнее было бы сказать — мое поле зрения искривлялось подобно тому как — в моем представлении — искривляется пространство во вселенной. Прежде, чем я попробовал повернуть голову и пошевелить руками и ногами, совсем рядом со мной раздался храп. И даже не рядом со мной, храп исходил из подозрительно близкого объекта, из чего я заключил, что в комнате — более конкретно — на кровати я нахожусь отнюдь не в одиночестве. И как я вскоре понял, теперь так и будет. Правда, свои руки и ноги я в какой-то мере ощущал, но почему-то я не мог ими пошевелить, вскоре мне стало ясно почему — да потому, что ни рук, ни ног, не говоря уж о голове, у меня вообще нет. Разумеется, это наводит страх, но, вероятно, скоро пройдет, — подумал я, в конце концов, чего только не испытывает человек, но далеко не все это соответствует действительности, кроме самого неврологического процесса, по непонятным причинам искажающего и уродующего наше восприятие. Но чтобы и я — с тех пор, как себя помню, я всегда свято верил в силу разума и удивлялся лености и неустойчивости тех, кого жизнь швыряет из стороны в сторону словно море маленькие суденышки — чтобы я оказался в состоянии, очень похожем на психоз — нет, этого я не мог себе представить, этого я не ожидал. Это ощущение усилилось еще больше, когда в комнату вошла медсестра и направилась ко мне. Не знаю, насколько точным было это выражение «ко мне». Подойдя, она что-то делала с термометром, вскоре оказавшимся вне поля моего зрения. *Кто я? Что я из себя представляю?* — вертелся в моей голове все тот же вопрос, за ним последовали другие: *«Как он вертится? В чьей голове? Где он возник? В качестве кого я все это слышу, осмысливаю и наблюдаю?* — эти вопросы мучили меня, но тогда я не знал, что на них еще долго не будет ответа. К чему привязан мой мыслительный процесс и тем самым я сам, моя идентичность? К какой материальной основе? Меня охватили злоба и страх: какая к черту материальная основа, мать твою... но должна же она быть, ведь я не дух и не фантом... Для меня, научного работника, чьи останки превратились в некий научный феномен, все это было выше моих сил.

Сестра измерила температуру (это я заключил по электронному термометру, который она поднесла прямо к своему острому носу), сразу же вслед за этим в комнату вошли врачи. Наконец-то появляется спасение, ведь это мои коллеги, ученые, которые пришли ко мне, чтобы сообщить мне о моем состоянии, рассказать что со мной и что меня ожидает... Разумеется, учеными их можно назвать с натяжкой, вероятно, это определение не очень-то применимо к сотрудникам клиники, которые со временем начинают лениться, занимаются одной лишь рутинной практикой и не очень интересуются наукой.

Между тем визитеры, обращаясь ко мне, называли совершенно незнакомые мне имя и фамилию. Хирург начал объяснять таинственному владельцу этих имени и фамилии, что операция прошла успешно и что его организм хорошо воспринимает новую печень. Вот тут-то я понял, в какую историю влип. Вероятно, после аварии от меня осталось сплошное месиво, что очень обрадовало трансплантологов, которые быстренько и без всяких сомнений констатировали смерть моего мозга, а то, что осталось невредимым, какое-то время поддерживали с помощью аппаратуры, дабы употребить эти органы для пересадки. Остальное

— в соответствии с моими завещательными распоряжениями — передали в крематорий и, скорее всего, захоронили урну с прахом достойным образом. Печень (как минимум печень) пересадили мужчине, в теле которого я сейчас и нахожусь в статусе его нового органа.

Вместо «нахожусь» можно сказать «живу», в какой-то мере это будет правильно, только разве это жизнь?! Я стал задаваться этим вопросом, когда мы вместе с моим владельцем через несколько дней вернулись домой. Надо сказать, что еще до аварии, то есть в своей настоящей жизни, обладая здоровым полноценным телом, я слышал от хирургов о том, что после трансплантации органов к ним иногда заявляются пациенты и долго ходят вокруг да около, пока, наконец, не выдавят из себя вопрос, дескать, не думаете ли вы, что в пересаженном органе сохраняются какие-то воспоминания донора, поскольку им, реципиентам, кажется, что в них живет еще кто-то, что у них изменились пристрастия, что они — в прошлом рьяные болельщики — после операции стали абсолютно равнодушны к футболу, что их так и тянет сесть за рояль и сыграть какую-то пьесу, хотя о музыке они не имеют ни малейшего понятия? Нет, это невозможно, — в соответствии с научной доктриной отвечают им специалисты и тут же добавляют, что вместо того, чтобы задавать лишние вопросы, им нужно радоваться приобретению нового органа и связанной с этим новой жизни, означающей для них второе рождение; если они будут выполнять все рекомендации врача, то будут жить очень хорошо, а если повезет — то и долго. Что другое они могли им сказать? Ведь у них никогда не было возможности дискутировать с интеллектом, поселившимся в отдельном органе, ведь, судя по моим впечатлениям, меня тоже никто не слышит, хотя мне кажется, что мои монологи по громкости ничуть не уступают тем, которые я произносил в автомобиле, готовясь к презентации.

Теперь я знаю, что, соглашаясь на использование моих органов, я должен был сформулировать свои требования по отношению к их получателю, только какой от этого прок? Теперь мне не остается ничего другого, как только засунуть этот самый документ вместе с прилагающимся к нему формуляром себе в задницу. Разумеется, это было бы неплохо, если бы у меня была задница, но ведь у меня ее нет! Ведь тот, в кого меня пересадили, то есть пересадили мою печень, и тем самым и меня, является для меня, моего образа жизни и моего мировоззрения — ведь оно у меня сохранилось — оскорбительным и совершенно неприемлемым.

Меня пересадили абсолютному кретину, который с утра до вечера слоняется по квартире в шлепанцах, плятится в телевизор и несет вздор, невыносимый для моего ученого ума. Когда он по телефону рассказывает собеседнику о своем самочувствии и методах трансплантации, мне хочется стереть его в порошок, ведь у него нет ни малейшего понятия об основах биологии и медицины, а научные термины вылетают из его рта, как катышки помета из засранной задницы осла!

В такие минуты человек, даже такой как я — жалкие остатки человека — понимает, насколько различны люди и как лениво мышление некоторых из них. Квартира, в которой он живет вместе с женой, ну да, в которой мы все вместе живем — отнюдь не скромная, на еде они тоже не экономят, я это знаю, поскольку мне в качестве его печени приходится на пару с

иммуносупрессивными препаратами перерабатывать поглощаемые им продукты. Он мог бы, по крайней мере сейчас, после операции, когда в его распоряжении целых двадцать четыре часа в сутки, прочесть хоть что-нибудь. Но нет, болван валяется на диване и мы вместе смотрим какие-то программы, о существовании которых я вообще не подозревал. Этот тип, судя по всему, помешался на религиозной почве или как минимум — рассчитывает на помощь религии. Дело в том, что он верит, что за все произошедшее должен быть благодарен богу, поэтому мы ежедневно смотрим религиозные программы, во время которых участвующие в них маньяки орут во все горло, размахивая крестами и микрофонами. Он убежден в том, будто бог услышал его молитвы и поэтому своевременно достал для него новую здоровую печень. Неужели же ты, тупой эгоист, не понимаешь, — частенько думаю я — что твоя просьба — дорогой Господь, молю тебя, достань мне новую печень — что эта просьба содержала в себе невысказанную просьбу об убийстве, которую можно было бы озвучить следующим образом: поскольку пока мы не умеем выращивать печенки как огурцы, никакие прошу тебя, Господь, пусть кто-нибудь умрет, чтобы я остался в живых. Ибо, если действительно существует нечто, подобное Богу, ежедневно выслушивающему просьбы своих созданий и исполняющему их желания, тогда этот тип и его Бог фактически убили меня! Гнусные спекулянты!

Жена выслушивает его и ухаживает за ним с непонятным мне милосердием, а он считает ее заботы чем-то само собой разумеющимся, но в ее самопожертвовании мне видится какой-то идиотский способ извлечения удовольствия. Как мне удалось понять из его жалоб, причиной гибели его печени стал гепатит С, который он — по крайней мере он так излагает это всем и каждому — подцепил десять лет назад при переливании крови. Жена — еще большая дура, чем он — верит этому, вместо того, чтобы сесть за компьютер, набрать в Google «переливание крови» и легко и быстро узнать, что во всех цивилизованных странах нашей планеты с 1993 года производится тестирование всей донорской крови. Половых контактов с ней у нас нет, зато когда мы с ним остаемся вдвоем, он проявляет несомненный интерес к сценам, в которых герой обрабатывает какого-нибудь толстозадого негра, а вот при появлении на экране крупного плана вагины хозяин моей печени тут же переключает программу в поисках толстого змееподобного члена, извивающегося между пальцами своего владельца.

Человек не выбирает не только родителей, но и — как мне теперь известно — реципиентов своих органов. Время жизни после успешно проведенной трансплантации при соблюдении рекомендованного врачами режима может растянуться на долгие годы, и при одной только мысли о том, что отныне я осужден на существование в теле этого идиота, в этой тюрьме строгого режима без какой бы то ни было перспективы освобождения из нее, не говоря уж об амнистии, при мысли о том, что я буду — судя по всему — до самой смерти или до новой пересадки печени — бесконечно выслушивать его идиотские ворчливые монологи, у меня — разумеется, метафорически — подступает к горлу тошнота.

На прогулку мы выходим редко, ибо он, лентяй, почти не вылезает из квартиры, а если периодически выходим на балкон, то курим, прислонившись к ограде, и наблюдаем за подростками в пропотевших майках, гоняющими во дворе мяч. Мать твою, — подумал я как-то во время такого перекура, — это происходит со мной. Никогда до этого ни курившим! А

ведь несколько лет назад я сдал на хранение свою сперму, которая, скорее всего, находится в состоянии глубокой заморозки, то есть интеллектуально и физически пассивна. Но ведь остается надежда, что появится какая-нибудь кандидатка на искусственное оплодотворение и тогда мою сперму разморозят и — если моя гипотеза верна — место для моего сознания найдется в этих клетках, так что я смогу переселиться в них из печени. Если только — я содрогаюсь от ужаса — судьба не преподнесет мне очередной необычный сюрприз и мое сознание — автономно и уверенно — не активизируется и в моей сперме и тогда начнется посмертный спор между двумя носителями моей духовности. Вероятно, существует и такая возможность? Понятия не имею... вообще не представляю, что по этому поводу надо думать... В конце концов у меня все перемешается... вот только не в голове, а черт знает в чем и как!!

Если же моя гипотеза не работает и мое сознание, моя идентичность и все прочие личностные прибамбасы сконцентрированы в моей печени, тогда я могу рассчитывать на другой вариант — мне нужно каким-то образом установить контакт с пятой спицей в колеснице биологической материи; придется полностью погрузиться в себя на клеточном уровне, погрузиться как ученному в собственные научные открытия (мне очень интересно, какая озабоченная карьерой гиена присвоила их и теперь хвастается ими на симпозиумах?) и использовать их в обратном направлении, так как это ежедневно рутинно совершают природа. Следовательно, мне надо подговорить какую-либо амбициозную матричную клетку на веки вечные оставаться молодой и безостановочно делиться, перепрограммировать ее так, чтобы эта тупая корова мутировала и превратилась в матричную раковую клетку, которая в конце концов и угробит этого типа. Кроме того, существует и другая возможность: усовершенствовать технику отторжения иммуносупрессивных препаратов, вследствие чего у мужика начнется заражение, которое и сведет его в могилу. Но потом меня осеняет — а что, если это еще не все и нынешняя форма моего посмертного существования — это всего лишь один из вариантов человеческого бытия и что на самом деле существует такая идиотская вещь, как карма? Не будет ли это означать, что такими поступками — самоубийством и вызванным им убийством — я влияю на свою карму и настолько ухудшаю ее, что в следующей жизни, точнее в одном из ее вариантов, я имею шанс превратиться в клетку, из которой разовьется вагина, чья обладательница в весьма юном возрасте займется дешевой проституцией, в результате чего в меня ежедневно будут вторгаться десятки членов, не соответствующих требованиям гигиены и здорового образа жизни. Или я превращусь, например, в слизистую оболочку рта какого-нибудь продажного политика или слюнявого адвоката — людей, к которым в своей прежней жизни испытывал абсолютное презрение. Иногда, в минуты крайнего отчаяния, у меня возникают еще две мысли: первая о том, что пережитая физически авария привела к таким нарушениям, из-за которых меня как овощ держат в психушке закрытого типа, где я ожидаю выхода из этого состояния, в то время как в глубине неповрежденного мозга протекают все названные выше мыслительные процессы. Существует также сценарий А, может, быть, даже Б, пожалуй, еще и В... витальности и креативности во мне всегда было предостаточно... Так вот по одному из этих сценариев в данный момент я нахожусь в глубокой коме, из которой когда-нибудь выйду и потом все снова буду — в большей или меньшей степени — в порядке.

Когда-то я высмеивал утверждение: надежда умирает последней. Нет, — возражал я подобным умникам, — надежда умирает предпоследней, в самом конце, совсем последним умирает тот, кто надеялся. А вот теперь я вижу, что они правы. У меня, того, кто формально мертв и фактически существует в виде обладающей сознанием печени, у меня не осталось ничего, кроме надежды, ибо все остальное, похоже, либо сдохло, либо является абсолютно нефункциональным.

Откуда мне знать, что такое жизнь и что такое смерть. Как ни поверни и как ни посмотри — закрыть глаза я, естественно, не в состоянии, спать — тоже; сейчас я могу констатировать только одно: конца нет и в помине.

Печёночник

*Translated by Aleksandra Krasovets
Contact of the translator: aleksandrakrasovets@yahoo.com*

Знал бы я заранее, ни за что не подписал тот чертов формуляр. Но как специалист в области жизни — как еще можно назвать биологию, как не наукой о жизни — я вскользь посвятил себя вопросу о вероятности посмертного существования, ну а в общем-то что-либо прогнозировать на эту тему я никогда не осмеливался — шутки в веселой компании здесь не в счет. Меня интересовал живой организм, что с ним происходит после остановки работы витальных функций, когда из-за микроорганизмов начинается процесс превращения тела в жидкость, или, проще говоря, гниения, что и каждому идиоту понятно. Для этого не нужно быть ни ученым, ни специалистом. И так как я не хотел быть подверженным процессу превращения в жидкость, осознавая всю потенциальную ценность живой ткани, подписался, что после моей смерти все, что от меня останется ценного и годного, я даю в дар, а остальное завещаю пламени крематория, которое за пару часов сделает свое дело. После смерти, само собой разумеется; но то, что сейчас происходит, это не жизнь, но и не смерть вовсе. О том, чем точно является это мое состояние и какое значение оно имеет, можно было бы написать блестящий научный труд, награды бы сыпались сами собой. Однако, если раньше писание о чем-либо подобном было бы преждевременным, то сейчас уже слишком поздно, поскольку состояние мое подверглось настолько деликатным и радикальным изменениям, что я и сам еще как следует не понимаю, что же со мной приключилось, и относительно всего происходящего располагаю пока лишь только гипотезами.

Дело обстояло так. Со своим научным, и не каким-нибудь, а не иначе, как провидческим, да что там, просто гениальным докладом о лечении рака с помощью перепрограммирования стволовых клеток я уже был в пути на международный научный симпозиум. Из-за приближения того самого момента, когда бы я наконец-то раскрыл научной общественности результаты своих исследований, которым посвятил карьеру и жизнь, я пребывал в чрезвычайном возбуждении. Помимо меня, автора и изобретателя, о моем научном открытии знали лишь два моих лаборанта, которые до моей официальной презентации дали обет молчания: один из них, ипохондрик, поклялся, что в тот самый момент, когда он об этом хоть только заикнется, здоровые клетки его организма взбесятся и начнут как помешанные множиться, второй, приверженец баптистской церкви, дал клятвенное обещание, положив правую руку на Новый завет в переплете из черной телячьей кожи.

В научном общежитии скорость очень важна, поскольку, с учетом того, что у нас у всех имеется доступ к одной и той же информации и что нейронные сети работают у всех схожим образом, все может очень быстро измениться, прежде чем доведешь исследование до конца, и вот обработанные данные на лабораторных крысах и куницах, и, возможно, даже на человеческих клеточных тканях подтверждены, все, что остается, это только раскрыть заботливо скрываемые итоги, как смотришь, неизвестно откуда уже появится кто-нибудь

с похожими, если не с точно такими же результатами. И ба-бах – заботливо надуваемый воздушный шар в одну секунду лопнет, и вместе с ним пойдут коту под хвост годы и годы, если не десятилетия утомительных экспериментов и анализов, бессонных ночей, последствие которых ослабленный иммунитет, подорванное здоровье, я уж не говорю о семейных и супружеских неурядицах, которые в качестве сопутствующего ущерба возникают при абсолютной преданности науке. И на тебе – твоя уставшая голова ученого уже смиленно склоняется, чтобы на нее возложили лавровый венок за эпохальное открытие в истории цивилизации, как вдруг жесткий локоть грубо отталкивает тебя в сторону, жадно протягивается рука и у тебя на глазах вырывает венок, который соперник твой водружает себе на череп.

Так ты навсегда остаешься вторым, или, другими словами, поверженным, нулем, никем, чье имя в лучшем случае появится в какой-нибудь мелкой печати. Признаюсь, я всегда был очень амбициозным и карьеру ставил впереди семейной жизни, супружеской и всего остального. По мне так в карьеризме нет ничего спорного; и к тому же именно такого рода диалектика моей абсолютной преданности работе и так называемого пренебрежения семьей финансово обеспечила последней вполне комфортную жизнь. Кроме того, бесспорным остается тот факт, что без амбициозных провидцев вроде меня, вместо автомобилей и самолетов мы бы и сегодня перемещались при помощи прыжков с ветки на ветку, я уже не говорю об удовольствии, которое тебе доставляют научные открытия и которое, положив руку на сердце, как минимум равносильно сексу, но а самое главное – длится оно дольше.

Когда за рулем автомобиля я репетировал свое выступление перед виртуальным цветником международной научной общественности, я даже не заметил, как мелкий дождик перешел в настоящий ливень, а рефлекс сбавить скорость, пусть и на достаточно свободной дороге, почему-то не сработал. Так в одно мгновение меня занесло вправо, а потом влево, метало из стороны в стороны, затем я помню лишь резкий поворот и скрежет тормозов, когда на моем жизненном экране картинка оборвалась и проекция автоматически переключилась на другую программу. На этом новом канале появилось нечто вроде спирали ДНК, она тесно обвила меня и закружила по какому-то туннелю, в тисках генной змеи я начал свое путешествие по нему среди гигантских молекул протеинов и нуклеотидов, уступающих дорогу толстым красно-желтым восьмигранным вирусам, я толкался вперед мимо клеток, которые, жадно чавкая, метаболизировались, делились, некоторые из них подыхали, и все это до тех пор, пока в конце этой метафизической трубы я не увидел массу, в которой как минимум дюжина гигантских клеток терлись друг об друга. Ну конечно, это же морула! – озарило меня. По всей логике вещей, развивал я мысль, сдавленный собственным генным удавом, в данный момент я пробиваюсь сквозь бластоциту, из которой перейду в морулу, а после нее следует ожидать встречи с огромным светящимся тельцем с красноватой сердцевиной. Мне стало все абсолютно ясно: я возвращаюсь туда, откуда пришел – ни к богу, ни в какое-нибудь космическое свечение или нечто в этом роде, но через морулу в зиготу – в оплодотворенную яйцеклетку, которая только и ждет, чтобы меня засосать, а затем зигота разделится на мужскую и женскую части, и таким образом моя жизнь закончится, меня просто-напросто больше не будет. Так значит выглядит эта самая посмертная метафизика у биологов, меня осенило – вместо ангелов, богов и абстрактного божественного света мы, ученые-биологи,

отходим в ничто сквозь первичную клеточную ткань. Все честно, подумал я, никаких замечаний не имею. Пусть те, кто верят в бога, отправляются в посмертную географию преисподней и небес или же на промежуточной остановке временного ничто ожидают возможное повторное воскресение, пусть другие будут реинкарнированы в людей, растения, животных и минералы, мы, биологи и все остальные, которые даже при самых страшных испытаниях не поддались искушению того, чтобы на коленях у какого-нибудь там бога выклянчивать здоровье и жизнь, а также торговаться за некую трансцендентальность, притянутую за уши ввиду бездонности отчаяния, мы же должны распасться на атомы телесно и духовно и таким образом полностью и окончательно исчезнуть.

Но, к сожалению, все было не так-то просто. Лебединая песня моего мыслительного процесса при проходе через бластоциту начала замедляться, первооснова же все больше отдаляться. Некая сила – прасила, или что там еще? – перед самым входом в морулу в бластоците начала меня резко вертеть и, теперь я это точно знаю, затерла и прилепила на уже дифференцированную линию герминальных клеток эндодермы, из которых развиваются внутренние органы. Иначе каким еще образом, делаю я логическое заключение, я смог оказаться в такой форме существования? В этой неопределенной временной единице мое путешествие неким образом закончилось и все вокруг потемнело – если вообще можно говорить о темноте, так как темнота – это лишь цветовое выражение ничто, а именно полного, абсолютного ничто, в котором ничего нет, если уж я попробую обозначить эту фазу моего, не скажу, существования, но и не несуществованием его не назовешь – возможно, наиболее подходящим выражением было бы вне-существование, если выразиться немного философски, так как сейчас в моем распоряжении достаточно времени для подобного рода пространных размышлений, столь презираемых и высмеиваемых мной когда-то.

Никаких операций я не видел, никаких там хирургов, которые бы склонялись над моим мертвым телом, копошились бы в нем своими скальпелями и кому-нибудь бы вставляли годную часть моей телесной материи. Последующее осознание, точнее самоосознание – все говорит о том, что кроме самоосознания мне мало, что осталось – включилось лишь спустя некоторое время. Между тем должно было пройти дней десять, которые для меня вроде как не существуют. Как вдруг, помню, я осознал себя находящимся в больнице, а точнее где-то в районе больничной койки. Где я? – возникла мысль, первой выстрелившая после повторной активации моего сознания. Все указывает на то, что мне не повезло и я попал в аварию, но в то же время повезло, так как я, по всей видимости, выжил. Или же это вовсе не была удача, уже в следующую секунду ужаснулся я и спонтанно начал проверять состояние своих конечностей. Здесь возникла первая серьезная проблема. Лишь в этот момент я осознал, что мое ощущение пространства несколько изменилось, что все окружающее я некоторым образом узнаю, но моя зрительная перспектива совсем не такая, какой должна быть. Если я лежу на постели, сделал я логический вывод, то, когда открываю глаза, в первую очередь я должен видеть стены и потолок. Но все было не так, угол моего зрения – возможно, более подходящим было бы выражение обзор! – был искривлен, на подобии того, как я себе это представляю, кривится пространство в космосе. И прежде чем я попробовал зашевелить головой, ногой или рукой, прямо возле меня раздался жуткий храп. Даже не возле меня, храп происходил из

подозрительно тесной близости, из чего я сделал вывод, что в комнате, а точнее на кровати, я вовсе не один. И как я выяснил в скором времени, теперь это так и останется. Свои руки и ноги я некоторым образом ощущал, но почему я не мог ими шевелить, однако, мне совсем скоро стало ясно: потому что ни рук, ни ног, я уже не говорю о голове, у меня просто нет. Ужасающее, но по всей вероятности это пройдет, подумал я; в конце концов, что только человек, бывает, не чувствует, реальный же из всего этого только сам неврологический процесс, который, ввиду лишь богу известных причин, искачет и уродует восприятие. Подумать только, что и я, который, сколько себя помню, преклонялся перед разумом и всегда удивлялся лени и лабильности тех, кого жизнь бросает из стороны в сторону как море маленькую барку, подвергся такому состоянию, больше всего похожему на психоз – нет, на это я никак не рассчитывал, этого я ожидал меньше всего. Данное ощущение еще только больше укрепилось, когда в палату вошла медсестра и направилась в мою сторону. В мою сторону, но не буквально ко мне, и затем что-то там копалась с градусником и втыкала его вне поля моего зрения. Кто я? Что я? – снова начал ворошить я мысли в глубине себя, только вот *Ворошить мысли в качестве кого? Где в себе? Откуда? В качестве кого я все это слушаю, думаю и наблюдаю?* – начал грызть я себя, не зная, что и в будущем эти вопросы останутся без ответа. К чему эта моя мысленная масса и тем самым собственно я, моя идентичность, прикреплены? К какой материи, на меня напали бешенство и страх, ведь какая-то материя, черт подери, должна же быть, ведь не дух же я или что-нибудь в этом роде? Для меня, ученого, чьи остатки уменьшились до некого научного феномена, это было уже совсем чересчур.

Медсестра измерила температуру, о чем я смог сделать вывод благодаря электронному термометру, который она поднесла к своему острому носу, как сразу после этого в палату прибыли посетители. Наконец-то спасение, здесь мои научные коллеги, которые пришли просветить меня насчет моего состояния и рассказать, что и как со мной дальше будет – ну, конечно, если только «научный» является подходящим словом для клиник, которые с годами становятся все ленивее и лишь только еще волокут свою высокомерную рутинную практику, наука же их интересует чертовски мало.

Однако пришедшие обращались ко мне по абсолютно неизвестным мне имени и фамилии, и, когда хирург таинственному их носителю начал пояснять, что операция прошла успешно и что его тело благополучно приняло новую печень, тогда я осознал, что я в дерьме. Или точнее сказать, что после аварии от меня, если выражаться метафорически, осталось более или менее одно лишь месиво, что искренне обрадовало специалистов по трансплантологии, по всей видимости, они быстро и без особых колебаний диагностировали смерть мозга, тело искусственно поддерживали аппаратами еще некоторое время, необходимое для того, чтобы извлечь из него уцелевшие органы, выпотрошенную же кашеподобную материю по моим же указаниям отдали для кремации, и сейчас она уже по всей вероятности достойным образом погребена. Печень, как минимум печень была пересажена в особь мужского пола, в чьем теле я сейчас в качестве его новой печени и нахожусь.

Я живу, некоторым образом, что я еще могу сказать, но – жизнь ли это?! начал я задаваться вопросом, когда несколько дней спустя вместе с хозяином мы прибыли домой. Я не утверждаю, что уже до этого, то есть во время своей настоящей жизни, когда я был я со своим целым

телом, я не слышал историй хирургов про то, как после трансплантации органа иногда к ним заходят пациенты и все мнутся и мнутся, пока наконец не выдавят из себя вопрос, якобы, что вы думаете, возможно ли, чтобы в пересаженном органе могла сохраниться какая-нибудь донорская память, так как у них создается впечатление, что с ними живет еще кто-то, что у них, например, изменился вкус, что футбол их, некогда страстных болельщиков, после операции оставляет необъяснимо равнодушными, или же их так и подмывает сесть за пианино и сыграть что-нибудь, даже если о музыке они не имеют ни малейшего понятия? Нет, невозможно, в согласии с доктриной поясняет им наука и в том же предложении добавляет, пусть они лучше радуются новому органу и связанной с ним новой жизни, которая для них на самом деле не иначе, как повторное рождение, и если они будут следовать всем предписаниям врачей, то будут жить хорошо, а если еще и повезет, то даже долго. Что еще они могут сказать? Им никогда еще не доводилось дискутировать с каким-нибудь умом, пригожденным к внутреннему органу, да и как, ведь насколько показывает мой теперешний опыт, меня никто не слышит, хотя и создается впечатление, что монологи мои нисколько нетише моего сольного репетирования презентации за рулем автомобиля.

Сейчас я знаю, что, если уж я удосужился подписать документ о дарении органов, то непременно должен был оговорить условия об их приемнике, так как сейчас эту карточку вместе с формулляром я могу засунуть себе в задницу! Ну, в общем, мог бы, если бы у меня была задница, но ее у меня нет! Так как этот, в которого меня пересадили, мою печень и тем самым меня, для меня, для моего стиля жизни, которым я жил, и для моего мировоззрения – последнее еще у меня имеется! – является оскорбительным и абсолютно неприемлемым. А пересадили меня в полного кретина, который с утра до вечера шаркает в шлепках по квартире, плятится в телевизор, порет полную чушь, да такую, что мой научный ум с трудом ее переносит. Когда он по телефону рассказывает о своем состоянии здоровья и методе трансплантации, иногда мне так и хочется дать ему оплеуху, потому что об основах медицины и биологии у него нет ни малейшего понятия, а научные термины вылетают из его глотки как пули из обосранной ослиной задницы! В такие моменты человек, даже такие, как я – след человека или что еще? – осознает, насколько мы люди все разные и какие мысленные лентяи некоторые из нас. Квартира, в которой он живет вместе с женой, ну в общем, в которой мы сейчас все вместе живем, совсем даже не скромная, точно так же не скрупятся они на еде, которую я в качестве его печени и иммунодепрессанты – вместе очищаем. По крайней мере сейчас, когда ситуация такова и в его распоряжении двадцать четыре часа, он мог бы хоть что-то прочитать. Но нет, идиот валяется на диване, и потом мы вместе плятимся на программы, о существовании которых я даже не подозревал. Тип, похоже, помешан на религии или как минимум на ней спекулирует. Так, он верит, что за все случившееся он должен быть благодарен богу, поэтому каждый день мы с ним смотрим некие религиозные программы, в которых маньяки среди кошмарных криков машут крестами и микрофонами. Он уверен, что бог услышал его молитвы и вовремя обеспечил его новой печенью. Ты вообще осознаешь, эгоист дебильный, в тысячный раз думаю я, что твое желание: *дорогой бог, дай, позабочься о моей новой печени*, включало невысказанную часть, суть которой – убийство и которая гласит: *а поскольку печень мы пока не можем выращивать как какие-нибудь огурцы, то я тебя, бог, смиренно прошу, пусть*

кто-нибудь умрет, чтобы я мог жить. Так как, если в действительности существует нечто подобное богу, которыйаждодневно выслушивает созданный им мир жалобщиков и также исполняет их желания, то в таком случае этот тип и его бог меня и правда убили! Подлые спекулянты!

Жена его выслушивает с непонятным чувством понимающей жалости и обслуживает, он же ее заботу воспринимает как нечто само собой разумеющееся, однако, по этой ее жертвенности я смог понять, что от своего мученичества она каким-то идиотским образом еще и получает удовольствие. Насколько мне удалось разобрать из его притчаний, причиной проблем с печенью якобы был гепатит С, который он, как он объясняет всевышнему, подцепил десять лет назад во время переливания крови, во что жена, которая еще большая дура, чем он, даже верит, вместо того чтобы сесть за компьютер и забить в гугл донорство крови и гепатит С и, не теряя много времени, выяснить, что в цивилизованных странах нашей планеты с 1993 года вся донорская кровь тестируется. Половых отношений у нас с ней нет, поэтому, когда мы одни, мы его себе слегка поглаживаем перед телевизором во время однообразных движений какого-нибудь чернокожего обладателя круглых ягодиц, при крупных планах влагалища мы переключаем на другую программу и снова ищем толстый, змееподобный член, энергично извивающийся между пальцами хозяина.

Человек не выбирает своих родителей, но теперь я знаю, что своих телесных хозяев он тоже не выбирает. Срок жизни после успешной трансплантации при соблюдении рекомендуемого режима может составлять несколько долгих лет, и стоит мне только подумать, что я теперь обречен на существование в теле этого придурка, в этой тюрьме закрытого типа без какой-либо возможности улизнуть, я уже не говорю о помиловании, и все указывает на то, что я буду до самой его смерти или до следующей операции по пересадке печени?! – выслушивать идиотские монологи нытика, то меня – метафорически конечно – начинает воротить. На прогулки мы ходим редко, так как он, лентяй, из квартиры почти не вылезает, единственным исключением является балкон, на который время от времени мы выползаем, облокотившись на ограду, курим и наблюдаем за подростками, которые в потных майках пинают во дворе мяч. Черт подери, подумал я как-то во время очередной затяжки, и это я, который до этого в жизни не брал сигарету в руки: я же несколько лет назад даровал свои половые клетки, которые, по всей видимости, пока еще находятся в состоянии глубокой заморозки и таким образом мысленно также неактивны. Значит, существует надежда, что появится какая-нибудь кандидатка на искусственное оплодотворение и мои сперматозоиды будут разморожены, и, если моя гипотеза верна, то может случиться, что место для моего сознания освободится и в них, и я таким образом из печени переселюсь в них целиком. Если конечно, снова осенило меня, со мной опять не приключится какой-нибудь неожиданный казус, и мое сознание автономно и самоуверенно не активизируется также и в моих сперматозоидах, и я в результате с двумя источниками своего сознания буду вести своеобразный внутренний post mortem диалог, или как это еще называть? Понятия не имею.. вообще не знаю больше, что и думать... так у меня и крыша поедет... только не в голове, а кто его знает, в чем и как!

Если данная гипотеза не функционирует и все мое сознание, и идентичность, и все это индивидуальное барахло уменьшилось до размеров моей печени, то есть еще один вариант:

я неким образом установлю контакт с этим своим клочком телесной материи, на клеточном уровне научно углублюсь в себя и собственный научный продукт – мне очень интересно, какая все-таки карьерная гнида его украла и им сейчас спекулирует на симпозиумах?! – использую в обратном направлении, как это низменно иаждодневно делает сама матушка-природа. Таким образом, как я настраиваю здоровую амбициозную стволовую клетку на веки вечные оставаться молодой, если только она готова бесконечно делиться, я ее точно так же перепрограммирую, чтобы она, корова безмозгшая, начала мутировать и превратилась в стволовую клетку рака, который этого типа гарантированно сведет в могилу. Ну, существует еще одна возможность, я разовью технику отторжения иммунодепрессантов, из-за чего у типа разовьется сильнейшее воспаление и окончательно и бесповоротно отправит его на тот свет. Но потом меня озарило – а что, если это еще не все и моя форма посмертного существования лишь одна из форм человеческого существования, и в действительности существует такая идиотская вещь, как карма? Тогда это означает, что подобными поступками – сперва самоубийством и как следствие убийством – я повлияю на свою карму и окончательно ее похорю, в следующей жизни или форме жизни я воплощусь в очередную человеческую ткань, из которой потом разовьется, например, какое-нибудь влагалище, обладательница которой уже с молодых лет посвятит себя малобюджетной проституции, и каждый день через меня будут скользить десятки членов, чье гигиеническое и медицинское состояние вызывали бы большие подозрения, или же, скажем, если я реинкарнирую в ротовую полость какого-нибудь коррумпированного политика или слюнявшего адвоката, которых я во время своей бывшей жизни презирал всей душой. Так, в состоянии полной безнадежности меня вдохновляют только две мысли: первая заключается в том, что тело мое выжило в аварии, но мозговые травмы настолько серьезные, что я где-нибудь в психиатрическом отделении закрытого типа в качестве мелколистной липы торчу целыми днями, в то время как где-то в глубине уцелевшей мозговой материи проходят все эти мои мыслительные процессы, существует также сценарий В – возможно даже Е, а может быть и G... витализма и креативности мне не занимать – по этому сценарию на данный момент я нахожусь в глубокой коме, из которой в один прекрасный день еще выйду, и потом все будет опять более или менее в порядке.

Когда-то я насмехался над выражением, что надежда умирает последней. Нет, при таких фразах я всегда острял – надежда умирает предпоследней, в самом конце, сразу после надежды умирает еще и надеющийся. Но теперь я вижу, что это предложение нисколько не обманывает. Мне, который формально мертв, а неформально представляет собой вид осознающей себя печени, остается только надежда, так как все остальное, как оказывается, сдохло или же абсолютно не функционально.

Что я могу знать, что творится с этой жизнью и с этой смертью! Как не круться и с какого угла не смотри – прищуриться, понятно, я тоже не могу, по всей видимости, и не сплю больше – на данный момент определенно я могу сказать лишь одно: Конца все нет и нет...

Донорская печень

Translated by Nadežda Starikova

Contact of the translator: nstarikov@mail.ru, nstarikova2009@yandex.ru

Знал бы раньше, в жизни не подписал такой бумаги. Но как специалист в области жизнедеятельности (что же такое тогда биология, как не осведомленность в жизнедеятельности?), я довольно мало занимался случаями посмертного существования, почти не позволял себе этой темы, разве в какой-нибудь веселой компашке шутки ради. Мне был прежде всего интересен живой организм и все, с ним происходящее после отказа жизненных функций, когда начинается процесс превращения тканей в жидкость или, проще говоря, процесс гниения, известный любому дураку. Для этого не надо быть ни ученым, ни специалистом. И так как сам я не хотел становиться жидкостью, я, осознавая потенциально неоценимые достоинства живой ткани, дал письменное согласие, что все ценное и пригодное к использованию, оставшееся после моей смерти, приношу в дар, а остальным пусть в течение двух ближайших часов займется пламя крематория. Разумеется, после смерти, а то сейчас это и не жизнь, и не смерть. О том, что из себя представляет мое нынешнее состояние, что оно означает, можно написать блестящую научную работу, на которую обрушится град премий. Но раньше писать об этом было преждевременно, а сейчас поздно, поскольку оно так деликатно и радикально изменилось, что я не имею ни малейшего понятия о том, что со мной случилось, могу лишь выдвигать гипотезы.

Дело было так. Со своим глубоко научным, а не псевдоученым, по-настоящему гениальному докладом о лечении рака с помощью перепрограммирования материнских клеток я ехал на международный симпозиум. Я был взволнован приближающимся моментом, когда собирался раскрыть ученой общественности результаты своих исследований, которым посвятил жизнь и карьеру. Кроме меня, автора и создателя, о моем научном открытии знали только два моих лаборанта, которые до моего общественного признания хранили молчание. Первый, ипохондрик, поклялся здоровьем - если он проговорится, его здоровые клетки сбесятся и начнут делиться, как сумасшедшие, второй, последователь баптистской церкви, просто положил правую руку на черный, сделанный из коровьей кожи переплет Нового завета.

В научной среде скорость исключительно важна: раз у всех есть доступ к одной и той же информации и нейронные сети работают одинаково, может быстренько случиться так: только доведешь эксперимент до конца, подтвердишь данные, полученные на лабораторных крысах и кроликах, а, возможно, и на человеческих клеточных тканях, не хватает только развернутого обобщения тщательно охраняемых результатов, как, глядь, откуда ни возьмись, появляется кто-то с похожим, если даже не таким же исследованием. И - фьють! заботливо наполняемый шар мгновенно лопается, а с ним канут в Лету годы, если не десятилетия изнурительных экспериментов, анализов, бессонных ночей, в итоге – истощенная иммунная система, подорванное здоровье, не говоря уже о семейных и личных проблемах, неизбежном побочном эффекте абсолютной преданности науке. И только твоя усталая научная голова смириенно склонится, чтобы на нее спустили нимб, в знак совершенного тобой эпохального

для человечества открытия, как вдруг тебя грубо отталкивает локоть чьей-то загребущей руки, венок уводят прямо из-под носа, и твой конкурент тут же нахлобучивает его себе на голову. И ты навсегда остаешься вторым, иначе говоря, лузером, нулем, пустым местом, имя которого в лучшем случае появиться в какой-нибудь мелкой газетенке. Признаю, у меня были сильнее амбиции, я всегда ставил карьеру выше семьи, отношений и всего остального. Лицо мне карьеризм не кажется спорной проблемой, в конце концов, именно такое соотношение моей абсолютной преданности работе и так называемого пренебрежения к семье обеспечило последней комфортабельную жизнь. Кроме того, бесспорно, без таких амбициозных фанатиков, как я, вместо передвижения на автомобилях и самолетах мы бы до сих пор прыгали с ветки на ветку, я уж не говорю о наслаждении, которое дают научные открытия и которое, честно говоря, ничуть не меньше и значительно дольше сексуального.

В машине, репетируя свое выступление перед виртуальным «цветом» международной научной общественности, я не заметил, как мелкая морось превратилась в ливень, на почти пустой дороге рефлекс не сработал – я не сбросил скорость. Меня мгновенно занесло вправо, потом влево, развернуло, помню крутой поворот и пронзительный скрежет, тут картинка на моем жизненном экране пропала, и трансляция автоматически переключилась на другой канал. На этом новом канале возникла некая спираль ДНК, которая обвилась вокруг меня и увлекла в какой-то туннель, по которому я, как стиснутый ген, двигался между гигантскими молекулами протеинов и нуклеотидов, они отступали перед толстым красно-желтым окта ядерным вирусом, я сталкивался с клетками, которые, прожорливо причмокивая и метаболизируя, делились, а некоторые испускали дух, так продолжалось до тех пор, пока в конце этой метафизической цепочки я не заметил некую массу - с десяток гигантских клеток терлись одна о другую. Конечно, это морула! осенило меня. Видимо, меня сжал собственный генний удав, ход мыслей продолжался, и сейчас я пробираюсь через бластоциту, из которой перейду в морулу, дальше должно быть огромное цветущее тельце с красноватой серцевиной. Все окончательно стало ясно: я возвращаюсь туда, откуда пришел – не на небеса в какой-то космический свет или нечто подобное, а через морулу в зиготу – в оплодотворенную яйцеклетку, которая ждет момента, чтобы меня всосать, а потом зигота разделится на женскую и мужскую часть, тут-то моя жизнь и закончится, меня больше не будет. Вот такая у нас биологов метафизика после смерти, осенило меня, вместо ангелов, богов и божественного абстрактного света, мы, ученые-биологи, уходим в никуда сквозь первичное клеточное вещество. Справедливо, подумал я, не придерешься. Пусть те, кто верят в бога, после смерти ищут пристанища, сверяясь с географией ада и небес, или на промежуточной остановке временной пустоты ждут возможного повторного воскресения, другие пусть реинкарнируются в людей, растения, животных и минералы, а мы, биологи, да и все остальные, кто и в страшных снах не поддался искушению, трясясь, вымаливать здоровье и жизнь у какого-то бога, торговаться с ним с одержимостью, вызванной неизмеримостью отчаяния, уж лучше мы телесно и духовно распадемся на атомы и исчезнем раз и навсегда.

Ах, если бы все было так просто. Лебединая песня моего мыслительного процесса во время пересечения бластоциты начала замедляться, первоисточник все более отдалялся.

Какая-то сила - прасила? - резко развернула меня, находившегося в бластоцисте, прямо перед входом в морулу и, как стало ясно теперь, размазала и насадила на уже дифференцированную линию зародышевых клеток эндодерма, из которых развиваются внутренние органы. Чем бы я мог стать, будучи такой формой существования, если рассуждать логически? Именно в эту неопределенную единицу времени мое путешествие закончилось, все окончательно потемнело – если конечно вообще можно говорить о темноте, ведь темнота - довольно красочное выражение пустоты, того полного абсолютного ничто, в котором ничего нет; но если все же попытаться дать определение этой фазы моего, не скажу бытия или небытия, то, пожалуй, наиболее подходящим является слово «внебытие», звучит слегка философски, но теперь у меня достаточно времени, чтобы разобраться с возникшим тогда круговоротом вопросов, над которыми я до этого смеялся и которые глубоко презирал.

Никаких операций я не видел, никаких хирургов, склонявшихся над моим мертвым телом и шаривших в нем скальпелями, пересаживавших кому-то подходящие части моих тканей. Последний раз сознание, точнее самосознание, (все говорит о том, что от самосознания еще что-то осталось) включилось много позже. Между тем, прошло целых десять дней, которых я не помню. Только помню, как вдруг пришел в себя в больнице, на кровати. «Где я?», - вот первая мысль, выстрелившая при повторной загрузке моего сознания. Все говорило о том, что со мной, очевидно, случилось несчастье и счастье одновременно, ведь я остался жив. Или это никакое не счастье, ужаснулся я в следующий момент и инстинктивно проверил состояние своих конечностей. Тут впервые стало действительно больно. Только в этот момент я осознал, что мое восприятие пространства несколько изменилось, что я смотрю на окружающее иначе: угол, под которым я вижу предметы, какой-то неправильный. Если я лежу в кровати, сделал я логичный вывод, тогда я должен, открыв глаза, увидеть сначала стены и потолок. Но было не так: мой взор - может быть, тут более подходит термин «обзор» - был вывернут так, как в моем представлении изгибаются космическое пространство. И еще до того, как я попытался пошевелить головой, руками и ногами, прямо возле меня раздалось всхлипывание. Нет, не возле, всхлипывание раздавалось как-то сомнительно близко, из чего я сделал вывод, что в комнате и конкретно на кровати я не один. И, как вскоре выяснилось, так и было. Свои руки и ноги я, впрочем, немного чувствовал, скоро стало ясно, почему я не мог ими пошевелить, - ни рук, ни ног, не говоря уже о голове, у меня вообще не было. Меня охватил мгновенный ужас, в конце концов, все, что человек может почувствовать, сомнительно, кроме, конечно, самого неврологического процесса, который, бог знает по какой причине, деформирует и искажает восприятие. Меня (который, сколько себя помнит, всегда уповал на разум и удивлялся лени и приспособленчеству тех, кого жизнь несет как море утлыи баркасы) достигло состояние, больше похожее на психоз, - нет, не на это я рассчитывал, не такого ожидал. Ощущение только укрепилось, когда в палату вошла медицинская сестра и направилась ко мне. Ко мне-то ко мне, но как-то не буквально, она начала манипулировать термометром, который воткнула куда-то вне моего поля зрения. «Кто я? Что я?», - колотилось внутри. «Колотилось, как что? Где внутри? Откуда? В качестве кого я все это слышу, думаю и чувствую?», - мучил я себя, еще не зная, что эти вопросы и в будущем останутся без ответа. И зачем мне мое серое вещество,

и найду ли я так самого себя, свою идентичность? Из чего состоят мои страхи и бешенство, из чего-то же они, твою мать, состоять должны, ведь не святой же я дух? Для меня как ученого, чьи съежившиеся останки представляли научный феномен, это было бы уже слишком.

Сестра измерила температуру, заключил я по электронному термометру, который она поднесла к своему острому носу, и тут в палату вступили визитеры. Наконец, избавление, это ученые коллеги, пришедшие выяснить мое состояние и рассказать, что да как, хотя, конечно, вряд ли понятие «ученый» подходит клиникам, высокомерный практикующий персонал которых с годами в немалой степени обленился от рутины, на самом деле наука этих докторов, окаянных, мало занимает.

Однако визитеры обратились ко мне по абсолютно неизвестному имени и фамилии, и когда хирург начал объяснять их таинственному владельцу, что операция прошла успешно и его тело не отторгнет новую печень, я понял, что я внутри печёночной ткани. Или точнее, что после аварии от меня осталось, фигулярно выражаясь, сплошное месиво, чему специалисты по трансплантологии были искренно рады, вероятно, они быстро и без проблем констатировали смерть моего мозга, тело же сохраняли на аппаратах пока не отделили целые органы, а разорванные ткани, превратившиеся в кашу, согласно моим указаниям, передали на кремацию и они, наверное, уже достойно похоронены. Мою печень, мою крошку, пересадили мужчине, в теле которого я в качестве его нового органа сейчас и нахожусь.

Таким образом, я знаю, что жив, хотя жизнь ли это? спросил я себя, когда через несколько дней мы с хозяином прибыли домой. Не скажу, что и до этого, в период своей настоящей жизни, когда у меня было собственное целое тело, я не слышал историй хирургов о том, как после трансплантации органа время от времени у них появляются пациенты, которые долго мрутся, прежде чем, наконец, спросить, как вы думаете, может ли в пересаженном органе сохраняться память донора, потому что есть ощущение, что в их теле живет еще кто-то. К примеру, у них изменился вкус: после операции футбол их, когда-то страстных болельщиков, оставляет непонятно равнодушными, а руки чешутся сесть за пианино и сыграть, хотя о музыке они не имеют никакого представления. Нет, невозможно, научно объясняют им специалисты и быстро добавляют, вы лучше радуйтесь новому органу, дающему вам новую жизнь, придерживайтесь всех врачебных рекомендаций и будете чувствовать себя хорошо, а если повезет, то долго. Что еще им скажешь? У них никогда не было возможности подискутировать с каким-нибудь внедренным в орган интеллектом, и хотя, очевидно, меня никто не слышит, есть ощущение, что мои монологи так же осмысленны, как репетиция презентации за рулём, когда я еще был я.

Теперь-то я знаю, что если уж подписываешь документ о передаче органов, нужно выдвинуть условия об их получателе, а так можешь свой заполненный бланк засунуть в задницу! Это бы сработало, будь у меня задница, так ведь ее нет! Тот, в кого меня, то есть мою печень, а с ней и меня, пересадили, оскорбителен и абсолютно неприемлем для моего стиля жизни, для моего мировоззрения, а ведь оно у меня еще есть! Меня вживили в законченного кретина, с утра до вечера слоняющегося в шлепанцах по квартире, плящающегося в телевизор, болтающего глупости, да такие, которые мой научный интеллект с трудом переносит. Когда

он в трубку рассказывает о своем самочувствии и о методе трансплантации, я иногда готов его по стенке размазать, ведь об основах биологии и медицины он не имеет ни малейшего представления, вместо этого получается какой-то словесный понос. В такие моменты человек, или даже я – его остатки – осознает, насколько все мы разные, и насколько некоторые интеллектуально недоразвиты. Квартира, в которой прооперированный живет вместе с женой, ну, в которой мы теперь живем, отнюдь не бедная, они не экономят на еде, которую я, как его печень, вместе с иммуносупрессивными лекарствами помогаю усвоить. Он мог бы теперь, с учетом сложившейся ситуации и, имея после операции двадцать четыре свободных часа, хоть что-нибудь почитать. Но нет, этот придурок, валяется на диване, смотрит подряд все программы, о существовании некоторых из них я и не знал. Все говорит о том, что он или помешан на религии или делает на нее расчетливую ставку. То есть он верит, что надо за все благодарить бога, поэтому каждый день смотрит какие-то религиозные передачи, где маньяки с криком размахивают крестами и микрофонами. Он уверен, что бог услышал его молитвы и вовремя достал ему здоровую печень. А ты сам-то вообще осознаешь, чурбан эгоистичный, часто думаю я, что это твое желание: *добрый бог, дай, пошли мне новую печень, содержало убийственный подтекст: раз печень пока нельзя выращивать как огурцы, смиренно прошу тебя, бог, об одном: пусь кто-нибудь умрет, чтобы я жил.* А вдруг и правда существует кто-нибудь вроде бога, ежедневно слушающий просьбы нытиков и выполняющий их желания, тогда этот тип и его бог меня фактически убили! Спекулянты разложившиеся!

Жена слушает и обслуживает его со с трудом понимаемой жалостью, он ее заботу воспринимает как нечто само собой разумеющееся, но из ее жертвенности видно, что статус мученицы ей по-своему, как-то по-идиотски, нравится. Как мне удалось разобрать из его нытья, причиной его печеночной недостаточности стал гепатит С, который, как он объяснял небесам, десять лет назад подхватил во время переливания крови, жена, еще большая дура, чем он, этому верит, вместо того, чтобы сесть за компьютер, набрать в гугле «донорство и гепатит С» и быстро выяснить, что в цивилизованных местах нашей планеты вся донорская кровь с 1993 года тестируется. Половых отношений у нас с ней нет, поэтому на диване перед телевизором, когда мы одни и показывают какого-нибудь задастого негра, мы слегка мастурбуируем, когда на экране появляется крупный план вагины, программа переключается и снова начинается поиск толстого, змеевидного члена, живо подрагивающего под пальцами его владельца.

Родителей не выбирают, но теперь я знаю, что не выбирают и новых хозяев тел. После успешных трансплантаций и при соблюдении рекомендованного врачами режима период жизни с новым органом может длиться несколько долгих лет, и только я подумаю, что отныне обречен на существование в теле этого козла, в этой тюрьме строгого режима без права на амнистию, и что я, а, все на это указывает, до его смерти или до следующей пересадки печени?! буду слушать дурацкие брюзгливые монологи, во мне, выражаясь фигурально, все переворачивается. На прогулки мы ходим редко, так как он, лежебока, из квартиры почти ни ногой, если же иногда мы выходим на балкон, то, прислонившись к перилам, курим и разглядываем потных тинейджеров, играющих во дворе в баскетбол. Твою мать, подумал я как-то во время курения, и это я, который раньше никогда не курил. Несколько лет назад я

даже пожертвовал свои половые клетки, которые, наверное, все еще в глубокой заморозке и, следовательно, не активны. Стало быть, остается надежда, что появится какая-нибудь кандидатка на искусственное оплодотворение, мои сперматозоиды будут разморожены, и если моя гипотеза верна, случится так, что в них возникнет место для моего сознания, и из печени я переселюсь туда. Если, конечно, с содроганием думаю я, меня не настигнет еще какая-то новая замысловатая неожиданность, и мое сознание автономно не активируется в моих сперматозоидах, тогда два источника моего сознания будут вести посмертный диалог или...? Понятия не имею..., вообще не знаю, что и подумать... у меня все смешалось... только не в голове, откуда я знаю в чем!!

Если и эта моя гипотеза не сработает, и мое целостное сознание и идентичность, все это личностное барахло, сократятся до моей печени, тогда я могу рассчитывать еще на одну опцию – войти с ней в контакт, научно углубиться на клеточном уровне в собственные исследования (интересно, какая карьерная сволочь их украла и теперь выпендривается на симпозиумах) и использовать в обратном направлении, так как это регулярно делает природа. Подговорю какую-нибудь здоровую и амбициозную материнскую клетку, скажу, что она останется не веки вечные молодой, если будет готова бесконечно делиться, перепрограммирую ее так, что эта глупая корова муттирует и приобретет свойства материнской клетки рака, и тут уж гарантированно прикончу этого типа. А есть другая возможность – применить технологию отклонения иммуносупрессивных лекарств, из-за чего он получит сильное заражение, которое и загонит его в могилу. Вдруг меня осенило: а если это еще не все, моя форма жизни после смерти просто одна из форм существования, и такая глупость, как карма, и правда существует? Это значит, что такими действиями – самоубийством и последующим убийством – я повлияю на свою карму и окончательно ее ухайдакою, так что в следующей жизни или форме жизни могу воплотиться в человеческой ткани, из которой потом разовьется какая-нибудь вагина, ее хозяйка с юных лет будет заниматься дешевой проституцией, и во мне в антисанитарных условиях ежедневно будут шастать десятки грязных сомнительных членов, или я стану сплизистой рта какого-нибудь продажного политика или слюнявого адвоката, которых в своей недавней жизни я совершенно не переносил. В состоянии крайнего отчаяния меня вдохновляют лишь две мысли: первая, что мое тело уцелело в аварии, просто повреждения мозга столь серьезны, что теперь я сижу где-то в закрытом психиатрическом отделении как одноклеточное растение, в то время как в глубине неповрежденного серого вещества идут мыслительные процессы; существует сценарий В (может быть, даже Е, а, пожалуй, и Г – жизнелюбия и креативности мне не занимать), согласно которому, в настоящий момент я нахожусь в глубокой коме, и как только из нее выйду, все более или менее наладится.

Когда-то я смеялся над заявлением, что надежда умирает последней. Нет, поправляя я всезнаек – надежда умирает предпоследней, в конце, самым последним, умирает надеющийся. А теперь вижу, что эта фраза-таки работает. Мне, который формально мертв, а неформально представляет собой взвесь самосознания и печени, остается только надежда, кажется, все остальное сдохло или не работает.

Ох, как я теперь знаю, что такое жизнь и смерть! И как бы то ни было, когда я оборачиваюсь и смотрю – тыфу, опять, я ведь этого больше делать не могу, да и спать тоже, – очевидно только одно: конца нет, нет конца...

Translated by Tatiana Zharova
 Contact of the translator: zharovat@gmail.com

Если бы знать заранее, никогда не стал бы подписывать этой бумаги. Но как спец по жизни, – а ведь биология – это не что иное, как наука о жизни, – я мало интересовался изучением возможности жизни после смерти – вообще как-то не поднималась рука на эту тему – разве что в веселой кампании, ради бузы, разумеется, – вроде предсказаний. То, что интересовало меня, – так это живой организм, что происходит с ним после прекращения деятельности жизненно важных функций, когда из-за червей начинается процесс разжижения телесной ткани, а по-простому, распада, вся кому дураку понятно. Для этого ни ученым, ни специалистом быть не обязательно. Ну а поскольку мне не хотелось переходить в разжиженное состояние, я, осознавая потенциальную непреходящую ценность живой материи, – подписал дарственную на все, что после моей смерти останется ценного и может сгодиться, все остальное пусть сплизнет язык крематорского пламени. После смерти, разумеется, однако то, что происходит сейчас, жизнью не назовешь, да и смертью тоже. О том, что из себя, по сути, представляет мое теперешнее состояние, и что это значит, можно было написать изумительную научную работу, за которую бы сами собойсыпались награды. Однако же, писать о чем-нибудь таком раньше было преждевременно, а теперь – слишком поздно, ведь мое состояние так деликатно и радикально переменилось, что я и поныне не понимаю толком, что со мной приключилось, и в отношении всего на данный момент имею исключительно лишь выстроенные гипотезы.

А дело было так. Со своим научным, интерактивным, да и что греха таить, просто гениальным докладом о лечении рака путем перепрограммирования стволовых клеток я направлялся на международный симпозиум. По мере приближения мгновения, когда результаты моих исследований, которым я посвятил карьеру и жизнь, станут достоянием общественности, мое волнение достигло наивысшего предела. Кроме меня, автора и открывателя, о моем открытии знали еще только два моих лаборанта, которые дали слово хранить молчание до предания огласке моей работы, первый, ипохондрик, поклялся, что если что-нибудь взболтнет об этом, то пусть здоровые клетки в его организме начнут бешено делиться, а другой, член баптистской церкви, поклялся на Новом Завете в переплете из телячьей кожи.

В научном мире быстрота имеет чрезвычайно важное значение, поскольку, ввиду того, что все имеют доступ к информации, и цепочка нейронов работает у всех одинаково, очень даже может случиться так, что сделаешь работу до конца, подучишь результаты обработки опытов на лабораторных крысах и кроликах, а может, и на человеческих клетках, всего-то и делов останется, как только обобщить хранимые в секрете результаты, а глянь, откуда ни возьмись, является некто с подобными, если ни в точности такими же результатами. И, бацц – осторожно надуваемый шарик в мгновенье лопается и вместе с ним канут в забвение годы, если не десятилетия изнуряющих экспериментов и опытов, бессонных ночей, следствием которых

подорванная иммунная система, пошатнувшееся здоровье, не говоря уже о разладе в семье и личной жизни, которые в качестве неявного ущерба появляются при абсолютной преданности науке. И твоя очумевшая ученая голова было уже смиренно склонилась, дабы быть увенчанной венцом за эпохальное открытие для цивилизации, как вдруг кто-то грубо толкает локтем, протягивая жадную руку, и у тебя из под носа выхватывает венок, который твой соперник напяливает себе на лоб. Так навсегда ты останешься вторым или, иначе говоря, проигравшим, нулем, ничем, фамилия которого в лучшем случае появится набранная мелким шрифтом. Признаюсь, я был дико амбициозен, и карьера у меня всегда стояла на первом месте перед семьей и личной жизнью и всем остальным. Лично мне карьеризм вообще не кажется спорным, не в последнюю очередь такова диалектика между моей совершенной преданностью работе и так называемой запущенностью семьи, последней же в финансовом отношении я обеспечил комфортную жизнь. Помимо этого, неоспоримо также то, что без амбициозных мечтателей, каковыми я являюсь, мы и поныне бы передвигались не на машинах и самолетах, а прыжками с ветки на ветку, не говоря уже о наслаждении, которые сулят научные открытия, которое, положа руку на сердце, в сравнении сексуальностью, по крайней мере, такое же сильное и, прежде всего, более длительное.

Репетируя во время езды свое выступление перед воображаемыми корифеями мировой научной общественности, я и не заметил, что моросящий дождь перешел в ливень, рефлекс убавить скорость на пустой, в общем-то, дороге тоже не сработал. Ну и тут же меня стало заносить то вправо, то влево, бросало то туда, то сюда, потом помню лишь крутой поворот и лязг тормозов, когда картинка с экрана моей жизни пропала, и изображение автоматически переключилось на другую программу. На этом новом канале появилась какая-то загогулина ДНК, крепко обвившаяся вокруг меня, которая неслась со мной по какому-то туннелю, через который меня гнало по генетическому серпантину среди огромных молекул белка и нуклеотидов, которые отступали перед жирными красно-желтыми вирусом, протискивался вперед мимо клеток, которые, чавкая, жадно занимались пищеварением, делились, некоторые из них дохли, до тех пор пока я не увидел в конце этой метафизической трубы массу, в которой порядка десяти огромных клеток терлись друг о другу. Ну, конечно, это морула! осенило меня! Следуя этой логике, я, сдавленный в собственном генетическом удаве, продолжал и дальше развивать мысль, в настоящий момент пробиваюсь через бластому, из которой превращусь в эмбрион, который пока только ожидается из огромного светящегося зародыша с красненькой точкой посередине. Все мне стало совершенно ясно: я возвращаюсь туда, откуда появился, ни к богу, ни к какому-то космическому свету или чему-то подобному, а через морулу в зиготу – в оплодотворенную яйцеклетку, которая ждет, чтобы соединиться со мной, а после этого зигота разделиться на женскую и мужскую часть, и так моя жизнь закончится, и меня попросту больше не станет. Так вот выглядит эта посмертная метафизика у биологов, сокрушался я, – вместо ангелов, богов, и ласкающего потустороннего света, мы, ученые биологи, отправляемся к ядрене фене через матричную клеточную ткань. Нормально, подумал я, нечего сказать. Пускай те, что верят в бога, причалят в посмертной географии ада и небес или же на полустанке преходящего никто ожидает возможного повторного воскрешения,

пусть иные реинкарнируют в людей, растения, животных и минералы, а мы, биологи и все остальные, кто в самые страшные моменты не поддались искущению, чтобы стоя на коленях, выклянчивать у бога здоровье и жизнь и спекулировать в безысходном отчаянье недоступностью познания, мы телесно и духовно должны будем дезатомизироваться и таким образом окончательно исчезнуть.

Но, к сожалению, все было не так-то просто. Лебединая песня моего мыслительного процесса по мере перехода через бластому начала затухать, первопричина все более отдалась. Какая-то сила – суперсила, или что это было? – у самого входа в морулу в бластому круто взвилась, теперь мне стало ясно, начертав и нанеся на уже дифференцированную линию клеток носителей информации эндодерма, из которых развиваются внутренние органы. Поскольку, рассуждая логически, какого черта бы я оказался в этой форме существования? В этом неопределенном временном состоянии мое путешествие подошло к концу и оказалось в полной темноте, – если вообще можно говорить о темноте, поскольку темнота – это образное определение нуля, и к тому же совершенного абсолютного нуля, в котором нет ничего, если уж пытаешься определить эту фазу, не скажу существования, но и не – отсутствия существования, должно быть еще более неподходящим было бы выражение не-бытия, если выражаться несколько философски, поскольку у меня как раз выдалось время для подобного рода мыслительных упражнений, над которыми я раньше глумился и в глубине души презирал.

Никаких операций я не видел, никаких хирургов, которые бы склонились над моим мертвым телом и шарили по нему скальпелями, приложив кому-нибудь пригодные части моей телесной материи. Следующее открытие, точнее самосознание, – а все свидетельствовало о том, что ничего больше, кроме самосознания, у меня и не осталось, – обнаружил я только достаточно поздно. В промежутке должно было пройти дней десять, которые у меня просто выпали. Как-то вдруг, помню, я понял, что нахожусь в больнице, и то более или мене в кровати. Где я? – была первая мысль, которая сначала пришла в голову после вторичной активации моего сознания. Все указывало, что со мной приключилось несчастье, но одновременно и счастье, потому что я, очевидно, остался цел. То, что это не было такой уж удачей, я уже в следующий момент ужаснулся, произвольно ощущая состояние своих конечностей. И вот тут-то как раз всерьез наколбасило. Только в этот момент я осознал, что мое ощущения пространства несколько изменилось, то, что вокруг, я узнаю, но вот угол зрения, под которым я смотрю на вещи, какой-то не тот. Уж если я лежу на кровати, заключил я, то, открыв глаза, должен сначала увидеть стены и потолок. Но было не так, мой взгляд, может более подходило бы слово вид! – искривился, подобно тому, как мне представляется, искривляется пространство в космосе. И, прежде чем я попытался подвигать головой, ногой и рукой, прямо рядом со мной раздался храп. Даже не рядом со мной, храп исходил откуда-то подозрительно близко, из чего я заключил, что в палате, точнее, на постели я далеко не один. И как я вскоре догадался, отныне так и будет. Свои руки и ноги я как-то еще чувствовал, а почему же я не мог ими двигать, вскоре меня осенило – потому что ни рук, ни ног, не говоря уже о голове, у меня вообще нет. Жутко, но, по всей видимости, пройдет, подумал я, в конце концов, чего

только человек не чувствует, а ничего из этого не является правдой, за исключением самого неврологического процесса, который восприятие, кто его знает, по какой причине, искажает и уродует. Взять хотя бы меня, с тех пор, как себя помню, клялся разумом и всегда удивлялся лености и изменчивости тех, кого жизнь бросает, что море утлыи баркас, их охватывает состояние, которое больше всего похоже на психоз – нет, на это я не рассчитывал, этого я, действительно, не ожидал. Это ощущение у меня еще более окрепло, когда в палату вошла медсестра и направилась по направлению ко мне. По направлению не означает буквально ко мне, потом подвигала градусником и воткнула его куда-то вне моего поля зрения. Кто я? Что я? – размышил я глубоко внутри себя, однако. Размышил как что? Где это внутри себя? Откуда? В качестве кого я все это слушаю, думаю и наблюдаю? – вцепился я в себя, не понимая, что эти вопросы и в дальнейшем останутся без ответа. К чему эта моя мыслительная масса, а вместе с тем и я, моя индивидуальность прикреплена? Из какой материи явился ко мне бес и страх, потому что какая-то материя, черт возьми, ведь должна же быть, ведь не дух же я или как? Для меня, ученого, чьи останки редуцировались до некоего научного феномена, это было совершенно уж ни к чему.

Сестра измерила температуру, о чем я заключил по электронному градуснику, не успела она поднести к своему заостренному носу, как тут же в палату пришли с обходом. Наконец-то спасение, здесь мои ученые коллеги, которые пришли объяснить мне мое состояние и сказать, что со мной и что будет – ну, естественно, насколько вообще выражение «научный» применим к клиникам, которые с годами обрастают ленивой рутинной практикой, и наукой, по большому счету, чертовски мало не интересуются.

Однако на обходе меня называли совершенно незнакомой мне фамилией и именем, а когда хирург принялся объяснять таинственному обладателю имени, что операция прошла успешно, и новая печень хорошо приживается в его теле, я осознал, что я нахожусь в месиве. А точнее, после ДТП, выражаясь метафорически, осталась что-то вроде месива, чему специалисты трансплантологи искренне обрадовались и, вероятно, быстренько, не мешкая, диагностировали смерть моего мозга, а тело еще поддерживали на аппаратах, освободив его от неповрежденных органов, отслужившую же кашеобразную материю, по моему же завещанию, передали для кремации, и сейчас она, вероятно, достойным образом захоронена. Печень, по крайней мере, печень пересадили мужчине, в чьем теле в качестве его печени я теперь и нахожусь.

Живу, откуда мне знать, вроде бы ничего, однако, – что это вообще за жизнь?! – стал я задавать себе вопросы, когда спустя несколько дней мы с хозяином прибыли домой. Не буду говорить, что и до того, то есть пока я жил настоящей жизнью, будучи полностью в своем теле, я не прислушивался к рассказам хирургов о том, что после пересадки какого-нибудь органа, время от времени к ним обращаются пациенты и мнутся, мнутся, пока не выдавят из себя вопроса, мол, что вы думаете, возможно, ли, чтобы в каком-нибудь донорском органе осталась память донора, поскольку у них такое ощущение, будто бы с ними живет еще кто-то, что у них, например, изменился вкус, что футбол, у них, когда-то страстных болельщиков, после операции оставляет непонятную холодность, или что им натирают ноги, что им хочется сесть

за рояль и сыграть что-нибудь, хотя они и не смыслят в музыке? Нет, невозможно, сообразно теории, дает им ответ наука, и в том же предложении добавляет, пусть радуется, что получил новый орган и соответственно новую жизнь, который, по сути, означает его второе рождение, что если будут следовать всем врачебным рекомендациям, проживут хорошо и, если только повезет, не коротко. А что иное могут они сказать? У них никогда не было возможности побеседовать с интеллектом пересаженного органа, да и каким образом, ведь по моему опыту, меня никто не слышит, хотя у меня есть ощущение, что мои монологи не менее громогласные, чем когда я репетировал презентацию во время езды на машине, когда оставался один.

Теперь я понимаю, что, подписав бумагу о дарении органов, я должен был оговорить условия о их получателе, поскольку теперь эту свою карточку вместе в формуляром я могу запихнуть себе в задницу! Мог бы, имей я задницу, а ее-то у меня и нет! Поскольку тот, в которого меня пересадили, мою печень, а вместе с тем и меня, для меня, для моего стиля жизни, который был у меня, и моего мироощущения, – а оно-то у меня еще осталось! – оскорбителен и совершенно неприемлем. Короче меня пересади полному кретину, который с утра до вечера слоняется по квартире в шлепанцах, плялится в телевизор, порет всяку чушь, причем такую, что мой научный ум с трудом ее переносит. Когда он объясняет по телефону свое состояние и методику трансплантации, мне хочется просто сбежать, поскольку он не имеет ни малейшего представления об основах биологии и элементарной медицины, научные термины вылетают из его уст, что кизяки из задницы осла! В такие моменты люди, в том числе, такие как я, – свойственно человеку?! – начинают осознавать, какие же все мы разные, и как некоторые из нас ленятся думать. Квартира, в которой он сейчас живет вместе с женой, то есть мы живем вместе, далеко не скромная, и не жмутся они с едой, которую я как его печень вместе угнетающими иммунную систему препаратами очищаю. Так что, он мог бы хоть сейчас, когда так сложилась ситуация, и после операции в его распоряжении двадцать четыре часа в сутки, что-нибудь прочесть. Но, нет, дубина валяется на диване, а потом мы вместе тупо смотрим программы, о существовании которых я вообще не догадывался. Тип, все на то указывает, ударен и по части религии, или же по крайне мере, в вопросах веры расчетлив. Так он верит, что за все, что у него есть, он должен благодарить бога, поэтому ежедневно мы смотрим религиозные программы, в которых маньяки с воплями размахивают крестами и микрофонами. Он уверен, что бог услышал его молитвы и своевременно достал ему новую печень. А ты вообще понимаешь, эгоист ты долбаный, иной раз думаю я, что твое желание: бог возлюбленный, дай, достань мне новую печень, имело скрытый убойный смысл, который означал: а поскольку, к сожалению, печень пока еще не научились выращивать, как какие-нибудь огурцы, в то же время милостиво прошу тебя, господи, пусть кто-нибудь умрет для того, чтобы я жил. А что, если на самом деле существует что-то вроде бога, кто ежедневно выслушивает жалобы собственного производства и исполняет их желания, в таком случае этот тип и его бог меня действительно убили! Проклятые спекулянты!

Жена с непонятным понимающей жалостью слушала и ухаживала за ним, он воспринимал ее уход как само собой разумеющееся, тем не менее в ее самопожертвовании мне виделось, что где втайне она получала от этого удовольствие. Как мне удалось понять из его стенаний,

причиной заболевания его печени был гепатит С, который он получил, по крайней мере так он объяснял всевышнему, десять лет назад при переливании крови, чему жена, еще большая дура, чем он, даже верит, вместо того, чтобы сесть за компьютер, задать поиск в гугле «донорство» и «гепатит С», и таким образом быстро бы выяснила, что в цивилизованных уголках нашей планеты с 1993 года донорская кровь проверяется. Половых отношений у нас с ней нет, поэтому, оставаясь наедине, сидя на диване у телевизора, наслаждаемся, глядя на забавы толстозадого чернокожего, переключая программу с крупными планами вагины в поисках толстенного змееподобного члена, снувшего между искусственных ланит.

Человек не выбирает себе родителей, а теперь я знаю, что и тех, кому достаются их органы. Период жизни после успешной трансплантации при соблюдении режима врача может длиться долгие годы, и как только подумаю, что теперь мне суждено существовать в теле этого идиота, в этой тюрьме закрытого типа без какой бы то ни было возможности освобождения, не говоря уже о помиловании, и что – как все указывает, до его смерти или до его следующей пересадки печени?! – придется слушать идиотские дебильные монологи, у меня – естественно, образно говоря, – выворачивает наизнанку. На прогулки мы ходим редко, потому что он – лентяй, из квартиры почти не выходит, если же иногда выходим на балкон, курим, облокотившись на перила и наблюдая за подростками, которые во дворе в потных майках бьют по мячу. Черт возьми, додумался я во время курения, и это я, который до этого никогда не курил: потому что несколько лет назад я подарил свои половые клетки, которые очевидно еще находятся в глубокой заморозке и мысленно и в целом неактивны. Так что остается надежда, что появится кандидатка для искусственного оплодотворения, и мою сперму разморозят, и если мои гипотезы окажутся правильными, то может произойти, что место для моего сознания откроется также в них, и таким образом я переселюсь полностью в них. За исключением, конечно, если я снова не поскользнусь, если снова не выкину коленца, и сознание автономно и уверенно активируется в моей сперме, и, таким образом, я буду поддерживать внутренний диалог после смерти с двумя частями своего сознания, или как? Понятия не имею... я вообще не знаю, что и думать... потому что я помешаюсь... только не голове, а откуда мне знать, в чем и как!!

Если эта гипотеза не верна, и мое сознание и индивидуальность и что там еще принадлежит личности, целиком свелось к печени, тогда я могу рассчитывать еще на один вариант – каким-то образом установить связь с тем своим ничтожеством телесной материи, научным образом на клеточном уровне углубиться в себя и собственные научные эксперименты – мне прямо-таки интересно, какая гиена-карьеристка их стырила и с ними сейчас похваляется на симпозиумах?! – использовать в обратном направлении, как это обычно делает природа ежедневно. Так, каким образом здоровую амбициозную стволовую клетку накачать, чтобы она могла всю жизнь оставаться молодой, если только она готова в неизвестном будущем делиться, и ее так запрограммировать, что глупая корова, мутируя, превратиться в стволовую клетку рака, который наверняка этого типа прикончит. Но, есть еще и другой вариант, я соображу, как действует механизм отторжения лекарств, угнетающих иммунную систему, в результате с типом случится тяжелейшее отравление и окончательно сведет его в могилу. Тут меня озарило – а, ну как, если это еще не все, и моя форма жизни после смерти только одна из форм

человеческого бытия и на самом деле существует еще что-то такого дебильного, как карма? Уж не означает ли это, что такими действиями – сначала самоубийство и последовательное убийство – я повлияю еще и на свою карму и ее таким образом совсем уничтожу, и в следующей жизни тот есть форме жизни, материализуюсь в какой-нибудь человеческой ткани, из которой затем вырастет какое-нибудь влагалище, например, обладательница которой с юных лет встанет на путь низкобюджетной проституции, и потом ежедневно пропускает через меня десятки гигиенически и с медицинской точки зрения небезуказненных членов, или же, например, произойдет моя инкарнация в слизистую оболочку ротовой полости какого-нибудь коррумпированного политика или слюнявого адвоката, которых я во времена своей прежней жизни совершенно не воспринимал. Так в состоянии крайнего отчаяния лишь две мысли меня как-то еще способны вернуть веру в человечество: что телесно я остался жить после катастрофы, мозговые травмы настолько серьезны, что в каком-нибудь психиатрическом отделении закрытого типа как комнатное растение прозябаю, в то время как в глубине непораженного мозга протекают все мои мыслительные процессы, остается еще сценарий В – может быть, даже Е, а может и Г... витальности и креативности мне было всегда не занимать, – по которому я в настоящий момент нахожусь в глубокой коме, из нее когда-нибудь выйду и потом будет все более или менее в порядке.

Когда-то я смеялся над выражением, что надежда умирает последней. Нет, при таких заявлениях я изничтожал умников – надежда умирает предпоследней, в самом конце, совсем последним после надежды умирает надеющийся. И теперь я вижу, что последняя фраза все-таки верна. Мне, формально мертвому и неформально представляющему массу рефлексирующей печени, остается единственno только еще надежда, поскольку все остальное, похоже, накрылось или же никуда не годится.

Откуда мне знать, как быть с этой жизнью и с этой смертью! Куда не повернись, повсюду – ложа, понятно, что я уже ни на что не способен, ну и не в спячке же я, – на данный момент можно констатировать только одно: Конца все нет и нет...

Jetrenjak

*Translated by Nemanja Sićević
Contact of the translator: nemanja.sicevic@gmail.com*

Da sam unapred znao, ne bih nikad potpisao taj formular. Ali kao stručnjak za život - pa šta je drugo biologija, ako ne nauka o životu - malo sam se bavio mogućnostima postojanja posle smrti, a uopšte se nisam usudio da na tu temu - osim u nekom veselom društvcetu, u šali, razume se - bilo šta pretpostavim. Ono što me je zanimalo je bio živ organizam, a šta se s njim desi posle prestanka vitalnih funkcija, kada zbog grinja započne proces utečnjavanja ili, jednostavno rečeno, truljenja, to je jasno svakoj budali. Za to nije potrebno biti ni naučnik ni stručnjak. I pošto nisam htio da se utečnim - svestan potencijalno neprocenljive vrednosti živog tkiva - potpisao sam da posle moje smrti sve ono vredno i upotrebljivo što od mene ostane darujem, a sve ostalo neka za dobra dva sata sredi vatra krematorijuma. Posle smrti, razume se; ali ovo sad nije život, a nije ni smrt. O tome šta je tačno moje stanje i šta znači mogao bi se napisati brillantni naučni rad na koji bi se nagrade lepile same od sebe. Ali isto kao što je pisanje o nečemu takvom bilo preuranjeno, isto tako je sada prekasno, pošto je moje stanje tako delikatno i radikalno promenjeno, da ne znam tačno ni šta me je zadesilo, i imam u vezi sa svime time za sad načinjene samo hipoteze.

Ovako je bilo. Sa svojim naučnim, i to vizacionarskim, a da ne okolišam, ravno genijalnim izumom o lečenju raka reprogramiranjem matičnih ćelija, bio sam na putu za međunarodni naučni simpozijum. Zbog predstojećeg trenutka, kada bih rezultate svojih istraživanja kojima sam posvetio karijeru i život, konačno razotkriv stručnoj javnosti, bio sam nadasve uzneniren. Pored mene, autora i izumitelja, moje naučno otkriće su poznavala samo još moja dva laboratorijska tehničara, koji su se do mog javnog razotkrivanja zakunuli na svoje čutanje: prvi, hipohondar, se zakleo, da u trenutku, kada o tome bilo šta zucne, zdrave ćelije u njegovom telu podivljaju i počnu kao lude da se dele, a drugi, pripadnik baptističke crkve, je desnicu položio na Novi zavet povezan u crnu kraviju kožu.

U naučnoj opštini je brzina izuzetno važna, pošto, s obzirom na to da imamo pristup istim informacijama i da neuronske mreže rade na sličan način, nešto može brzo da se desi, da istraživanje dovedeš do kraja, obrade podataka na laboratorijskim pacovima i kunićima i možda na čovećim ćelijskim tkivima su potvrđene, sve što nedostaje je razotkrivanje pažljivo čuvanih istraživanja, ali gle, već se odnekud pojavi neko sa sličnim, možda čak potpuno istim rezultatima. I puffff - pažljivo naduvavan balon se u trenutku probuši i sa njim u zaborav odlete godine, ako ne decenije iscrpnih eksperimenata i analiza, neprespavanih noći, čega posledica je posustali imunološki sistem, načeto zdravstveno stanje, da i ne spominjem porodične i partnerske nesporazume, koji kao kolateralna šteta nastanu kod potpune predanosti nauci. I evo - već se tvoja umorna naučna glava ponizno sklanja, da na nju stave oreol za epohalno civilizacijsko otkriće, kada te iznenada surovo odgurne lakat, čija ruka se halapljivo istegne i pred očima ti otrgne venac koji tvoj rival stavi sebi na lobanju. Tako za sva vremena ostaneš drugi ili, drugim rečima, poraženi, nula, niko, čije ime se u najboljem slučaju pojavi u nekim sitnim slovima. Priznajem, bio sam silovito ambiciozan i karijeru sam uvek postavljao ispred

porodice, partnerstva i svega ostalog. Ali meni lično se karijerizam uopšte ne čini spornim; poslednje, ne treba zaboraviti da je upravo takva dijalektika tokom moje potpune predanosti poslu i takozvanom zanemarivanju porodice navedenoj finansijski omogućavala nadasve udoban život. Pored toga je neosporno da bi se bez ambicioznih vizionara kakav sam ja do danas umesto automobilima i avionima kretali skakanjem sa grane na granu, a da i ne spominjem užitak koji nude naučna otkrića i koji je, ruku na srce, u poređenju sa seksualnim barem jednako jak i, što je najvažnije, traje duže.

Kad sam za vreme vožnje vežbao svoj nastup pred virtualnim cvetožderom međunarodne stručne javnosti, nisam ni primetio da blago rominjanje prelazi u pljusak, refleks da na putu, koji je inače prazan, smanjim brzinu, je takođe otkazio. Tako me je u trenutku zanelo desno, zatim u levo, odbijalo me levo-desno, zatim se sećam samo još oštре krvine i cvileće okuke, kada se na mom životnom ekraru slika prekinula i projekcija se automatski prebacila na drugi program. Na tom novom kanalu se pojavila neka spirala DNK, oko mene se tesno savila i obratala po nekom tunelu, kroz koji sam u stisku genetske zmijice putovao gorostasnim molekulima proteina i nukleotida, koji su se sklanjali pred debelim crveno-žutim oktaedarskim virusom, grijecio se napred pored ćelija, koje su se cmačući prozdrljivo metabolizirale, delile i neke od njih crkavale, sve dok na kraju te metafizičke cevi nisam ugledao masu, u kojoj se dobro tuce džinovskih ćelija trljalo jedna o drugu. Pa da, morula! prošlo mi je kroz glavu. Po toj logici, stisnut u sopstvenom genetskom udaru sam najpre razvijao misao, trenutno se probijam kroz blastocistu, iz koje prelazim u morulu, a za ovu drugu se može samo očekivati ogromno svetleće telašće sa crvenkastom sredinom. Postajalo mi je sve jasnije i potpuno: vraćam se tamo odakle sam došao - niti u boga niti u neku kosmičku svetlost ili nešto slično, već preko murule u zigot - u oplođeno jajce, koje čeka da me usisa i onda se zigot rascepi na ženski i muški deo i tako će se moj život završiti i mene jednotavno neće biti. A tako izgleda ta posmrtna metafizika kod biologa, prošlo me je - umesto anđela, bogova i milujuće apstraktne svetlosti mi, naučnici biolozi, otpuštujemo u ništa kroz prvobitno ćelijsko tkivo. Pošteno, pomislio sam, ne žalim se. Neka oni koji veruju u boga pristanu u posmrtnoj geografiji pakla i raja ili na međustanici privremenog ništavila čekaju do mogućeg ponovnog vaskrskenja, neka se drugi reinkariraju u ljude, biljke, životinje i minerale, mi, biolozi i ostali koji ni u najgorim grozotama nisu podlegli iskušenju da bi klečeći pred nekim bogom prosili za zdravlje i život i cenjkali se sa nekom transcendencijom izvučenom iz bezdana očaja, mi da se deatomiziramo telesno i duhovno i tako sasvim i konačno nestanemo.

Ali, nažalost, nije bilo tako jednostavno. Labudova pesma mog misaonog procesa je u prelasku kroz blastocistu počela da se usporava, a pravzvor sve više da se udaljava. Neka sila - ili prasila, ili šta? - tik pred ulazak u morulu u blastocisti me je na mahove kovitlala i, to sada znam, zamutila i zlepila na već diferenciranu liniju ćelijskih zametaka endoderma, iz kojih se razvijaju unutrašnji organi. Jer kako bi se neko, logično zaključujem, našao u takvom obliku života? U toj neodređenoj vremenskoj jedinici se naime moje putovanje završilo i sve se potpuno smračilo - ako uopšte mogu govoriti o mraku, pošto je mrak samo slikovit izraz za ništa, i to potpuno, apsolutno ništa, u kojem nema ničega, da pokušam da označim tu fazu mog, ne bih rekao postojanja, a ni nepostojanja - sigurno bi najprikladniji izraz bio izvan-postojanje, da se malo filozofski izrazim, pošto sad imam vremena za takva misaona raspredanja, koja sam nekad ismevao i prezirao iz dna srca.

Nikakve operacije nisam video, nikakve hirurge koji bi se sagnuli nad moje mrtvo telo i po njemu premetali skalpelima i već nekome stavljali upotrebljivi deo moje telesne materije. Sledеća svest, tačnije, samosvest – sve ukazuje na to da mi ni od samosvesti nije ostalo puno – se uključila tek dosta kasnije. U međuvremenu je moralo da prođe nekih deset dana, koji za mene ne postoje. Iznenada, sećam se, znao sam da sam u bolnici, i to manje ili više u krevetu. Gde sam? bila je misao, koja se prva javila pri ponovnom aktiviranju moje svesti. Sve ukazuje da sam imao nesreću, a istovremeno i sreću, pošto sam očigledno preživeo. Ili to nije ni bila nikakva sreća, već u sledećem trenutku sam se zgrozio i spontano proverio stanje svojih ekstremiteta. E, tu se prvo zalamilo. Tek u torn trenutku sam postao svestan da je moja percepcija prostora nekako promenjena, da okolinu percipiram, ali ugao pod kojim vidim stvari nekako nije pravi. Ako ležim u krevetu, logično sam zaključio, onda bi trebalo da kad otvorim oči vidim prvo zidove i plafon. Ali nije bilo tako, moj pogled - možda bi bilo bolje reći vidik! - se krivio, otrpilike onako kako zamišljam da se krivi krivi prostor u svemiru. I pre nego što sam pokušao da pomerim glavu, noge i ruke, se tik uz mene začulo hrkanje. Pa čak ne uz mene, hrkanje je dolazilo iz sumnjičivo tesne blizine, iz čega sam zaključio da u sobi, konkretno u krevetu, nikako nisam sam. I kao što sam uskoro shvatio, otad će tako i ostati. Svoje ruke i noge sam inače nekako osećao, ali zašto nisam mogao da ih pomerim, uskoro mi je sinulo - zato što ni ruku ni nogu, da ne govorim o glavi, uopšte nemam. Strašno, mada verovatno prolazno, me je zaobišlo; na kraju krajeva, šta sve čovek oseti, pa ništa od toga nije stvarno, osim naravno sam neurološki proces, koji percepцију iz bog zna kog razloga iskriviljuje i izobličava. Ali da će mene, koji sam se otkad pamtim pozivao na razum i stalno se čudio lenjosti i labilnosti onih koje život prevrće kao more malu barku, pogoditi stanje koje je najsličnije psihozi - ne, na to nisam računao, to nisam očekivao. Taj osećaj je postao još jači kada je u sobu ušla medicinska sestra i krenula prema meni. U mom pravcu, ali ne bukvalno ka meni, a zatim nešto muvala toplomerom i gurala ga negde van mog vidnog polja. Ko sam? Šta sam? Ponovo sam duboko u sebi mleo, ali mleo kao šta? Gde u sebi? Odakle? Kao ko sve što slušam, mislim i posmatram?, počeo sam da se jedem, a da nisam znao će ta pitanja i ubuduće ostati neodgovoren. Na šta je ova moja misaona masa i s njom ja, moj identitet, zakačena? Na kakvu materiju, obuzeli su me bes i strah, jer neka materija, jebem ti, već mora da postoji, pa nisam duh ili tako nešto? Za mene, naučnika, čiji ostaci su se skupili na neki čudan naučni fenomen, je to bilo previše.

Sestra je izmerila temperaturu, što sam zaključio po elektronskom toplomeru koji je prinela svom špicastom nosu, kad je odmah zatim u sobu ušla vizita. Konačni spas, tu su moje naučne kolege, koji su došli da mi pojasne moje stanje i da mi kažu kako i šta će biti sa mnom - naravno, koliko je „naučni“ uopšte odgovarajući izraz za klinike koje sa godinama neretko zapadnu u ohole rutinske prakse i nauka ih u stvari prokletno malo zanima.

Ali vizita me je oslovljavala nekim meni potpuno nepoznatim prezimenom i imenom i kada je hirurg tajanstvenom nosiocu imena počeo da objašnjava da je operacija uspela i da njegovo telo dobro prihvata novu jetru, bilo mi je jasno da sam u sosu. Ili, tačnije, da je posle nesreće od mene, da se izrazim metaforički, ostao manje-više sos, čemu su se stručnjaci za transplantacije iskreno obradovali, verovatno na brzinu i bez zadržavanja diagnostikovali smrt mog mozga, telo održavalni na aparatima onoliko koliko je bilo potrebno da uzmu neoštećene organe, a istrošenu kašastu materiju

po mojim uputstvima poslali na kremaciju i sad je verovatno pristojno pokopana. A jetru, barem jetru, su presadili u muškarca, u čijem telu se sad kao njegova jetra i nalazim.

Živim, šta ja znam, na već neki način, ali - da li je to uopšte neki život?! počeo sam da se pitam, kada smo pre nekoliko dana domaćin i ja stigli kući. Ne kažem da i pre toga, dakle u vreme pravog života, nisam slušao priče hirurga, kako im se posle transplantacije organa kakokad jave pacijenti, onda se kolebaju i kolebaju, pre nego što konačno izuste pitanje, tobože, da li bi bilo moguće da je u presađenom organu neko donatorovo sećanje, jer navodno imaju osećaj da im se promenio ukus, pa da ih fudbal, njih, nekad strasne navijače, posle operacije ostavlja nerazumljivo hladne ili da ih žuljuju prsti da sednu za klavir i odsviraju nešto, bez obzira što o muzici nemaju pojma? Ne, nije moguće, u skladu sa doktrinom im objašnjava struka i u toj rečenici dodaje da treba da se raduju zbog svog novog organa i s tim u vezi novog života, koji za njih zapravo znači novo rođenje, pa da će, ako se budu držali svih lekarskih saveta, živeti lepo, a ako budu imali sreće, čak ne kratko. Šta drugo da im kažu? Nikad nisu imali prilike da diskutuju sa nekim umom zaglavljenim u organu, kao što, pa kao što se meni sad događa da me niko ne čuje, iako imam osećaj da moji monolozi nisu ništa manje glasni nego što su bile moje vežbe prezentacije tokom vožnje u automobilu, kada sam bio sam.

Sad znam da je, ako sam već potpisao neki dokument o doniranju organa, trebalo da postavim i neke uslove o njihovom primaocu, jer sad tu svoju karticu mogu zajedno sa formularom da nabijem u dupe! Odnosno, mogao bih, da imam dupe, ali ga nemam! Jer ovaj u kog su me usadili, moju jetru i s tim i mene, je za mene, za način na koji sam živeo svoj život i moj pogled na svet - njega još imam! - uvedljiv i sasvim neprihvatljiv. Naime, presađen sam u potpunog kretena, koji se od jutra do večeri u papučama vuče po stanu, bulji u televizor, blebeće gluposti, i to takve, da ih moj naučni um teško podnosi. Kada u slušalicu objašnjava kako se oseća i metode transplantacije, najradije bih ga zvezknuo, pošto o osnovama biologije i medicine nema blage veze, a naučni pojmovi mu lete iz usta kao kugle iz usranog magarećeg dupeta! U takvim trenucima čovek, pa i onakav kakav sam ja - ljudski trag ili šta?! – postane svestan koliko se me ljudi razlikujemo i kakve misaone lenštine su neki. Stan u kome živi sa ženom, odn. u kojem zajedno živimo, nije ni izbliza skroman, a ne štede ni u hrani koju ja kao njegova jetra zajedno sa imunosupresivnim lekovima obrađujem. Tako bi barem sad, kada je situacija takva da ima dvadesetetiri sata na dan, mogao i da pročita nešto. Ali ne, beba se valja po kauču i onda zajedno gledamo programe za koje uopšte nisam znao da postoje. Tip je, sve ukazuje na to, i lud za verom, ili makar versko proračunat. Veruje, naime, da za sve treba da se zahvali bogu, zato svaki dan gledamo neke verske programe u kojima manjaci vičući mašu krstovima i mikrofonima. Ubeđen je da je bog uslišio njegove molitve i na vreme mu obezbedio novu zdravu jetru. Ali, da li si uopšte svestan, egoisto glupi, mnogo puta pomislim, da je tvoja želja: dragi bože, daj, obezbedi mi novu jetru, sadržala neizrečeni ubilački deo, koji je glasio: a pošto jetre nažalost još ne možemo da uzbajamo kao krastavce, ujedno te, bože, ponizno molim, da neko umre, da bih ja živeo. Jer ako stvarno postoji nešto kao bog koji svakodnevno sluša sopstvenu tvorevinu kukavaca i ispunjava im želje, onda su me ovaj tip i njegov bog faktički ubili. Špekulanti pokvareni!

Žena ga sa nerazumljivo razumevajućim milosrdjem sluša i opslužuje, on njenu negu prihvata kao podrazumevanu, ali iz njene požrtvovanosti razbiram, da u svojem mučeništvu na neki idiotski način

i uživa. Kako sam uspeo da razberem iz njegovog kukanja, uzrok njegovog oboljenja jetre bi trebalo da bude hepatitis C, koji je, tako barem objašnjava svetu, pre deset godina dobio od neke transfuzije krvi, čemu žena, koja je veći mamlaz od njega, čak veruje, umesto da sedne za kompjuter, u Gugu ukuca davanje krvi i hepatitis C i tako bi brzo saznala da se u civilizovanim delovima naše planete još od 1993. sva krv davalaca krvi testira. Seksualne odnose s njom nemamo, a zato ga na kauču ispred televizora, kada smo sami, uz nabijanje nekog guzatog crnca, nežno mazimo, a na sve što liči na vaginu promenimo program i opet potražimo onog debelog zmijolikog pevca koji se živahno grči među vlasnikovim prstima.

Čovek ne bira roditelje, ali sada znam, ni domaćine. Krizni period posle uspešnih transplantacija uz izvođenje preporučenog zdravstvenog režima može da traje nekoliko dugih godina, i kad samo pomislim, da sam od sada osuđen na boravak u telu nekog mamlaza, u ovom zatvoru zatvorenog tipa bez ikakve mogućnosti izlaza, a kamoli pomilovanja, i da će - sve ukazuje na to, do njegove smrti ili do njegovog sledećeg presađivanja jetre?! - slušati idiotske džangljive monologe, okreće mi se - metaforički, naravno - želudac. U šetnje idemo retko, jer se on, lenština, iz stana skoro i ne mrda, a ako se uopšte makne, ponekad izađemo na balkon, naslonjeni na ogradu pušimo i posmatramo tinejdžere u oznojenim majicama kako šutaju loptu. Jebo te, setio sam se jednom dok smo pušili, i to ja, koji dotad nisam nikad pušio: pa pre nekoliko godina sam donirao svoje polne ćelije, koje su očigledno još u duboko zamrznutom stanju i dakle misaoni i uopšte neaktivne. Dakle postoji nada da se pojavi neka kadidatkinja za veštačku oplodnju, pa da moje spermatozoide odmrznu, i ako su moje hipoteze pravilne, onda zna biti, da se mesto za moju svest otvoriti i u njima i tako se iz jetre u celosti preselim u njih. Osim naravno, opet se usuđujem, ako me ne snađe još neko novo bizarno iznenadenje i svest se autonomno i suvereno aktivira i u mojim smermatozoidima i tako bih sa dva izvora svoje svesti imao neki unutrašnji post mortem dijalog, ili šta? Nemam pojma... uopšte ne znam šta da mislim... ma zafalicé mi neka daska... samo ne u glavi, šta znam u čemu i kako!

Ako ta moja hipoteza ne drži vodu i moja celokupna svest, identitet i šta je još od te lične koještarije, je skupljena u moju jetru, onda mogu da računam na još jednu opciju - da nekako uspostavim kontakt s ovim mojim škartom telesne materije, naučno produbim sebe na ćelijskom nivou i sopstvene naučne rezultate - baš me zanima koja karieristična hijena ih je pokrala i sad se njima šepuri po simpozijumima?! - upotrebitim u suprotnom smeru, kao što to priroda najnormalnije čini svaki dan. Dakle, da neku zdravu ambicioznu matičnu ćeliju nahuškam da može da ostane na veke vekova mlada, samo ako je spremna da se u nedogled deli, i tako je programiram, da krava glupa mutira i da se promeni u matičnu ćeliju raka, koji će tog tipa sigurno dokusuriti. Ali, postoji još jedna mogućnost, da doteram tehniku odbijanja imunosupresivnih lekova, zbog čega bi tipa dohvatala teška infekcija i konačno ga smestila u grob. Ali onda me prođe - a šta, ako to još nije sve i moj oblik života posle smrti samo jedan od oblika čovekovog postojanja i stvarno postoji nešto tako suludo kao što je karma? Zar to znači da takvom radnjom - najpre samoubistvo a posledično ubistvo - utičem i na svoju karmu i tako je konačno upropastim, pa se u sledećem životu, odnosno obliku života, otelotvorim u nekom čovečjem tkivu, iz kog se zatim razvije neka vagina, na primer, čija vlasnica se još u zelenim godinama poda niskoproračunskoj prostituciji, pa da se onda dnevno kroz mene protrlja

na desetine higijenski i zdravstveno spornih kuraca, ili da se, na primer, inkarniram u usnu sluznicu nekog potkuljivog političara ili balavog advokata, koje sam za vreme svog nekadašnjeg života apsolutno omalovažavao. Tako me u stanjima krajnjeg očaja podstiču samo još dve misli: prva, da sam nesreću telesno preživeo, a da su moždane povrede tako teške da sam sad na nekom zatvorenom psihijatrijskom odeljenju kao sobna biljka i po ceo dan bdim, dok negde u dubini neoštećene moždane mase teku svi ti moji misaoni procesi, a postoji još scenario B - možda čak E, sigurno i G... vitalizma i kreativnosti mi ne ponestane nikad -, po kojem sam trenutno u dubokoj komi, a iz nje ću se nekad ponovo probuditi i onda će sve ponovo biti manje ili više u redu.

Nekada sam ismevao izjavu da nada uvek umre poslednje. Ne, na takve izjave sam pobio pametnjakoviće - nada umre preposlednja, na samom kraju, baš zadnji posle nade umre onaj koji se nada. Ali sada vidim da ta rečenica ipak stoji. Meni, koji sam formalno mrtav i neformalno smesa sa mosvesne jetre, ostaje samo i jedino još nada, jer sve ostalo je, kao što se vidi, crklo ili je pak potpuno nefunkcionalno.

Šta znam kako je s tim životom i s tom smrću! Kako god se obrnem i pogledam - da žmurim, logično, nisam više sposoban, a očigledno i ne spavam -, za sada ustanovljujem samo jedno: Nema kraja te nema kraja...

Pečeník

*Translated by Kristína Potočnáková
Contact of the translator: kpotochnak@gmail.com*

Keby som to vedel vopred, nikdy by som ten formulár nepodpísal. Ale ako expert na život – ved' čo iné je biológia, ak nie veda o živote – som sa dosť málo zaoberal možnosťami posmrtnej existencie, a už vôbec som si netrúfol na túto tému – iba ak v nejakej veselej spoločnosti, zo randy, pochopiteľne – čokoľvek predpovedať. To, čo ma zaujímalo, bol živý organizmus; čo sa s ním stane po zastavení životných funkcií, keď sa pôsobením roztočov začne proces telesného skvapalnenia alebo jednoducho povedané hnitia, je jasné aj každému hlupákovi. Na to netreba byť vedcom ani expertom. A keďže som sa nechcel skvapalniť, podpísal som – uvedomujúc si potenciálne neoceniteľnú hodnotu živého tkaniva – že po mojej smrti všetko hodnotné a použiteľné, čo zo mňa ostane, darujem; so všetkým ostatným nech v priebehu dobrých dvoch hodín skončujú ohnivé jazyky krematória. Po smrti, pochopiteľne; ale toto tu nie je život, smrť však tiež nie. O tom, čím presne tento môj stav je a čo znamená by sa dalo napísať brillantné vedecké dielo, na ktoré by sa ceny lepili samé od seba. Ale tak, ako bolo predtým písanie o niečom takom predčasné, tak je naň teraz prineskoro, keďže môj stav je taký delikátny a radikálne zmenený, že ešte ani sám celkom dobre neviem, čo sa mi prihodilo, a ohľadom všetkého mám zatiaľ vypracované iba hypotézy.

Bolo to takto. So svojím vedeckým, a to vizionárskym, a nech to poviem na rovinu, priam geniálnym príspevkom o liečení rakoviny reprogramovaním kmeňových buniek som bol na ceste na medzinárodné vedecké sympózium. Keďže sa blížila chvíľa, kedy som mal výsledky svojich výskumov, ktorým som zasvätil kariéru i život konečne odhalil odbornej verejnosti, bol som nadovšetko rozrušený. Okrem mňa, autora a vynálezcu, poznali môj vedecký objav už iba moji laboratórni technici, ktorí do mojej verejnej prezentácie svoju mlčanlivosť aj odprisahali: prvý, hypochonder, sa preklial, nech vo chvíli, keď o tom čokoľvek cekne, zdravé bunky v jeho tele zdivejú a začnú sa deliť ako bláznivé; druhý, príslušník baptistickej cirkvi, zas položil pravicu na čiernu, v kravskej koži viazanú Novú zmluvu.

Vo vedeckej obci je rýchlosť mimoriadne dôležitá, keďže vzhľadom na to, že máme prístup k rovnakým informáciám a neurónové siete fungujú podobne, dosť rýchlo sa môže stať, že výskum dovedieť do konca, spracovania údajov na laboratórnych potkanoch a králikoch či prípadne na ľudských bunkových tkanivách sú potvrdené; všetko, čo chýba, je iba prezentácia starostlivo chránených výskumov, a pozri, už sa odkiaľsi objaví niekto s podobnými, ak nie dokonca úplne rovnakými výsledkami. A puffff – starostlivo nafukovaný balón v momente praskne a s ním sa do zabudnutia vyparia roky, ak nie desaťročia vyčerpávajúcich experimentov a analýz, prebdených nocí, následkom čoho je oslabený imunitný systém, podlomený zdravotný stav, a to ani nespomínam rodinné a partnerské nezhody, ktoré vzniknú ako kolaterálna škoda pri úplnej oddanosti vede. A aha - tvoja unavená vedecká hlava sa už ponížene skláňa, aby na ňu nasadili aureolu za epochálny civilizačný objav, keď ťa zrazu surovo odtlačí laket, ruka ktorého sa chamtivo natiahne a pred očami ti z hlavy strhne veniec, ktorý si tvoj súper nasadí na gebuľu. Tak naveky ostaneš druhý, ale inak

povedané, porazený; nula, nikto, ktorého meno sa v najlepšom prípade objaví v nejakej drobnej tlači. Priznávam, bol som strašne ambiciozny a kariéru som vždy kládol pred rodinu, partnerský život a všetko ostatné. Mne osobne sa však karierizmus nezdá ani trochu sporný; v neposlednom rade práve táto dialektika medzi mojou úplnou oddanostou práci a takzvaným zanedbávaním rodiny tej druhej menovanej umožňovala nadovšetko pohodlný život. Okrem toho je nesporné, že bez ambicioznych vizionárov, ako som ja, by sme sa ešte dnes namiesto na autách a lietadlach presúvali skokmi z konára na konár, a to ani nespomínam pôžitok, ktorý ti vedecké objavy poskytujú a ktorý je, ruku na srdce, v porovnaní so sexualitou prinajmenšom rovnako silný a predovšetkým dlhotrvajúcejší.

Ked' som si počas jazdy nacvičoval svoje vystúpenie pred virtuálnym výkvetom medzinárodnej odbornej verejnosti, ani som si nevšimol, že slabé kropenie prechádza do lejaku, a reflex, aby som na inak dosť prázdnnej ceste znižil rýchlosť, tiež zlyhal. Tak ma v momente odnieslo vpravo a nato vľavo, odrážalo ma sem a tam, a potom si pamätám už len prudkú zákrutu a škrípajúci ohyb, ked' sa na mojom životnom monitore obraz prerušil a projekcia sa automaticky prepla na iný program. Na tom novom kanáli sa objavila akási špirála DNA, tesne sa okolo mňa obmotala a odvinula ma do nejakého tunela, cez ktorý som v zovretí génového hadíka cestoval pomedzi gigantické molekuly proteínov a nukleotidov, ktoré sa uhýnali tučným červeno-žltým osemstenným vírusom; tlačil som sa d'alej popri bunkách, ktoré mľaskajúc nenásytne metabolizovali, delili sa a niektoré z nich zdochýnali, až kým som na konci tej metafyzickej rúry nezahliadol masu, v ktorej sa dobrý tucet gigantických buniek trel jedna o druhú. Samozrejme, morula! prebleslo mi hlavou. Podľa tejto logiky, v zovretí vlastného génového škríča som d'alej rozvíjal myšlienku, sa momentálne prebíjam cez blastocystu, z ktorej prejdem do moruly, a za tou druhou už možno očakávať iba obrovské svietiacе teliesko s červenkastou striedkou. Začalo mi byť jasné všetko a dočista: vraciám sa tam, odkiaľ som prišiel – nie k bohu ani k nejakému kozmickému svetu alebo čomusi podobnému, ale cez morulu do zygoty – do oplodeného vajíčka, ktoré čaká na to, aby ma vsalo, a potom sa zygota rozštiepi na ženskú a mužskú časť a tak bude môj život ukončený a ja už jednoducho nebudem. Tako predsa vyzerá táto posmrtná metafyzika u biológov, napadlo ma – namiesto anjelov, bohov a pohládzajúceho abstraktného svetla my, vedci, biológovia, poputujeme do ničoho cez prvotné bunkové tkanivo. Správne, pomysiel som si, nemám pripomienky. Nech tí, ktorí veria v boha, pristanú v posmrtnej geografii pekiel a nebies alebo nech na medzizastávke dočasného nič čakajú do prípadného zmŕtvychvstania; iní nech sa reinkarnujú do ľudí, rastlín, zvierat a minerálov; my, biológovia a všetci ostatní, ktorí sme ani v najväčších hrôzach nepodľahlí pokušeniu, aby sme kľačiac pred nejakým bohom žobronili o zdravie a život a vyjednávali s akousi z bezodnosti zúfalstva doylečenou transcendenciou, my nech sa telesne i duchovne deatomizujeme a tak úplne a definitívne zmizneme.

No také jednoduché to žiaľ nebolo. Labutia pieseň môjho myšlienkového procesu sa pri prechádzaní cez blastocystu začala spomaľovať, prapôvod zas čoraz viac vzdialovať. Akási sila – prasila, alebo čo? – ma tesne pred vstupom do moruly v blastocyste trhane rozvírila a, teraz to viem, zmazala ma a nalepila na už diferencovanú líniu zárodočných buniek endodermu, z ktorých sa vyvíjajú vnútorné orgány. Ved' ako len by som sa, logicky usudzujem, ocitol v takejto forme existencie? V tej neurčitej časovej jednotke sa totiž moje putovanie skončilo a všetko sa úplne zatemnilo – ak samozrejme môžem vôbec hovoriť o tme, ked'že tma je iba farbistý výraz pre nič, a to totálne, absolútne nič,

v ktorom nič nie je; ak sa už mám pokúsiť označiť túto fázu mojej, nepoviem existencie, no zároveň ani neexistencie - azda najvhodnejší by bol výraz mimo-bytie, ked' sa vyjadrim trochu filozoficky; teraz mám totiž čas na takéto myšlienkové pochody, z ktorých som sa kedysi vysmieval a z hlbky duše nimi pohŕdal.

Nevidel som žiadne operácie, žiadnych chirurgov, ktorí by sa skláňali nad mojím mŕtvyom telom, prehrabávali sa v ňom skalpelmi a do kohokoľvek vkladali použiteľné časti mojej telesnej hmoty. Nasledujúce uvedomenie, presnejšie sebauvedomenie – všetko naznačuje, že mi nič viac než sebauvedomenie ani neostalo – sa zaplo až o dosť neskôr. Medzitým muselo prejsť nejakých desať dní, ktoré však pre mňa neexistujú. Odrazu, spomínam si, som sa prebral v nemocnici, a to viac či menej na posteli. Kde som? bola myšlienka, ktorá sa ako prvá spustila pri opäťovnej aktivácii môjho vedomia. Všetko naznačuje, že som mal nehodu, a zároveň šťastie, ked'že som očividne prežil. Alebo to až také šťastie nebolo, zhrozil som sa už v nasledujúcej chvíli a spontánne som preveroval stav svojich končatín. Tu nastal prvý vážny zlom. Až v tej chvíli som si uvedomil, že moja percepcia priestoru je trochu zmenená, že okolie sice rozoznávam, no uhol, pod ktorým veci vidím, akosi nie je pravý. Ak ležím na posteli, logicky som usudzoval, ked' otvorím oči, mal by som najprv uvidieť steny a strop. No nebolo to tak, môj pohľad – možno by bol vhodnejší pojem roz-hľad! – sa nakrivoval, podobne ako si predstavujem, že sa kriví priestor vo vesmíre. A ešte skôr než som sa pokúsil premiestniť hlavu, nohy a ruky, tesne vedľa mňa zapílico chrápanie. Ani nie vedľa mňa, chrápanie prichádzalo z podozrivo tesnej blízkosti, z čoho som vylústil, že v miestnosti, konkrétnie na posteli, ani zdáleka nie som sám. A ako som čoskoro zistil, odteraz to tak aj malo ostať. Svoje ruky a nohy som sice trochu cítil, čoskoro sa mi však vyjasnilo, prečo som nimi nemohol pohnúť - preto, lebo ruky ani nohy, o hlave nehovoriac, vôbec nemám. Strašné, a predsa snáď len prechodné, napadlo ma; napokon, čo všetko človek dokáže pocítiť, a nič z toho nie je pravda, samozrejme okrem samotného neurologického procesu, ktorý percepciu z bohvieakého dôvodu kriví a deformuje. Že aj mňa, čo som nedal dopustiť na rozum, odkedy sa parnátam a zakaždým som sa čudoval lenivosti a labilnosti tých, ktorých život pohadzuje ako more malú bárku, postihne stav, ktorý najviac priponíma psychózu – nie, s tým som veru nepočítal, to som naozaj nečakal. Tento pocit sa vo mne ešte posilnil, ked' do izby vstúpila zdravotná sestra a zamierila smerom ku mne. Smerom, nie doslova ku mne a potom čosi porábala s teplomerom a zasúvala ho mimo môjho zorného pola. *Kto som? Čo som?* znova som hlboko v sebe mlel, no *Omel'jal ako čo? Kde v sebe? Odkiaľ? Ako kto každý toto počúvam, myslím a pozorujem?*, začal som sa zožierať, bez toho, aby som vedel, že tieto otázky ostanú aj v budúcnosti nezodpovedané. K čomu je tá moja mentálna masa a s ňou ja, moja identita, priprnutá? K akej hmote, pochytila ma zúrivosť a strach, lebo nejaká hmota to, do riti, už len musí byť, nie som predsa duch alebo čo? Na mňa, vedca, ktorého pozostatky sa zredukovali na akýsi vedecký fenomén, bolo toto absolútne privel'a.

Sestra odmerala teplotu, čo som usúdil podľa elektronického teplomera, ktorý zdvihla k svojmu špicatému nosu, ked' tesne nato do izby vpochodovala vizita. Konečne spásu, tu sú moji vedeckí kolegovia, ktorí mi prišli objasniť môj stav a povedať mi, ako a čo so mnou bude – no, samozrejme, pokiaľ je „vedecký“ vôbec vhodný výraz pre klinikov, ktorí rokmi nezriedkavo zlenivejú na povýšeneckých, rutinných praktikov a veda ich v skutočnosti prekliaťo málo zaujíma.

Vizita ma však oslovovala akýmsi mne celkom neznámym priezviskom a menom, a keď chirurg tajomnému nositeľovi meno začal objasňovať, že sa operácia podarila a že jeho telo novú pečeň prijíma dobre, uvedomil som si, že som v kaši. Alebo presnejšie, že po nehode zo mňa, keď sa mám vyjadriť metaforicky, ostala viac menej kaša, čomu sa odborníci na transplantácie úprimne potešili, zrejme rýchlo a bez prieťahov diagnostikovali smrť môjho mozgu; telo udržiavali na prístrojoch len natol'ko, aby z neho mohli vybrať nepoškodené orgány, a použitú kašovitú hmotu podl'a mojich pokynov odovzdali na kremáciu a teraz je pravdepodobne už i náležite pochovaná. Pečeň, najmenej pečeň transplantovali do muža, v tele ktorého sa teraz ako jeho nová pečeň nachádzam.

Žijem, čo ja viem, nejakým spôsobom určite, no – je toto vôbec nejaký život?! začal som sa pýtať, keď sme o niekol'ko dní neskôr s hostiteľom dorazili domov. Nevravím, že už predtým, teda v čase pravého života, keď som bol sebou so svojím celým telom, som nepočúval príbehy chirurgov, ako sa po transplantácii orgánu raz za čas u nich zastavia pacienti a potom sa zdráhajú a zdráhajú, kým z nich napokon nevylezie otázka, a to, čo myslíte, bolo by možné, aby bola v transplantovanom orgáne nejaká darcova spomienka; pretože vraj majú pocit, že s nimi žije ešte niekto, že sa im napríklad zmenil vodus, a že futbal ich, kedysi vášnivých fanúšikov, po operácii necháva nepochopiteľne chladnými alebo že ich svrbia prsty, aby si sadli za klavír a jednu zahráli, hoci o hudbe nemajú ani šajnu? Nie, to nie je možné, v súlade s doktrínou im objasňujú odborníci a v jednej vete dodávajú, aby sa radšej tešili z nového orgánu a s ním súvisiaceho nového života, ktorý pre nich skutočne znamená znovuzrozenie, a že keď budú dodržiavať všetky lekárské odporúčania, potom budú žiť dobre, a keď len budú mať šťastie, ani nie tak krátko. Čo iné by im mali povedať? Nikdy nemali príležitosť diskutovať s nejakým do orgánu vtesnaným umom, ako aj, ved' ako zažívam, nik ma nepočuje, hoci mám pocit, že moje monológne nie sú o nič menej hlasné, ako boli moje nácviky prezentácií počas jazdy v aute, keď som bol sám.

Teraz viem, že keď som už podpísal nejaký dokument o darcovstve orgánov, mal som si stanoviť aj podmienky týkajúce sa jeho príjemcu, lebo teraz si môžem tú svoju kartičku spolu s formulárom strčiť do zadku! No, mohol by som si, keby som zadok mal, no nemám ho! Lebo ten, do ktorého ma vsadili, moju pečeň a s ňou mňa; je pre mňa, pre životný štýl, ktorý som žil, a môj svetonázar – ten ešte mám! – urážlivý a úplne neprijateľný. Som totiž vsadený do úplného kreténa, ktorý sa od rána do večera v šlapkách súchce po byte, čumí na televízor, trepe hlúposti, a to také, ktoré môj vedecký rozum ľažko znáša. Keď do slúchadla vykladá, ako sa cíti a o metóde transplantácie, občas by som ho najradšej udrel, keďže o základoch biológie a medicíny nemá ani najmenšiu šajnu, vedecké pojmy mu však lietajú z úst ako bobky z osratej oslovej riti! V takých chvíľach si človek, a to aj taký, ako som ja – ľudská stopa alebo čo?! - uvedomí, ako veľmi sa ľudia líšia a akí intelektuálni lenivci sú niektorí. Byt, v ktorom so ženou žijú, teda, v ktorom teraz žijeme spolu, nie je ani zdľave skromný, rovnako nešetria ani na jedle, ktoré ja ako jeho pečeň spolu s imunosupresívnymi liekmi prečistujem. Taktôž by si mohol aspoň teraz, keď ho zasiaha táto situácia a po operácii má čas dvadsaťštyri hodín denne, aj niečo prečítať. Ale nie, blbec sa vyvaluje na gauči a potom spolu čumíme na programy, o ktorých som vôbec netušil, že existujú. Chlap je, ako sa ukazuje, aj náboženský šialenec alebo minimálne nábožensky vypočítavý. Verí totiž, že sa musí za to všetko podákovať Bohu, preto každý deň pozeráme nejaké náboženské programy, v ktorých maniaci počas toho, ako ziapu, mávajú križmi

a mikrofónmi. Je presvedčený, že Boh vyslyšal jeho modlitby a včas mu zaobstaral novú zdravú pečeň. No uvedomuje si vôbec, egoista primitívny, neviem kol'ký krát si pomyslím, že tvoje želanie: *drahý Bože, no tak, zaobstaraj mi novú pečeň, obsahovalo nevyslovenú vraždenú časť, ktorá znala: a keďže pečeň bohužiaľ zatiaľ nemôžeme pestovať ako nejaké uhorky, zároveň t'a, Bože, ponížene prosím, nech niekto umrie preto, aby som mohol žiť.* Lebo ak naozaj existuje niečo také ako Boh, ktorý každý deň počúva vlastné ponosujúce sa tvorstvo a priania mu aj plní, potom ma ten chlap a jeho Boh fakticky zabili! Špekulanti skazení!

Žena ho s nepochopiteľne chápavou lútostou počúva a obsluhuje, on jej starostlivosť berie ako samozrejmosť, ale mne z jej obetavosti vyplýva, že si to svoje martyrium nejakým idiotským spôsobom aj užíva. Ako sa mi podarilo pochopiť z jeho horekovania, príčinou jeho ochorenia pečene mala byť hepatitída typu C, ktorú údajne, aspoň tak to vykladá vesmírnemu tvorstvu, pred desiatimi rokmi chytí cez akúsi transfúziu krvi, čomu žena, ktorá je ešte väčšia hlupaňa ako on, dokonca verí, namiesto toho, aby si sadla k počítaču, do googlu zadala „darcovstvo krvi“ a „hepatitída C“ a hned by dosť rýchlo zistila, že v civilizovaných krajinách našej planéty sa už od roku 1993 všetka krv darcov testuje. Pohlavný styk s ňou nemáme, preto si ho na gauči pred televízorom, keď sme sami, pri nabíjaní nejakého černocha s oblým zadkom mäkkou trieme, pri detailných záberoch vagíny program prepneeme a znova pohľadáme tlstého, hadovitého vtáka, ktorý sa čulo zvija medzi majiteľovými prstami.

Človek si nevyberá rodičov, ale teraz viem, že ani telesných hostiteľov. Doba prežitia po úspešných transplantáciách pri dodržiavaní odporúčaného zdravotného režimu môže trvať ešte dlhé roky, a keď si len pomyslím, že som odteraz odsúdený na bytie v tele tohto blbca, v tomto väzení s uzavretým režimom bez akejkoľvek možnosti úniku, nieto omilostenia, a že budem – vyzerá to tak, že až do jeho smrti alebo do jeho ďalšej transplantácie pečene?! – počúvať idiotské uhundrané monólogo, obracia sa mi – metaforicky, samozrejme – žalúdok. Na prechádzky chodíme zriedka, lebo on, lenivec, sa z bytu takmer nepohnie, a keď už, občas vyjdeme na balkón, opierame sa o zábradlie, fajčíme a pozorujeme pubertiakov, ktorí na dvore v prepotených tričkách kopú do lopt. Do riti, napadlo ma raz počas fajčenia, a to mňa, ktorý som doteraz nikdy nefajčil: ale ved' pred rokmi som daroval svoje pohlavné bunky, ktoré sú však ešte očividne hlboko zmrazené a teda intelektuálne a aj inak neaktivne. Zostáva teda nádej, že sa objaví nejaká kandidátka na umelé oplodnenie, a že moje spermie sa rozmrazia, a keď sú moje hypotézy správne, potom sa môže stať, že sa miesto pre moje vedomie otvorí aj v nich a tak sa z pečene v celku prestahujem do nich. Len ak ma, samozrejme, znova sa zháčim, nestihne ešte nejaké nové bizarné prekvapenie a vedomie sa autonómne a suverénne neaktivuje aj v mojich spermiah a tak budem s dvoma zdrojmi svojho vedomia viest' akýsi vnútorný post mortem dialóg, alebo čo? Nemám šajnu...vôbec neviem, čo si mám myšľieť...ved' sa ešte zbláznim...akurát nie v hlave; čo ja viem, v čom a ako!!

Ak táto moja hypotéza neplatí a moje celkové vedomie, identita a ďalšie osobnostné taťafatky sa zredukovali na moju pečeň, potom môžem počítať ešte s jednou možnosťou – že nejako nadviažem styk s tým svojím kúsočkom telesnej hmoty, vedecky sa do seba na bunkovej úrovni zahľabím a vlastné vedecké výsledky – naozaj ma zaujíma, ktorá karieristická hyena ich ukradla a teraz sa ním vytáhuje na sympóziách?! – použijem v opačnom smere, tak, ako to prízemne každý deň robí príroda. A tak teda nejakú zdravú ambicioznu kmeňovú bunku nahuckám, že ostane na veky vekov mladá,

pokiaľ je pripravená donekonečna sa deliť, a tak ju reprogramujem, že krava hlúpa zmutuje a zmení sa na kmeňovú bunku rakoviny, ktorá toho chlapa určite usmrší. No, existuje ešte ďalšia možnosť, že vybrúsim techniku odmietnutia imunosupresívnych liekov, v dôsledku čoho by chlapa stihla vážna infekcia a definitívne by ho priviedla do hrobu. Ale potom mi hlavou preblesne - čo ak to nie je všetko a moja forma posmrtného života je iba jednou z form ľudského bytia a skutočne existuje ešte niečo také hlúpe, ako je karma? Znamená to, že takým činom - najskôr samovraždou a potom vraždou - ovplyvním ešte aj svoju karmu a tak si ju definitívne pokašlem a v ďalšom živote, respektíve životnej forme sa zhmotním v nejakom ľudskom tkanive, z ktorého sa potom vyvinie nejaká vagína, majiteľka ktorej sa napríklad ešte v mladom veku oddá nízkorozpočtovej prostitúcii, a tak sa potom budú cezo mňa denne kízať desiatky hygienicky a zdravotne závadných kokotov, alebo sa napríklad inkarnujem do ústnej sliznice nejakého podplatiteľného politika alebo slizkého právnika, ktorími som v čase svojho niekdajšieho života absolútne opovrhoval. Tak ma v stavoch extrémneho zúfalstva inšpirujú už iba dve myšlienky: prvá, že som nehodu fyzicky prežil, no poranenia mozgu sú také vážne, že teraz ako izbová kvetina celé dni trčím na nejakom uzavretom psychiatrickom oddelení, zatiaľ čo kdesi v hlbinách nepoškodenej mozgovej kôry prebiehajú všetky tieto moje myšlienkové procesy, existuje však aj scenár B - možno dokonca E, snáď G... vitalizmus a kreativita mi chýbať nikdy nebudú - , podľa ktorého som momentálne v hľbkej kôme, z tej sa raz prebudím a potom bude znova všetko viac menej v poriadku.

Kedysi som sa posmieval z výroku, že nádej vždy umiera posledná. Nie, pri takých výrokoch som mudrlantov odfajčil - nádej umiera predposledná, na samom konci, úplne posledný za nádejou zomrie ešte dúfajúci. No teraz vidím, že táto veta predsa len platí. Mne, ktorý som formálne mŕtvý a neformalne zmesou sebauvedomujúcej pečene, ostáva už len a len nádej, lebo všetko ostatné, ako sa ukazuje, zdochlo alebo je úplne nefunkčné.

Čo ja viem, ako je to s tým životom a s tou smrťou! Akokoľvek sa obrátim a poobzérám - zažmúriť už, logicky, nedokážem, očividne ani nespím - , nateraz zisťujem len jedno: Niet konca a niet konca...

Hepático

*Translated by María Estefanía Quiroga
Contact of the translator: estefaniaq@gmx.net*

De haberlo sabido antes, nunca habría firmado aquel formulario. Pero como experto en la vida – y qué otra cosa es la biología, sino la ciencia de la vida – me dediqué a estudiar un poco las posibilidades de existencia después de la muerte, aunque no me animé a profundizar demasiado en el tema como para predecir algo – excepto en alguna tertulia, bromeando, claro está. Lo que me interesaba era el organismo vivo, lo que pasa con él después de que se acaban las funciones vitales, cuando gracias a los ácaros comienza el proceso de licuefacción del cuerpo o, para decirlo más simple, de putrefacción, aunque esto está claro para cualquier boludo. Para eso no hace falta ser ni científico ni experto. Y ya que no quería licuarme – consciente del valor inestimable del tejido vivo – firmé para que después de mi muerte todo aquello valioso y útil que quedara de mí fuera donado, pero eso sí, que cremaran todo el resto por dos buenas horas. Después de morir, obviamente. Y es que esto de ahora no es vida, aunque tampoco la muerte. Se podría escribir un trabajo científico brillante al que los premios se le pegarían solos sobre esta cuestión de cuál es exactamente mi estado y qué significa. Pero así como hubiera sido prematuro escribir sobre algo de esto antes, ahora es demasiado tarde, ya que mi estado es tan delicado y ha cambiado tan radicalmente que ni siquiera sé exactamente qué me ha pasado ni qué tengo respecto de todo lo hecho hasta ahora; únicamente algunas hipótesis.

Así fue. Con mis científicos, visionarios pero no astutos, con una contribución directa a la cura del cáncer con células madre reprogramadas, estaba camino a un simposio científico internacional. Como se aproximaba el momento en el que finalmente revelaría al público científico los resultados de las investigaciones a las que he dedicado la carrera y la vida, estaba excesivamente inquieto. Además de mí, de los autores y de los inventores, sólo los dos técnicos del laboratorio conocían mi descubrimiento científico y habían jurado discreción hasta mi exhibición pública: el primero, hipocondríaco, me lo juró por que en el instante en el que dijera cualquier cosa al respecto, las células sanas de su cuerpo enloquecieran y empezaran a dividirse como locas; el otro, que pertenece a la iglesia bautista, puso la mano derecha sobre un Nuevo Testamento forrado con cuero de vaca.

En la comunidad científica, la velocidad es excepcionalmente importante, puesto que tenemos acceso a la misma información y que las redes neuronales funcionan parecido, puede pasar que lleves una investigación hasta el final, que los datos de las pruebas hechas en ratas de laboratorio, conejos y eventualmente en células de tejidos humanos, sean comprobados y que lo único que falte sea mostrar la investigación tan cuidadosamente guardada, y entonces ahí aparece alguien de la nada con un resultado no exactamente igual pero similar. Y ufffff – el globo cuidadosamente inflado de repente explota y, con él, se desinflan años al olvido, si no una década de experimentos y análisis exhaustivos, noches sin dormir, un sistema inmunológico agotado consecuencia de esto, y mejor hable de la salud para no mencionar los malentendidos con la familia y la pareja, que se presentan como daños colaterales de la devoción total a la ciencia. Y entonces – tu cabeza científica cansada,

va bajando humildemente para que se cree sobre ella una aureola de descubrimiento clave para la civilización, pero justo ahí la sorpresa te pega un codazo fuerte, su mano se extiende codiciosa y te arranca la corona en tus narices y tu rival se la pone en la cabeza. Así te convertís para siempre en otro o, dicho de otra manera, en un perdedor, un cero, un don nadie cuyo nombre aparece en el mejor de los casos en algún medio de comunicación insignificante. Admito que he sido violentamente ambicioso y que he puesto siempre la carrera antes que mi familia, pareja y todo lo demás. Pero personalmente el arribismo no me parece para nada cuestionable; al final no es nada más que una dialéctica entre mi absoluta dedicación al trabajo y la llamada falta de atención a la familia, que hace posible sobre todo una vida cómoda. Además de eso, es indiscutible que sin visionarios ambiciosos, así como yo, aún hoy nos transportaríamos de rama en rama en vez de en autos y aviones; ni mencionar el placer que ofrecen los descubrimientos científicos y que, mano en el corazón, en comparación con la sexualidad, es más fuerte y sobre todo, más duradero.

Cuando durante el viaje practicaba mi presentación ante un virtual público experto internacional, no me di cuenta de que caía un frágil rocío, sólo un reflejo me avisó que disminuyera la velocidad a pesar de que la calle estaba bastante vacía. Así fue que en un instante derrapé a la derecha y en seguida a la izquierda, me sacudí para acá y para allá; después sólo recuerdo una curva muy cerrada y el ruido de un giro, mientras el pantallazo de mi vida se quedaba sin imagen y la proyección automáticamente pasó a otro programa. En este canal nuevo apareció una hélice de ADN que me envolvía con fuerza y me giraba por un túnel. A través de él viajaba agarrado a una viborita genética entre las enormes moléculas de proteínas y nucleótidos que se apartaban de los gordos y rojo-amarillentos virus octaedríticos, después me acerqué más a las células que se metabolizaban ansiosa y ruidosamente, se dividían y algunas de ellas se morían, pero recién al final de ese caño metafísico llegó a ver toda la masa en la que más o menos una docena de células enormes se frotaban unas con otras. Claro, ¡la mórula! caí en la cuenta. Con esta lógica, seguí desarrollando el pensamiento apretado a mi propia boa genética: en este momento me estoy abriendo camino entre los blastocitos y a través ellos entro a la mórula, entonces a continuación sólo queda esperar un enorme corpúsculo luminoso con un núcleo rojizo. Se me aclaró absolutamente todo: vuelvo allá, de dónde vine – no a Dios ni a alguna luz cósmica ni nada parecido, sino a través de la mórula al cigoto – en el óvulo fecundado, que espera absorberme y después el cigoto se divide en lado femenino y masculino y así mi vida va a terminar y simplemente no voy a estar más. Pero así es ver la metafísica post mortem como biólogo, reflexioné – en lugar de ángeles, dioses y luces divinas abstractas, nosotros los científicos, los biólogos, partimos hacia la nada a través del tejido celular principal. Honestamente, pensé, no tengo observaciones. Que los que creen en dios, aterrícen en la geografía mística del cielo y el infierno, o que en la estación intermedia de la nada provisoria esperen hasta la eventual resurrección, que otros se reencarnen en gente, plantas, animales y minerales; nosotros, los biólogos y todos los que no somos tentados ni en los peores horrores a rogar por salud y por la vida arrodillados ante algún dios, ni a negociar desesperadamente con algo la trascendencia acarreada. Nosotros mejor nos desatomizamos corporal y espiritualmente, y así finalmente desaparecemos.

Pero lamentablemente no era tan simple. El canto del cisne de mi proceso mental comenzó a alentizarse mientras pasaba por el blastocisto, y el punto de origen se alejaba cada vez más. Alguna

fuerza – o fuerza primitiva ¿o qué? – justo en la entrada a la mórula me hizo girar en el blastocisto y, ahora lo sé, me borró y me pegó en una línea diferencial de células llamada endodermo, de las que se desarrollan los órganos internos. ¿Pero por qué sólo algunos, lógicamente infiero, se convertirían en semejante forma de vida? En esta indefinida unidad temporal, mi viaje terminó definitivamente y todo oscureció por completo – claro, si puedo hablar de oscuridad, pues es solamente un término más colorido para nombrar la nada, y esa completa, absoluta nada en la que no hay nada, aún si trato de ponerle un nombre a esta fase en la que estoy, no digo existencia, pero tampoco inexistencia – quizás la expresión más adecuada sería estar fuera, si me expreso más filosóficamente, porque de hecho ahora tengo tiempo para este tipo de entrega mental de la que algún día me burlé y la que menosprecié desde el fondo de mi corazón.

No vi ninguna operación, a ningún cirujano que se inclinara sobre mi cuerpo muerto y hurgara en él con un bisturí, ni a nadie insertando en alguien la parte útil de mi materia corporal. La siguiente concientización, más precisamente autoconcientización – todo indica que ya no me queda casi nada de autoconciencia – se puso en marcha bastante más tarde. Mientras tanto seguro habían pasado como diez días, pero no para mí. Sorpresivamente, me acuerdo, volví en sí en el hospital, y esto fue más o menos en la cama. ¿Dónde estoy? Fue el primer pensamiento que se disparó al activarse otra vez mi conciencia. Todo indica que tuve un accidente, pero al mismo tiempo bastante suerte, un instante después me estremecí y espontáneamente examiné el estado de mis extremidades. Fue entonces cuando realmente se fue todo al diablo. Recién en ese momento me di cuenta de que mi percepción del espacio había cambiado de alguna manera, que aunque percibo lo que me rodea, es como que el ángulo con el que veo las cosas de algún modo no está bien. Si estoy acostado en la cama, inferí lógicamente, entonces al abrir los ojos debería ver primero las paredes y el techo. Pero no era así, mi vista – tal vez sería más exacto el concepto de visión! – se había deformado más o menos como me imagino que se deforma el espacio en el universo. Pero justo antes de intentar mover la cabeza, las piernas y los brazos, bien al lado mío empezó un ronquido. Ni siquiera al lado mío, el ronquido venía de una sospechosa y estrecha cercanía, de la que deduje que en la habitación, concretamente en la cama, definitivamente no estaba solo. Y como enseguida comprobé, eso también iba a quedar así. De alguna manera sentía los brazos y las piernas, pero ¿por qué no me podía mover? pronto me iluminé – porque no tengo ni brazos ni piernas, sino que hablo desde la cabeza. Intimidante, pero seguramente fugaz, me evadí; finalmente, de lo que uno puede ser consciente, nada es verdad, excepto, claro está, el proceso neurológico en sí mismo, que distorsiona y deforma la percepción por saber dios qué razón. Pero también a mí, que desde que tengo memoria he jurado mentalmente y me he sorprendido cada vez con la inercia y la inestabilidad de aquellos a los que la vida da vuelta como el mar a un botecito, me va a venir ese estado que se parece más a una psicosis – no, pero no contaba con esto, realmente no me esperaba esto. Este sentimiento sólo se fortaleció más en cuanto la enfermera entró a la habitación y caminó en mi dirección. En mi dirección, pero no literalmente hacia mí; poco después hurgó algo con el termómetro y lo puso fuera de mi campo visual. ¿Quién soy? ¿qué soy? me retorcí en mí mismo otra vez, sin embargo ¿Meditaba como qué? ¿Dónde en mí? ¿De dónde? ¿Como quién escucho todo, pienso y observo?, empecé a contemplar, sin saber que también esas preguntas iban a quedar sin respuesta. ¿A qué está pegada

mi masa mental y con ella, yo, mi identidad? ¿De qué materia se agarraron la ira y el miedo? porque alguna materia, maldición, todavía debe haber, ¿acaso soy un fantasma o qué? Para mí, un hombre de ciencia, cuyos restos habían sido reducidos a algún tipo de fenómeno científico, era definitivamente demasiado.

La enfermera tomó la temperatura, lo deduje por el termómetro electrónico que traía frente a su nariz punteaguda, e inmediatamente después entró la visita a la sala. Finalmente la salvación, acá están mis colegas, los científicos que me vinieron a explicar mi estado y a decirme qué va a ser de mí – aunque, claro, no sé cuán apropiado es el término “científico” para las clínicas que con los años a menudo se estancan en arrogantes prácticas de rutina y la verdad es que la ciencia les importa un carajo.

Sin embargo la visita se dirigió a mí con un nombre y un apellido que para mí eran completamente desconocidos y, cuando el cirujano le empezó a explicar al misterioso portador de ese nombre que la operación había sido un éxito y que su cuerpo había recibido bien el nuevo hígado, me di cuenta de que estaba hecho papilla; más precisamente de que después del accidente, metafóricamente hablando, de mí había quedado una cantidad de papilla de la que los expertos en transplantes más o menos se alegraban de verdad; seguramente rápido y sin dificultades habían diagnosticado mi muerte cerebral, habían conservado el cuerpo en los aparatos, le habían sacado los órganos sanos y habían mandado a cremar bajo mis instrucciones la materia espesa desechada, que ya debe estar decentemente enterrada. Le habían transplantado el hígado, al menos el hígado, a un hombre en cuyo cuerpo ahora me encontraba yo, al igual que su nuevo hígado.

Vivo, qué sé yo, de algún modo todavía – pero ¡¿es esto una vida?! empecé a preguntarme cuándo, con el huésped, llegaríamos a casa. No digo que ya antes de eso, o sea en ese tiempo en el que mi vida era real, cuando yo estaba con mi cuerpo completo, no haya escuchado las historias de los cirujanos, que decían que de vez en cuando después de los transplantes, vienen los pacientes y dan vueltas y dan vueltas hasta que finalmente salen con la pregunta, algo así como, piensa usted que sería posible que en el órgano transplantado hubiera alguna reminiscencia del donante, porque tienen la sensación de que con ellos vive alguien más, que por ejemplo se les han cambiado los gustos; que después de la operación, el fútbol, a los alguna vez fanáticos apasionados, les provoca sólo una inentendible frialdad, o que les pican los dedos por sentarse en un piano y tocar una canción a pesar de no tener ni la más mínima idea de música. No, no es posible, explica el experto con doctrina y en la misma oración agrega que mejor se alegren del nuevo órgano y de la nueva vida que se les presenta con él, que en verdad significa un nuevo nacimiento, que si siguen todas las recomendaciones médicas van a vivir bien y, si también tienen suerte, no por poco tiempo. ¿Qué otra cosa les dirían? Nunca tuvieron la oportunidad de discutir con una mente atrapada en un órgano, como experimento yo ahora. Nadie me escucha a pesar de que tengo la sensación de que mis monólogos no son mucho más audibles que mis ensayos para la presentación mientras manejaba el auto, cuando estaba solo.

Ahora sé que al firmar un documento sobre la donación de órganos, debería haber establecido también las condiciones sobre el receptor, ya que ahora me puedo meter la tarjeta junto con el formulario en el culo. Bueno, podría si tuviera culo, ¡pero no tengo! Y es que éste, en el que implantaron

mi hígado y a mí junto con él, es para mí, para el estilo de vida que yo tenía y mi visión del mundo – ¡que todavía tengo! – ofensivo y sobre todo inaceptable. Estoy implantado en un auténtico cretino que de la mañana a la tarde anda en chanclas por el departamento, se queda mirando el televisor, balbucea estupideces y esas cosas que mi cabeza de científico difícilmente tolera. Cuando por teléfono explica su estado de salud y el método de trasplante, quisiera borrarlo del mapa, y es que no sabe absolutamente nada de biología ni de medicina, ¡y sin embargo le salen conceptos de la boca como soretes del culo! En momentos como éste, uno se da cuenta, también los hombres como yo – ¡un vestigio de humanidad o qué!? – de lo diferentes que somos todos y de lo mentalmente vagos que son algunos. El departamento en el que vive con su mujer, mejor dicho en el que ahora vivimos juntos, está lejos de ser modesto, la verdad es que no escatiman en la comida que yo, en el papel de su hígado, purifico junto a los medicamentos inmunosupresivos. De este modo podría también al menos leer algo, dado que la situación lo amerita y tiene, después de la operación, veinticuatro horas libres por día. Pero no, el imbécil se tira en el sillón y después miramos juntos unos programas que yo ni sabía que existían. Todo indica que el tipo es un fanático religioso o un religioso calculador. Cree, más que nada, que hay que agradecerle a dios por todo, entonces por eso todos los días miramos algún programa religioso donde los fanáticos mueven las manos gritando con cruces y micrófonos. Está seguro de que dios escucha todos sus rezos y que justo a tiempo se ocupó de su hígado nuevo y sano. Pero acaso te das cuenta, torpe egoísta, muchas veces pienso, que tu deseo: querido dios, por favor, *conseguime un nuevo hígado*, contenía una parte inefable y mortal en la que se escuchaba: *y ya que lamentablemente aún no podemos cultivar hígados como pepinos, humildemente te pido, dios, que alguien se muera así pueda vivir yo*. Si de verdad existe algo parecido a un dios, que diariamente escucha a su propia creación y además les hace realidad sus deseos, ¡entonces ese tipo y su dios efectivamente me han matado! ¡Manga de especuladores!

Su mujer lo escucha y lo atiende con una piedad comprensiva inentendible, él recibe su cuidado como algo natural, pero deduzco de su generosidad que, en su martirio, de una manera bastante idiota también disfruta. Como pude también deducir de sus gemidos que la razón de su enfermedad hepática debe ser una hepatitis C, que se agarró hace diez años en una transfusión de sangre, al menos así le explica al creador cósmico; pero su mujer, que es todavía más tonta que él, realmente le cree, en vez de sentarse en la computadora y tipar en google donación de sangre y hepatitis C y así darse cuenta más rápido de que en los lugares civilizados de nuestro planeta, ya desde el año 1993 se le hace una prueba a cada dador. No tenemos con ella relaciones sexuales, así que cada vez que estamos nosotros dos solos en el sillón frente al televisor, ante los movimientos de algún negro culón nos tocamos suavemente, cuando aparecen planos cortos de la vagina cambiamos de canal y otra vez buscamos al pájaro gordo y serpenteante que se enreda entre los dedos de su dueño.

Uno no elige a sus padres, y ahora sé que tampoco a los huéspedes corporales. El período de recuperación después de un trasplante exitoso, haciendo el régimen de salud recomendado, puede durar unos largos años y de sólo pensar que de ahora en adelante voy a estar condenado a residir en el cuerpo de este tarado, en esta cárcel cerrada sin posibilidad alguna de escape ni siquiera por piedad, y que voy a escuchar – todo indica que hasta su muerte o ¡¿hasta su próximo trasplante

de hígado?! – los inoxidables monólogos idiotas, se me – metafóricamente, por supuesto – revuelve el estómago. Pocas veces salimos a pasear. Y es que él, vago, casi no sale del departamento; si de vez en cuando salimos al balcón, como elefantes en un vallado, fumamos y obsevamos en el patio a los adolescentes en camisetas transpiradas pegándole a la pelota. Maldición, pensé en un momento mientras fumábamos, y eso que hasta ese momento yo nunca había fumado: hace algunos años doné esperma que seguramente ya está bien congelado y entonces lógicamente inactivo. Entonces todavía quedan esperanzas de que aparezca alguna candidata para la inseminación artificial, que entonces descongelen mi esperma y, si mis hipótesis son correctas, puede ser que un lugar de mi conciencia se abra también en él y entonces me salga completamente del hígado. A menos que claro, empiezo otra vez, me aparezca alguna otra sorpresa bizarra y que la conciencia se active autónoma y soberanamente también en mis espermatozoides y así tendría un diálogo interior post mortem con dos fuentes de mi conciencia, ¿pero qué? No tengo idea... no sé qué pensar... si se me va a mezclar todo un poco más... sólo que no en la cabeza ¡¡qué sé yo dónde, y cómo!!

Si mi hipótesis no funcionara y toda mi conciencia, identidad y el resto de la basura personal se redujeran a mi hígado, entonces podría barajar una opción más – que de alguna manera reestableciera la conexión con mi materia corporal inexistente y me metiera científicamente en las células y usara los resultados científicos apropiados en la dirección opuesta, igual que hace la naturaleza a diario – de verdad me interesa saber ¡¿qué hiena ambiciosa me los habrá robado y ahora se estará paseando con ellos por los simposios?! Así como incito con sana ambición a la célula madre para que pueda permanecer joven por los siglos de los siglos; si estuviera lista para dividirse infinitamente, yo la reprogramaría, la maldita mutaría y se convertiría en una célula madre cancerígena que terminaría seguramente con este tipo. Pero existe también la otra posibilidad: que presentara la técnica del rechazo a los medicamentos inmunosupresivos, por la que al tipo se le manifestara una grave infección que finalmente lo llevara a la tumba. Pero entonces mi mente – ¿qué pasa si eso no es todo y mi forma de vida póstuma es simplemente una de las formas de vida humana y realmente existe algo como esa boludez del karma? Es que esto significa que con estas acciones – primero suicidas y consecuentemente asesinas – afecto mi karma y me lo termino arruinando y en la próxima vida, es decir, en la próxima forma me podría encarnar en algún tejido humano, del que después se desarrollara una vagina, por ejemplo, cuya dueña se entregara en su juventud a la prostitución barata y que diariamente frotara en mí una docena de vergas no precisamente higiénicas, o que por ejemplo encarnara en la mucosa oral de algún político corrupto o de un falso abogado a quienes durante mi vida pasada absolutamente he despreciado. Así es que en estas condiciones de desesperación extrema me inspiran sólo dos pensamientos: el primero, que he sobrevivido a un accidente en el cuerpo y que los daños cerebrales son tan graves que ahora permanezco en alguna sección psiquiátrica como una planta de habitación, mientras que en algún lugar intacto en la profundidad del cerebro suceden todos mis procesos cerebrales; pero existe también el escenario B – tal vez hasta E, a lo mejor G... la vitalidad y la creatividad nunca me faltan – en el que en este momento estoy en un coma profundo del que tal vez un día puedo despertarme y entonces va a estar todo más o menos en orden.

Antes me volvía loco cuando escuchaba la frase de que la esperanza es lo último que se pierde. No, les refutaba a esos sabelotodo – la esperanza es lo penúltimo que muere, al final propiamente

dicho, después de la esperanza, muere el que está esperando. Ahora veo que de algún modo es así. A mí, que estoy formalmente muerto y que soy informalmente una mezcla de hígado autoconsciente, me queda únicamente la esperanza porque todo el resto, como se demuestra, ha muerto o es absolutamente no-funcional.

¡Qué sé yo, cómo es esto de la vida y la muerte! Como sea que me dirijo y miro – a ojos cerrados, lógicamente, puesto que ya no tengo esa habilidad, duermo pero evidentemente no – por ahora sólo me doy cuenta de una cosa: No es el fin, no es el fin...

LIST OF TRANSLATORS

Karin Almasy (Austria)

Born in 1985 in Klagenfurt/Celovec, Carinthia. One of the few non-Slovene Carinthians that learned the Slovene language. She earned a B.A. in translation studies (Slovene and Italian) and completed the German as a Foreign Language (DaF) teaching programme at the University of Graz, the city where she still lives and works. She has lived in Ljubljana and Novi Sad, taught German, and done proofreading and translating while completing her MA in the History of Southeastern Europe at the University of Graz. She mainly translates Slovene literature into German, focusing on poetry by authors such as I. Dobnik, I. Svetina, and A. Medved, and prose by P. Voranc, S. Tratnik, and A. Čar.

Contact: karin@almasy.at

Ann Catrin Apstein-Müller (Germany)

Born in 1973, she studied German language and literature, American culture and literature, and media law in Munich, where she now works as a freelance editor and translator from Slovene, English, and French. She has translated works of prose by Aleš Šteger, Miha Mazzini, Milan Kleč and Marko Sosić, plays by Simona Semenič and Evald Flisar, and poetry by Stanka Hrastelj, Primož Čučnik and Ana Pepelnik.

Contact: ac-am@gmx.de

Marianna Bershadskaya (Russia)

Born in 1937. She is an associate professor at the Saint Petersburg State University. She teaches Slovenian literature and literatures of other Southern Slavic nations. In 1993, she launched Slovenian language classes at the Department of Slavic Philology. She has published a number of studies on Slovenian literature and translations of works by I. Cankar, A. Ingolič, J. Kozak, M. Kranjec, C. Kosmač, K. Grabelšek, B. Zupančič, A. Hieng, N. Kraigher, and D. Jančar. Her currently unpublished translations into Russian include Županova Micka (Micka, the Mayor's Daughter) by A. T. Linhart, Lepa Vida (Beautiful Vida) by I. Cankar and Kreature (Creatures) by B. Kreft. She is the chairman of the Saint Petersburg Branch of the Slovenian Cultural and Artistic Society Triglav, the initiator of the Friends of Slovenia Society, and an honorary member of the Slovenia-Russia Society. In 2000, she became a distinguished recipient of the Order of Freedom of the Republic of Slovenia.

Contact: marber2@rambler.ru

Ljudmil Dimitrov (Bulgaria)

Born in 1967. He obtained a degree in Bulgarian Philology (1992) in addition to two second majors in journalism and media at Sofia University, and drama theatre directing at the National Academy for Theatre and Film Arts in Sofia. He obtained his doctorate in Russian literature in 1999. He is a professor of Russian literature at the University St. Kliment Ohridski in Sofia, and a professor of Russian Drama and Theatre at the Theatre College "Lyuben Grois" in Sofia. He is a full member of the Bulgarian Academy of Sciences and Arts and the Bulgarian PEN. Between 2005 and 2010, he was a lecturer for Bulgarian Language, Literature and Culture at the University of Ljubljana. He is the co-founder and head of the Literature, Film and Visual Culture Master's program at the Faculty of Slavic Studies at the University St. Kliment Ohridski in Sofia. He has authored several scholarly monographs (including Bagrjana in Slovenija with L. Malinova-Dimitrova, Ljubljana 2011), textbooks and books (anthologies and collections), over 150 publications in Bulgaria, Russia, Poland, Czech Republic, Slovakia, Turkey, Italy, Serbia, Slovenia etc., and participated at over 50 forums and conferences in Bulgaria and Europe. He is also an editor and translates works from the English, Russian and Slovene. He has translated several works by Slovenian authors into Bulgarian, among them A. Šteger, M. Zupančič, Z. Kveder, S. Tratnik, M. Kumerdej, A. Blatnik, A. Morovič, M. Novak, T. Kosmač, A. Skubic, M. Čander, S. Hrastelj and others.

Contact: ljudiv@abv.bg

Florence Gacoin-Marks (France)

Born in 1972 in Paris, she completed her studies at the Sorbonne and at the INALCO in Paris, where she studied French literature, Serbo-Croat and Slovene. She wrote her Ph.D. thesis in comparative literature on the Slovene realistic novel in the European context. She has lived in Slovenia since 1994 and currently works as a lecturer at the Faculty of Arts at the University of Ljubljana. Her main research interests are comparative literature, narratology, and translatology. In her spare time, she translates scientific, legal, and literary texts. One of her main goals is increased promotion of Slovene literature and culture in francophone countries.

Contact: florence.gacoin-marks@guest.arnes.si

Aleksandra Krasovec (Russia)

Born in 1982 in Moscow, she studied Slovene language and literature at Lomonosov Moscow State University (2000-2005), where she completed a thesis "The Genre Peculiarity of Drago Jančar's Novels between 1970 and 1990". Then she studied Russian literature at Jean-Moulin Lyon III University in France. In 2006 she defended her MA thesis "Russian Avant-garde Poetry in the 1920s", which also covered the phenomenon of Russian expressionism. She continues working on these subjects in her doctoral dissertation. She has lived in Ljubljana since 2006. She translates scholarly, technical and literary texts. She is a member of a group preparing a new edition of Russian-Slovene Dictionary at University of Ljubljana.

Contact: aleksandrakrasovec@yahoo.com

Grégoire Labbé (France)

Born in 1985 near Lyon, Grégoire learnt Slovene for three semesters at the Center for Slovene as a Second/Foreign Language in Ljubljana. Upon returning to France, he continued his studies in the field of Slavonic languages; including Slovene, Czech and, more recently, Ukrainian, at the INALCO (the National Institute of Oriental Civilisations and Languages), a renowned institute in Paris. He began to work as a translator after he was inspired by a seminar, organized by the Slovenian Book Agency in August 2011, and he is keen on developing a career in translating Slovene literature.

Contact: g.lab85@gmail.com

María Estefanía Quiroga (Argentina)

Born in 1982 in Buenos Aires, she studied Spanish Language and Literature at the University of Buenos Aires and presently teaches Spanish as a foreign language. She has been studying the Slovene, Serbian, and Croatian languages for many years, and also actively participates in the promotion of South Slavic culture in Buenos Aires. Her passion for contemporary Slavic literature led to working on Slavic-Spanish translations and motivated her interest in introducing this particular literature into the Spanish market. To date, she has translated several brochures and short stories from Slovene into Spanish and is currently working on her first translation of a full-length novel.

Contact: estefaniaq@gmx.net

Timothy Pogacar (USA)

Pogačar teaches Russian language and literature at Bowling Green State University. He is president of the Society for Slovene Studies and has edited the journal Slovene Studies, which occasionally publishes English-language translations of Slovene literature. He translated the prose selections in Slovenski pesniki in pisatelji akademiki (Slovene Poets and Prose Writers in the Academy of Sciences, 2007). Currently, he is completing a translation of Ivan Tavčar's Visoška kronika (The Visoko Chronicle). Pogačar is involved in other kinds of translating as well. He translated Marko Juvan's Intertekstualnost: zgodovina in poetika (Intertextuality: History and Poetics, 2009). He is an associate director of the Language Services Group at Bowling Green State University.

Contact: pogacar@bgsu.edu

Kristína Potocňáková (Slovakia)

Born in 1984 in Prešov, Slovakia. She studied English and Polish at the Faculty of Philosophy at the Comenius University in Bratislava. During her studies, she turned her focus to the Slovene language and participated in several cultural events on theme Slovene literature and film (World Festival of Slovene Literature 2006, World Festival of Slovene Literature in Film 2008). She has translated a children's novelle by Franjo Francič and poems by Klemen Pisk, Lucija Stupica (in cooperation with Andrej Pleterski; the translation was nominated for the prize "Lirikonov zlat 2010"). Her translations of works by A. Blatnik, D. Zajc, A. Šteger, P. Rezman, M. Vidmar and many others are included in an Anthology of Contemporary Slovenian Literature, which was published in Slovak in 2010. She partakes in organizing literary evenings with Slovenian authors and is also active as an interpreter from Slovene and English into the Slovak.

Contact: kpotocnak@gmail.com

Nemanja Sicević (Serbia)

Born in 1978 in Kruševac, Serbia, currently living in Belgrade. He earned a BA and an MA degree in General Linguistics and the Slovene Language at the Faculty of Philology in Belgrade. He teaches Slovene and Serbian at several schools in Belgrade, including Kolarčeva zadužbina, the oldest and most prominent language school in Serbia. He occasionally lectures on contemporary Slovene culture and society, as well as on South Slavic philology. He is active as an editor of various almanacs and as a proofreader. He translates technical, scientific, legal, and literary texts from Slovene and English into Serbian and vice versa.

Contact: nemanja.sicevic@gmail.com, beskrajni.plavi.krug@gmail.com

Darko Spasov (Macedonia)

Born in 1976 in Kočani, Macedonia, he graduated from the Faculty of Philology at the Ss. Cyril and Methodius University of Skopje and obtained his MA degree in theatre arts at the ESRA - University for Audiovisual Arts in Skopje. He translates works from the Slovene, English, and Russian for the Macedonian book market. He regularly collaborates with the following publishers: Mladinska Knjiga Skopje, Matica Makedonska, Kliker knjige, Esra, and Miš. He has translated an assortment of contemporary Slovene drama texts (T. Kosi, M. Zupančič, D. Potočnjak, S. Pavček) and works by several renowned Slovenian authors, such as A. Rozman – Roza, E. Peroci, S. Makarovič, B. Hanuš, C. Bevc, N. Kokelj, S. Hrastelj, M. Potocco, A. Hočevar, F. Bevk, F. Milčinski and others. He also translates plays by dramatists such as S. Melchinger, M. A. Čehov or D. Donnelan.

Contact: polatski@gmail.com

Nadežda Starikova (Russia)

She is a Ph.D. holder and specialist in the field of Slavic Philology and a Slovenist. After graduating from Lomonosov Moscow State University, she works at the Institute of Slavic Studies, the Russian Academy of Sciences, and was also as the acting director of the Center for Modern Literatures of Central and Southeastern Europe. Since 1994, she has been a lecturer for Slovene Literature and Culture at the Department of Slavic Philology at Moscow State University. She has authored the following books: The Slovene historical novel of the 1920s-1930s. Typology. Genealogy. Poetics (Moscow, 2006), and Slovenian literature (from the origins to the beginning 20th century) (Moscow, Indrik, 2011), as well as articles on the literature and culture of Slovenia in the 20th century. As a translator, she participated in the following projects: Slovenia. The Path to Independence (Moscow, Indrik, 2001 – translation of documents), Literary Express Europe 2000 (Moscow, Rainbow, 2001 – translation of works by A. Šteger, A. Čar and E. Babačić). She acted as a consultant, translator and editor of the anthology of Contemporary Slovene Prose, Poetry, and Drama (Litterae Slovenicae, DSP, Ljubljana, 2001 – translation of works by V. Taufer, A. Blatnik, D. Jovanovič, E. Flisar, and D. Jančar), and wrote the preface to the Anthology of Slovene Poetry From Age to Age. Slovene poetry (Moscow, Pranat, 2008). In 2010, she was honoured with the Tone-Pretnar-Award for ambassadors of the Slovene language and literature abroad.

Contact: nstarikov@mail.ru, nstarikova2009@yandex.ru

Kristina Tamulevičiūtė (Lithuania)

Kristina Tamulevičiūtė was born in 1989 in Siauliai, Lithuania. She studied Lithuanian and Slovene at the Universities of Vilnius and Ljubljana. Currently, she is a student at the University of Sarajevo, Bosnia and Herzegovina, where she studies Bosnian, Croatian and Serbian literatures. She has won numerous youth poetry competitions throughout Lithuania. Her poems have been published in various Lithuanian newspapers and magazines. She mostly translates contemporary Slovene poetry. The majority of her translations have been and are being published by the cultural newspaper Siaures Atenai.

Contact: kristina.tamuleviciute@gmail.com

Regina Wojton (Poland)

Born in 1978 in Krośno, Poland, she graduated in Polish and Slovene from the Faculty of Philology at the Silesian University, where she also completed her Ph.D. studies (with a dissertation entitled "Evil in Polish and Slovenian Modern Literature of the 1990s") and a postgraduate programme for teachers of Polish Culture and Polish as a Foreign Language. Her research areas are literary studies and contemporary Slavic literatures, in particular the reception of modern Polish psychological and crime novels abroad. She works at the University of Bielsko-Biała as a teacher of Slovenian and Polish as foreign languages. She is also interested in translation studies and contributes to various projects that promote Slovenian and Polish culture abroad. She translates Slovene poetry and prose into Polish.

Contact: rwojton@gazeta.pl

Tatiana Zharova (Russia)

Graduated from the Lomonosov Moscow State University and also studied at the University of Ljubljana. She taught Slovene both at the Moscow Institute of International Relations and at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Between 1999 and 2001, she was a cultural attaché at the Embassy of the Russian Federation in Ljubljana. She currently works as a translator and interpreter at the Embassy of the Republic of Slovenia in Moscow, where she is involved in bilateral programs for cultural partnership between the two countries. She also translated several literary works by Slovene authors such as I. Cankar, M. Bor, N. Gaborovič, A. Hieng, D. Lokar, and T. Pavček.

Contact: zharovat@gmail.com

CO-FINANCING PUBLICATIONS OF SLOVENIAN AUTHORS IN FOREIGN LANGUAGES

The Slovenian Book Agency is an autonomous government institution that awards subsidies and provides different forms of support as instruments of international promotion of Slovenian literature.

Subsidies to translators for the translations of Slovenian authors:

A call for applications is published twice a year – in January or February, and September. The following genres are qualify for public financial support: literature, science, art and culture in general, literature for youth and children, scholarly essays and critiques, theatre plays and comics.

The applicant can be a foreign publishing house or translator. In both cases there has to be a letter of intent or a contract between the translator and the publisher or theatre from abroad that publishes or carries out the work for which a subvention is sought.

The subsidy covers up to 100 % of the translation costs. The grant is paid directly to the translator's account. Grants cannot be awarded retroactively.

Mobility grants for top literary authors

The call for applications is published twice a year – in January or February, and September. The applicant must be a Slovenian author who has been invited to a literary event abroad. The application must be enclosed with the invitation and the program of the event. The subsidy covers up to 100 % of eligible travel expenses.

Contact

Javna agencija za knjige Republike Slovenije / Slovenian Book Agency

Tržaška cesta 2, 1000 Ljubljana, Slovenia

Phone: +386 1 369 58 20

Fax: +386 1 369 58 30

Email: gp.jakrs@jakrs.si

Webpage: www.jakrs.si

The Trubar Foundation

The Trubar Foundation is a joint venture of Slovene Writers' Association, Slovenian PEN and the Center for Slovenian Literature. The aim of the Trubar Foundation is to subsidize publications of Slovenian literature in translation.

Subsidies to publishers for the printing costs of the books translated from Slovene:

Foreign publishers can apply for subsidies to publish unpublished translations of Slovenian authors in their native languages.

The Trubar Foundation contributes up to 50% of printing costs. It does not subsidize translation. Priority is given to the works of living authors who are already established in Slovenia. The Board consists of seven equal members including the Presidents of Slovene Writers' Association and Slovene PEN. They convene at least twice a year, usually in March and October. Therefore, applications received by the end of February and the end of September will be considered.

Contact

Društvo slovenskih pisateljev / Slovene Writers' Association

Tomiščeva 12, 1000 Ljubljana, Slovenia

Phone: +386 1 251 41 44,

Fax: +386 1 421 64 30

Email: dsp@drustvo-dsp.si

Webpage: <http://www.drustvo-dsp.si>